

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)»**

На правах рукописи

Лыков Кирилл Александрович

**ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА В. ПОЗНЕРА:
СИНТАКСИС, ПРАГМАТИКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Голубева Ирина Валериевна

Таганрог – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Языковая личность на пересечении внешней и внутренней лингвистики.....	12
1.1. Язык «в самом себе» и язык для человека: лингвокультурология..	12
1.2. Антропоцентрическое и глоссоцентрическое направления	16
1.3. Лингвистические предпосылки к изучению языковой личности...	18
1.4. Взаимосвязь синтаксиса и прагматики.....	33
Выводы по первой главе.....	38
Глава 2. Прагматическая значимость синтаксической организации текста книги В. Познера «Прощание с иллюзиями» как отражение его языковой личности.....	39
2.1. Прагматическая значимость количественного соотношения предикативных построений и единиц их членения.....	39
2.2. Прагматическая значимость диалога в монологе.....	46
2.2.1. Говорящий и собеседник в одном лице.....	46
2.2.2. Расширенная семантика говорящего лица.....	50
2.2.3. Редукция формы говорящего лица.....	52
2.2.4. Риторический вопрос.....	57
2.3. Прагматическая значимость антиномий.....	64
2.3.1. Стилистическая несовместимость единиц членения предложения.....	64
2.3.2. Стилистическая несовместимость предикативных частей предложения.....	65
2.3.3. Развернутые тропы, основанные на антонимии.....	68
2.4. Прагматическая значимость присоединительных конструкций.....	70
2.4.1. Гипотактические конструкции.....	70
2.4.2. Паратактические конструкции.....	73
2.4.3. Самостоятельные предложения.....	74
2.4.4. Синкретичные структурно-семантические конструкции.....	77

2.5. Прагматическая значимость формы субъекта	79
2.5.1. Повтор личного местоимения со значением говорящего лица....	79
2.5.2. Повтор местоимения со значением отсутствующих в акте коммуникации лиц.....	84
2.6. Прагматическая значимость дефинитивных конструкций.....	87
2.7. Прагматическая значимость вставок	96
2.7.1. Структурные особенности вставок.....	98
2.7.2. Семантические особенности вставок.....	109
Выводы по второй главе.....	121
Глава 3. Прагматическая значимость синтаксической организации устной речи В. Познера как отражение его языковой личности	124
3.1. Прагматическая значимость модально-эмоциональной позиции говорящего лица в жанре открытой лекции.....	124
3.1.1. Нарушение общепринятых стереотипов речевого поведения.....	124
3.1.2. Варианты форм лица в контактоустанавливающей функции.....	126
3.1.3. Антецедент в контактоустанавливающей функции.....	140
3.1.4. Вопрос как способ установления контакта	143
3.2. Прагматическая значимость антиномий в установлении границ диалогического единства в интервью.....	146
3.3. Прагматическая значимость гендерной детерминации в интервью.....	161
3.3.1. Тематический маркер первого вопроса как вектор языковой стратегии.....	162
3.3.2. Цитация слов собеседницы и ее кинематографической героини как способ получения информации	164
Выводы по третьей главе.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Речь человека – наиболее очевидный способ раскрытия его личности. Конечно, физиономисты будут еще говорить в этом случае о мимике и жестах и даже уверять, что эти средства точно никогда не обманут в отличие от языка; эксперты моды многое могут сказать нам о человеке по тому, как он одевается и т. д. Но в общем случае язык – это универсальное средство идентификации человека. При этом лингвисты отлично понимают, что узнать о человеке можно не только по тому, **что** он говорит, но и по тому, **как** он это делает. Речь людей, говорящих на одном языке, очень удобно изучается в сравнении, поскольку в этом случае есть одна и та же точка отсчета – один язык, в равной степени потенциально данный каждому из нас. Люди используют язык по-разному, и важно то, как реализуется ими механизм языка, как он приводится в движение. Форма речи – это фундаментальный признак, проявляющий интеллект, мыслительные способности, эмоциональную сферу человека.

В данной диссертации сделана попытка описать те синтаксические построения, которые стали основой публицистического стиля В. Познера в письменной и устной формах проявления. Мысль публициста и способ ее синтаксического развертывания делает его речь живой, убедительной, аргументированной, а потому достигающей прагматического эффекта. Кроме того, выверенная речь журналиста иногда имплицитно выражает мысли, не входящие в его коммуникативные задачи. Парадокс в отношениях автора и читателя в свое время был отмечен А.А. Потебней: «Сущность, сила... произведения... в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проецируемое нами, то есть влагаемое в самое произведение, обусловлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить в расчеты художника» [Потебня, 1976, 181].

Границы понятия «фрагмент» в названии работы детерминированы указанными жанрами объекта и ракурсом исследования, проведенного на коммуникативном, синтаксическом уровне, синтезирующем все средства языка в оптимально выстроенных автором способах монологического и диалогического развертывания речи. Термин «языковой портрет» наиболее

полно отвечает поставленным задачам, отражая особенности языка его носителя, обусловленные задачами его речи, спецификой мышления, коннотативными предпочтениями в способах достижения прагматического эффекта. Как носитель различных культур и идеологий, владеющий несколькими языками, В. Познер, даже обращаясь к одному адресату, выстраивает свою речь так, чтобы она находила отклик в потенциальных собеседниках, говорящих на других языках и обладающих другим менталитетом. Кроме того, термин «языковой портрет» удачно коррелирует с давно устоявшимся понятием «языковая картина мира» по признаку частное/общее.

Актуальность темы диссертации определяется тем, что в ней анализу подвергается оригинальный языковой материал, созданный известным современным публицистом, журналистом и телеведущим В. Познером. Интервью, открытая лекция, автобиография – это одни из наиболее актуальных форм публичной речи в социально-культурной жизни России конца XX – начала XXI в. В них манифестируются тенденции развития языка на данном синхронном уровне, и основная среди них – стирание грани между литературными жанрами, устными и письменными формами общения. Названные формы речи отличаются активным включением адресата в авторские рассуждения с целью установить с ним контакт, привлечь его внимание, сделать единомышленником. Эти свойства особенно интересно выявить и проанализировать в публицистике носителя элитарной языковой культуры, представителем которой является В. Познер.

Объект исследования – устная и письменная речь В. Познера, а его **предмет** – синтаксис письменной и устной речи В. Познера. Выявляются и анализируются те синтаксические построения, с помощью которых автор решает намеченные коммуникативные задачи.

Теоретическую базу диссертации составили основополагающие труды отечественных и зарубежных ученых. Это работы, которые рассматривают принципы анализа языкового портрета (Н.Ф. Алиференко, Н.Д. Арутюнова,

А.Н. Байкулева, Л.П. Батырева, А.Ю. Беляева, Е.О. Бирюкова, Н.В. Варнавских, М.В. Гаврилова, Джон Дж. Гамперц, И.В. Голубева, Г.Г. Инфантова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Ю.Ю. Леденев, Г.Г. Матвеева, О.Н. Паршина, К.Ф.Седов, И.Г. Томарева, О.П. Фесенко, Е.В. Ширина), стилевые и экспрессивные особенности речи (М.М. Бахтин, А.Н. Белошапкин, М.В. Китайгородская, Р.И. Макдэвид-мл, Л.Ф. Маркова, Н.Н. Розанова, И.А. Стернин, М.А. Стрельникова, И.А.Тарасова, Л. В. Ухова и др.), исследуют синтаксические факторы достижения успеха в коммуникативном процессе (Г.Н. Акимова, О.В. Александрова, Л. Блумфилд, И.Р. Гальперин, Е.И. Диброва, Г.А. Золотова, Е.И. Иванчикова, А.А. Потебня, А.П. Сковородников, Д.Н. Шмелев).

Цель исследования – выявить синтаксические средства, которые формируют неповторимый языковой портрет В. Познера, способствуя достижению прагматического эффекта в письменной и устной формах речи.

Цель диктует следующие **задачи**:

1. Провести статистический анализ выборок из текстов В. Познера с целью определения доминирующих синтаксических единиц в письменной и устной формах речи, выявив зависимость частотности тех или иных синтаксических единиц от характера темы выборки.

2. Выявить синтаксические способы достижения прагматического эффекта, характерные для письменной речи В. Познера (на материале книги «Прощание с иллюзиями»).

3. Выявить синтаксические способы достижения прагматического эффекта, характерные для устной речи В. Познера (на материале открытой лекции «О журналистике в России» (Мультимедийный пресс-центр РИА) и интервью с Д.А. Медведевым и Р. Литвиновой в телевизионной программе «Познер»).

4. Выяснить специфику языковой личности В. Познера в аспекте речевого воздействия на адресата.

Решение поставленных задач определяет защиту следующих положений:

1. Фрагмент языкового портрета личности может быть создан на базе синтаксического уровня языка как наиболее тесно связанного с процессами мышления и коммуникации за счет выявления так называемых «приоритетных конструкций» (термин О.В. Шаталовой) и их качественно-количественного анализа, дающего представление об идиостиле конкретного носителя языка.

2. Достижение прагматического эффекта в письменной речи В. Познера осуществляется за счет синтаксических особенностей организации текста и единиц его членения:

- внутреннего диалога в монологе;
- развернутых антиномий различного типа;
- присоединительных конструкций;
- форм выражения говорящего лица;
- дефинитивных конструкций;
- парантезы.

3. Достижение прагматического эффекта устной речи В. Познера осуществляется за счет следующих синтаксических средств:

1) выражающих контактоустанавливающую функцию:

- вариантов выражения позиции говорящего лица;
- антецедента, истинность которого предлагается обсудить сообща;
- вопросительных предложений;

2) провоцирующих прямые ответы собеседника:

- развернутых антиномий различного типа;
- способов включения языкового хронометра в установлении границ диалогических единств;

3) детерминированных гендерными отношениями:

- характером первого вопроса, задающего вектор языковой стратегии беседы;

– цитации слов собеседника как возможности раскрытия его внутреннего мира.

4. Конечная цель любого вида речи В. Познера – воздействие на адресата. В современном мире наибольшую ценность представляет не информация сама по себе, а ее структурирование и оценка автором при помощи языковых форм. В основе создания новой информации лежит ее выбор из уже имеющихся информационных массивов с последующей упорядоченностью отобранных фрагментов в новое информационное целое для выражения не только отношения к сообщаемым фактам, но и к адресату речи.

Источником исследования является книга В.В. Познера «Прощание с иллюзиями» (М.: Астрель, 2012) и его публичные работы: открытая лекция о журналистике в России, прочитанная в мультимедийном пресс-центре РИА, интервью в телевизионной программе «Познер» (с Д.А. Медведевым и Р. Литвиновой).

Материал исследования получен методом сплошной выборки из текстов устной и письменной речи В. Познера и подвергнут статистическому анализу с точки зрения выявления особенностей функционирования синтаксических единиц на основе ряда релевантных признаков: количество предикативных основ, способ их связи и характер семантических отношений между ними, наличие осложнения и его типологизация.

Методология исследования базируется на основных законах диалектики о соотношении формы и содержания, единстве и борьбе противоположностей, переходе количественных изменений в качественные, о всеобщей связи явлений – все они детерминируют и процессы языкового развития.

Методы и приемы исследования продиктованы его целями и задачами: статистический анализ выявляет доминирующие синтаксические единицы дискурса, синтагматический анализ определяет позицию языковой единицы в границах текста, лингвистическое комментирование устанавливает ее коммуникативную значимость, текстологический анализ, опирающийся на

тезаурус говорящего лица, позволяет сделать вывод о прагматическом эффекте его речи.

Научная новизна работы заключается в том, что 1) описан дискурс письменной и устной речи такой незаурядной языковой личности, как В. Познер; 2) выявлены доминирующие синтаксические построения, которые формируют коммуникативный аспект речи В. Познера, выступая основанием для создания фрагмента его языкового портрета; 3) доказано, что именно структурно-семантическая организация текста, обусловленная темой, жанром, формой речи, дает представление о способах творческого синтеза всех ресурсов языка в соответствии с конкретной коммуникативной задачей, которая в дискурсе автора детерминирована не только явлением полилингвизма, но и фактом позиционирования себя представителем различных социокультурных пространств; 4) рассмотрен тот синтаксический инструментарий публициста, журналиста, телеведущего, который позволяет выявить авторскую модальность, обеспечивающую прагматический эффект его речи; 5) проанализирована аксиология В. Познера как часть его картины мира, богатое наполнение которой продуцирует возможность оценочных метакогнитивных действий, детерминированных одновременным обращением к нескольким адресатам с целью достичь прагматического эффекта в отношении каждого из них, хотя сам В. Познер подчеркивает субъективность своих суждений с точки зрения говорящего лица.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в разработку проблемы языковой личности в той части ее реализации, которая представлена синтаксисом, тесно связанным с мыслительной и коммуникативной деятельностью, умением точно выстраивать речь в конструировании композиционного целого и всех единиц его членения. Исходное положение работы определяется тем, что главным инструментом В. Познера в достижении прагматического эффекта является умение сделать точный выбор из синтаксической парадигмы языка и подчинить его реализации конкретной коммуникативной задачи.

Практическая значимость результатов исследования связана с возможностью применения методики создания языкового портрета, центром которой следует признать синтаксис, к анализу речи других носителей языка. Основные положения работы можно использовать в лекционных курсах, спецкурсах и спецсеминарах по языковым дисциплинам, адресованным тем видам деятельности, успех в реализации которых напрямую зависит от умения стратегически точно выстроить речь, просчитав ее прагматический эффект.

Апробация результатов исследования. Сформулированные в диссертации основные положения получили апробацию на международных научных и научно-практических конференциях: Всероссийской молодежной конференции «Языковая личность. Речевые жанры. Текст» (Таганрог, 2014 г.); Международной заочной онлайн-конференции «Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований» (Москва, 2015 г.), на ежегодных научных конференциях молодых преподавателей и аспирантов ТГПИ (2012–2014).

По материалам исследования опубликовано 10 работ, в их числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение, библиографический список.

Во **«Введении»** декларируются основные исходные положения исследования: предмет и объект, актуальность и новизна, теоретическая и практическая значимость, цели и задачи и т.п.

Первая глава **«Языковая личность на пересечении внешней и внутренней лингвистики»** содержит краткий обзор работ, посвященных соотношению внутренней и внешней лингвистики. Особо рассматриваются те из них, в которых очевиден антропоцентрический подход к изучению языка. Осуществляется связь имеющихся в науке теоретических положений с намеченным в данной работе вектором исследования.

Во второй главе **«Особенности синтаксической организации текста книги В. Познера “Прощание с иллюзиями”»** исследуются актуальные для достижения прагматической цели синтаксические построения.

В третьей главе «**Особенности синтаксической организации устной речи**» исследуются актуальные для достижения прагматической цели синтаксические построения в лекции и интервью В. Познера.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, перечисляются особенности синтаксического устройства, типичные для письменной и устной форм речи, а также актуальные только для одной из этих форм. Кроме того, намечаются перспективы исследования в избранном направлении.

Библиографический список включает в себя 137 наименований работ отечественных и зарубежных авторов и 6 словарей.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1 Язык «в самом себе» и язык для человека: лингвокультурология

Вот уже около ста лет спорам по поводу незабвенной фразы из курса лекций Соссюра о том, что «единственным истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр, 235]. Спорят и по поводу содержания этой мысли, и по поводу степени ее влияния на развитие лингвистики в 20 веке, и даже по поводу того, принадлежит ли она Соссюру или издателям курса, эффектно подытожившим идеи великого ученого. Конечно, будучи вырванной из контекста лекций (Соссюр полемизирует здесь с биологической концепцией языка А. Шлейхера и тотальной диахронией лингвистики 19 века) и, вообще говоря, из лингвистического дискурса рубежа 19 и 20 веков, эта фраза звучит весьма экстравагантно. Но при этом она способствовала в 20 веке возникновению двух, на первый взгляд конкурирующих аспектов изучения языка: с одной стороны, структурализма и, с другой – социолингвистики и лингвокультурологии.

Первый аспект ставит своей задачей изучение внутренних отношений между элементами системы языка (язык «в самом себе и для себя»), второй – все факты соприкосновения языка с обществом его носителей, с говорящей личностью. И в этом нет никакого противоречия. Эти два аспекта лингвистического изучения не исключают, а дополняют друг друга.

Во-первых, внутренняя (структурная) лингвистика описывает вовсе не антиантропологические сущности, а те психические отношения, которые осуществляются в языковом сознании людей. Структурное направление стремится с максимальной объективностью извлечь эти данные из произведений этого сознания, из речи людей и обобщить, типизировать их. Языковая личность во внутренней лингвистике является отправной точкой, материалом структурных исследований, которые стремятся вывести общую структуру языка из ее частных проявлений.

Во-вторых, знание внутренней структуры языка является необходимым условием изучения языковой личности, поскольку лишь на основе знания общих правил и законов, действующих в том или ином языке, можно изучать специфические черты речевого портрета конкретного носителя этого языка. Особенное осознается только на основе общего. Таким образом, языковая личность в социолингвистике в совокупности ее социально-индивидуальных черт является целью, конечной точкой лингвокультурологических исследований.

Вообще, с самого зарождения языкознания, возникшего в связи с нарастающими проблемами непонимания людьми друг друга или текстов, написанных на других (или древних) языках, все концепции языка так или иначе укладываются в рамки парадигмы «язык и человек». При этом определение языка варьировалось: одни считали его устроенным по природе, другие – по установлению, третьи – воплощением законов логики (средние века, Ф.И. Буслаев), четвертые – реализацией народного духа (В. фон Гумбольдт, Х. Штейнталь, А.А. Потебня), пятые признавали реальное существование только индивидуальных языков (младограмматики). И.А. Бодуэн де Куртенэ утверждал, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртенэ, 71].

Язык считался или божественным даром, или независимым от человека организмом, развивающимся по законам, общим для биологических систем (А. Шлейхер), или по общественным законам (Г. Шухардт).

Новейшие разделы науки о языке, относящиеся к сфере лингвистики речи, возникают не на волне отрицания структурализма и не потому, что в конце 20 века стала очевидной ограниченность этого направления и «возникла необходимость разработки новых путей в языкознании» [Ворожбитова, 2000, 17], а потому, что эти новые направления лингвистики речи были естественным продолжением структурных исследований, пытавшихся «извлечь» структуру языка из речи его носителей. Социологические,

культурологические, когнитивные исследования языка переориентировали парадигму «язык и человек» в направлении от языка к человеку.

Первыми, кто стал думать в этом направлении, были психологи в главе с В. фон Гумбольдтом и Х. Штейнталем. Они отождествили язык с народным духом, с коллективным мировидением, которое навязывается языком каждому его носителю. Х. Штейнталь по этому поводу писал: «Каждый народ образует замкнутое единство, частное проявление человеческой сущности; и все индивиды одного народа носят отпечаток этой особой природы народа на своем теле и на душе. Со стороны физической организации это сходство объясняется кровным родством, т. е. единством происхождения, сходными влияниями извне – влияниями природы и образа жизни; сходство же духовной организации определяется совместной жизнью, т. е. совместным мышлением» [Штейнталь, 133].

С возникновением психологического направления в языкознании проблемы соотношения языка и мышления, сознания, «народного духа» оказались в эпицентре внимания. Можно сказать, что лингвокультурология возникает на новом витке развития лингвистики как попытка применить новый концептуальный аппарат, разработанный лингвистами 20 века в попытке по-новому осознать взаимопроникающее единство общего, коллективного и частного, индивидуального в языке.

Э. Хауген пишет: «Говорящий выражает себя, однако выражено может быть лишь то, что его коллектив готов воспринять. Таким образом, язык не просто средство общественного взаимодействия, но и средство индивидуального самовыражения. Первое ведет к единообразию кода, второе – к разнообразию. Фактический результат этого – зыбкое равновесие между тем и другим [Хауген, 456]. В концепции ученого принципиальное значение имеет закон экономии языковых средств для выражения одной и той же мысли: «общение становится возможным благодаря достижению неустойчивого равновесия между экономией говорящего при высказывании и экономией слушающего в восприятии» [Хауген, 459]. Равновесие между

общим, узуальным и частным, особенным, которое проявляется на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом) является той силой, которая способствует его развитию, переводя при определённых условиях творческие результаты личности в достояние коллектива говорящих.

Мысль В. фон Гумбольдта о том, что язык есть деятельность, оказалась весьма плодотворной на рубеже 20 и 21 века. «Язык не только обозначает те или иные факты действительности, но и определенным способом осмысливает их, формируя вторичную реальность в национальном сознании носителей языка, он «является условием, основой и продуктом культуры» [Маслова, 2001, 8], системой «воплощения культурных ценностей» [Мурзин, 1996, 10].

Язык выступает не только как средство создания артефактов культуры, но и сохраняет эти продукты для следующих поколений. Более того, язык и сам является важнейшим произведением культуры, относится к числу существенных свойств человека, и в этом смысле изучение языка позволяет понять человеческую сущность. Язык рассматривается как «форма, важнейший элемент национальной культуры народа», как «одновременно и средство, и символ национальной культуры» [Диброва, 1996, 2].

Речь многое говорит о человеке, об уровне его образования, социальном статусе, его самоидентификации. «Общественное положение человека, оценивается в зависимости от того, насколько его <...> язык соответствует принятым в господствующей культуре стандартам правильной речи» [Макдэвид-мл., 363]. При этом определяющей является верификация правильности собственных языковых выражений говорящим с точки зрения соответствия степени социальной значимости дискурса: чем выше эта значимость, тем больше привязанность к стандарту правильной речи.

Л. Блумфилд считает язык проявлением природы человека. «И хотя сейчас это только мечта, можно надеяться, что в недалеком будущем изучение языка поможет нам понимать поступки людей и управлять этими поступками» [Блумфилд, 559] – так оптимистично заканчивается его знаменитая книга.

Сейчас, спустя больше полувека, замечательное предсказание Блумфилда, очевидно, начинает сбываться. Исследования в области языковой семантики и прагматики, в частности труды представителей Московской семантической школы (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Е.В. Рахилина, М.Я. Гловинская) сделали переворот в языкознании второй половины 20 века, сравнимый с исторической (19 в.) и структурной (первая половина 20 в.) выдающимися лингвистическими революциями.

1.2. Антропоцентрическое и глоссоцентрическое направления

Глоссоцентрическое направление движется от изучения речи носителей – к описанию языка, антропоцентрическое – от определенного языка к изучению говорящего человека.

Если язык плохо изучен, то актуален глоссоцентрический подход, описывающий то знание, которое позволяет пользоваться языком в процессах говорения и понимания. Понятно поэтому, что этот подход традиционный, поскольку интерес к изучению языка возникает именно в связи с проблемами непонимания между людьми, незнания или недостаточного знания языка. Незнание языка лишает потребности и возможности даже думать о втором (индивидуальном) слое значений – концептуальном языковом содержании, которое рождается в конкретном дискурсе в речи определенных носителей языка. С другой стороны, хорошее знание языка предполагает автоматическое включение в пользовательском языковом сознании индивидуального слоя в естественной коммуникации. И чем лучше человек владеет языком, тем насыщеннее оказывается этот индивидуальный слой семантики, то есть смысл языковых выражений. Но в связи с его вариативностью, частностью, временной и пространственной привязанностью этот слой долгое время не подвергался никакому научному исследованию.

Дж. Лайонз пользуется термином «микрولينгвистика», если речь идет о глоссоцентрическом подходе, и термином «макрولينгвистика» в отношении антропоцентрических концепций языка: «В предельном случае можно сказать,

что микролингвистика занимается только собственно языковыми системами, отвлекаясь от вопросов о том, каким образом человек осваивает эти системы, как они «хранятся» в его памяти и как используются в разных ситуациях. Микролингвистика не учитывает также взаимозависимость между языком и культурой, психологические механизмы, регулирующие языковое поведение человека. Одним словом, микролингвистика изучает язык (в формулировке Соссюра, а скорее его редакторов) как систему, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Макролингвистику, напротив, интересует все, что так или иначе связано с языком. Поскольку, кроме лингвистики, есть много научных дисциплин, в круг интересов которых входит естественный язык, в пределах макролингвистики можно выделить целый ряд междисциплинарных областей: социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику, стилистику и др.» [Лайонз,40-41]. Антропоцентрическая лингвистика предполагает интегрирование «результатов, получаемых многими науками, так или иначе связанными с изучением человека» [Залевская,1999, 23].

В антропоцентрических исследованиях языка рассматривается категория персональности (образ автора) в качестве одной из основных категорий текста (И. Р. Гальперин, Н.В. Малычева).

К.Н. Атарова и Г.А. Лесскис отмечают, что в произведениях, которые написаны от первого лица, в частности в мемуарах, «на поверхностном уровне повествователь является полным аналогом автора... находящегося в том же пространственно-временном мире, что и остальные персонажи произведения. Из этой пространственно-временной общности вытекают основные семантические особенности повествования от первого лица:

- 1) достоверность ("я сам это видел", "это произошло со мной");
- 2) субъективность (мир изображен участником событий, т.е. лицом заинтересованным, не беспристрастным);
- 3) неполнота (изображенный мир ограничен опытом и кругозором повествователя)» [Атарова, Лесскис,1980, 34].

«Картина мира, моделируемая в тексте, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание автора, что и определяет имплицитно или эксплицитно выраженное присутствие субъекта речи в любом речевом произведении» [Малычева, 2000, 139].

Таким образом, кроме передачи собственно языкового содержания, то есть наполнения сигнификативного и денотативного слоя, языковое выражение может кодировать еще и информацию прагматического характера, то есть информацию о людях, которых так или иначе касается языковая коммуникация, и их отношение к сообщаемому.

1.3. Лингвистические предпосылки к изучению языковой личности

Мысль о «рождении языка в душе человека» [Гердер, 154], а значит и о существовании его в этой же душе стала концептуальной базой современной лингвистики.

Младограмматики полагали, что раньше [до второй половины 19 в. – К.Л.] лингвисты «с исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало – говорящего человека». Представители младограмматического направления выдвигают теорию индивидуальной психологии, призывают изучать психофизический механизм человека. «Душевный» мир отдельного человека младограмматики считают основой языка. Язык, по их мнению, это совокупность речевых актов отдельного человека. Г. Пауль, полемизируя с концепцией народной психологии, довольно резко высказывался о возможности исследования народного духа: «Все психические процессы протекают лишь в психике индивида и нигде больше. Ни народный дух, ни такие его элементы, как искусство, религия и т. д., не имеют самостоятельного бытия. Эти абстракции должны быть решительно устранены. Прочь все абстракции – таким должен быть наш лозунг, когда мы пытаемся определить факторы реальных процессов» [Пауль, 34]. Вместо этноцентризма Гумбольдта и Штейнталя, младограмматики постулируют антропоцентризм: «Всякое языковое творчество индивидуально» [Пауль, 40].

К. Бюлер понимает язык как нечто находящееся в центре условного пространства, а с трех сторон от него находятся: 1) предметы и ситуации; 2) отправитель; 3) получатель [Бюлер, 1993, 34]. С другой стороны, язык есть знаковая система, при помощи которой кодируется информация о предметах и ситуациях, и таким образом связывающая отправителя и получателя информации.

Вряд ли можно согласиться с категоричным утверждением о том, что в конце 20 века «взамен требования изучать систему или структуру языка выдвигается требование изучать языковую способность идеального говорящего/слушающего, его языковые знания, его компетенцию» [Кубрякова, 1994, 6]. Изучение внутренней структуры языка не исключает, а является необходимым условием изучения языковых компетенций его носителей. Представляется неправомерным называть глоссоцентрическую лингвистику «бесчеловечной, лишенной присутствия живой человеческой духовности» [Караулов, 1987, 19], потому что источником ее, материалом для обобщений является не что иное, как речевая деятельность людей.

В отношении к современным направлениям точнее говорить не «о переходе от лингвистики имманентной к лингвистике антропологической» [Рузин, 1993, 48], а о переходе на новом витке развития языкознания от глоссоцентрической к антропоцентрической лингвистике с применением всех современных достижений в области именно структурных исследований.

Особое внимание лингвистов к «прагматическому аспекту», то есть к тому, «как именно язык отражает отношения, существующие в действительности» датируется, согласно хронологии Т.М. Николаевой, концом 60-х годов. Исследователь обращает внимание на столь тесную связь прагматики с семантикой, «что иногда вводится комплексное понятие “прагматико-семантики”» [Николаева, 1982, 43]. На преемственность, взаимообусловленность и поступательность развития различных аспектов науки указывает М.А. Шемякин, считающий прагматику естественным следствием функциональной грамматики, которая является не только

«некоторым целым, состоящим из взаимосвязанных элементов», но и «целым, состоящим из элементов, обладающих определенными функциями в речи человека» [Шемякин, 2001, 5-6].

Во вступительной статье к «Синтаксису» А.А. Шахматова «У истоков коммуникативной грамматики русского языка» Е.В. Клобуков, определяя место традиционного языкознания среди различных современных направлений, отмечает: «Плохо для человека и человечества, когда распадается «цепь времен». В истории нашей науки эта животворная цепь не прерывалась никогда, но, безусловно, проблема связи этапов развития лингвистики требует постоянного к себе внимания» [Клобуков, 2001, VI]. О прагматике как «одном из наиболее перспективных направлений современного языкознания» пишет Б.Ю. Норман, подчеркивая, что «как составная часть она входит в теорию языка и изучается в курсе общего языкознания» [Норман, 2009, 3]. На многоаспектность синтаксиса, на полноправность всех его составляющих, их свойство взаимного обогащения указывает Г.Я. Солганик, рассматривая одну из важнейших категорий текста – модальность, безусловно направленную на достижение прагматического эффекта: «Модальный синтаксис – это обширная область исследования синтаксических форм и конструкций с точки зрения субъективной модальности. Он должен занять полноправное место наряду с синтаксисом структурным, коммуникативным, семантическим. Без него здание синтаксиса не может считаться достроенным» [Солганик, 2010, 14].

«Перемещению» исследовательского интереса с языка «для себя» на отражение мыслительной деятельности человека, на роль языка в жизни человека способствовал подход этнолингвистов к языку как к промежуточной зоне, лежащей между миром внешних явлений и внутренним миром человека.

Как отмечает Г.А. Золотова, «человек – центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова, 1982, 5]. Язык есть то ключевое средство, что воссоздает мир человека, коррелирующий с мирами других людей.

В.И. Карасик разрабатывает типологию языковых личностей в ценностном, познавательном и поведенческом аспектах. В речевой деятельности человека ученый разграничивает пять компонентов:

- 1) языковую способность;
- 2) коммуникативную потребность;
- 3) коммуникативную компетенцию
- 4) языковое сознание;
- 5) речевое поведение [Карасик, 2002, 98].

Очевидно, что в языковой личности соединяются биологически унаследованные и приобретённые в результате социального развития свойства. Способность к мышлению и потребность в символической коммуникации – результат многовекового генезиса человека, но запускается речемыслительный механизм, данный человеку от рождения, только в процессе его развития в обществе носителей языка. Биохимические структуры в коре головного мозга, – это, образно говоря, языковая матрица, которая насыщается усвоением связей между знаками и их значениями, а также способами использования этих знаков в производстве более крупных знаков для достижения коммуникативных и прагматических задач.

Ю.Н. Караулов под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов, 1989, 3]. Модифицируя популярную фразу Ф. де Соссюра «За каждым текстом стоит система языка», исследователь формулирует базовое положение теории языковой личности: «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 1987, 27]. Но у Соссюра понятие текста включает понятие языковой личности, поэтому можно продолжить вариант модификации,

интегрировав оба тезиса в одном: за каждым текстом стоит языковая личность – за каждой языковой личностью стоит система языка. Таким образом, языковая личность находится между текстом и системой языка, она производит текст из потребности кодировать информацию при помощи языковых выражений, при этом кодом выступает язык.

При научном описании языковая личность проявляется в виде ее иллюстрации, портрета, который создается «на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка...» [Караулов, 1997, 671]. Таким образом, языковая личность – это объект исследования, а языковой портрет – его изображение, описание, взгляд исследователя на его объект. О необходимости различать эти понятия пишет также О.П. Фесенко [Фесенко, 2013, 157-163].

В.И. Карасик вводит термин «речевой паспорт говорящего» – своего рода идентификацию языковой личности, ее индивидуальные речевые компетенции, опирающиеся на совокупность тех особенностей личности, которые делают ее уникальной, в частности, на то, какие средства выбирает носитель языка для своих высказываний: «Высказывания, взятые в совокупности, являются речевым паспортом говорящего. Выбор слов, произношение, грамматическая правильность, а также некоторые другие характеристики речи свидетельствуют с известной степенью вероятности об образовательном уровне и роде занятий говорящего, т.е. о его принадлежности к определенному социальному слою. [Карасик 1991, 5]. Вербальная компетенция также включает языковую интуицию, т.е. «систему бессознательных оценок, отражающих системность языка в речи и общественные языковые идеалы» [Костомаров, 1994, 22], и языковой вкус – систему установок человека в отношении языка и речи – ключевой компонент языковой личности, который зависит от ее начитанности, «наслышанности» (круга общения), интеллекта, воспитания и т.п. Именно языковой вкус позволяет человеку быть стилистически пластичным, разнообразным, уметь переключаться между различными коммуникативными и культурными

профилями, наилучшим способом приспособиваясь к ситуации, делать адекватный выбор языковых средств в зависимости от дискурсивных условий, в том числе с учетом условного разделения носителей языка по типам «внутринациональных речевых культур» [Седов, 1999]. Суть совершенного владения языком заключается не в том, чтобы человек сузил этот уровень до одной, пусть даже элитарной языковой культуры, реальное преимущество пользователю даст максимально широкое владение различными речевыми профилями и соответственно приобретение богатства выбора средств, позволяющих максимально эффективно вписываться в бесконечно разнообразный реальный дискурс [Стернин, 2009, 22-29].

О.Б. Сиротина и В.Е. Гольдин выделили семь типов речевых культур [Гольдин, Сиротина, 1993]: элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную, фамильярно-разговорную, просторечную, народно-речевую, профессионально-ограниченную. Осуществляются попытки выделить типы речевых культур в зависимости от уровня усвоения нормы литературного языка. Так, Г.Г. Инфантовой разграничивается «культура элитарная (супервысокая), культура "среднелитературная" (в целом достаточно высокая), культура литературно-сниженная» [Инфантова, 2000, 68].

Следует подчеркнуть, что, во-первых, чистых речевых культур не может быть, они взаимопроникают друг в друга, во-вторых, каждый человек, развиваясь в многослойном обществе, приобретает арсеналы средств одновременно нескольких речевых культур различных регистров и в процессе их использования постоянно совершенствует механизм переключения между ними в зависимости от дискурсивных параметров речи.

Элитарная культура носит виртуальный, эталонный (идеальный) характер, это обобщение и культурологическая интерпретация речи элиты общества. В конкретном дискурсе, в котором речь формируется с учетом многих прагматических факторов, реализуется утилитарная культура, которая может в той или иной степени приближаться к эталонной. Именно утилитаризм, выдержанный в рамках нормы, генерирует точку отсчета,

некоторый стандарт, относительно которого формируются, с одной стороны, элитарная культура, ассоциированная с образцовыми представителями языкового общества (писателями, например), а с другой – сниженные маргинальные субкультуры отдельных групп внутри общества. В.П. Нерознак в этой связи выделяет два основных типа: 1) стандартную языковую личность, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартную языковую личность, которая объединяет в себе "верхи" (писатели, мастера художественной речи) и "низы" (маргинальные языковые личности) культуры языка [Нерознак, 1996, 114].

Классификация типов языковых личностей может быть представлена и на других основаниях. Это может быть гендерный принцип. М.А. Беляева приходит, в частности, к выводу о том, что «для речевого поведения женщин характерна тактика сотрудничества (ведения кооперативной беседы), а для речевого поведения мужчин – тактика соперничества» [Беляева, 2002, 5]. Интересны закономерности возрастных особенностей речевого поведения, выявленные К.Ф. Седовым, который выделяет три основных фактора, влияющих на формирование языковой личности, – наследственность, влияние общества и воспитание, в том числе и самовоспитание [Седов, 1999]. В основе классификации может лежать профессия: адвокатов [Варнавских, 2004]; журналистов [Бирюкова, 2011]; менеджеров [Томарева, 2006]; политических деятелей [Паршина, 2005] и даже президента [Гаврилова, 2011]. Давно изучаемой основой речевого поведения является территория [Батырева, 2011], [Китайгородская, Розанова, 2005].

Постановка проблем речевого поведения людей, речевого воздействия, описания дискурсивных смыслов делает предмет лингвистики открытым, подвижным, возобновляемым. Речевое воздействие это – «речевое влияние на личность и поведение человека с целью его формирования и регулирования» [Матвеева, 7].

«Личность бесконечна, поэтому описание и осмысление ее большого и содержательного материала ставит едва ли не больше новых проблем, чем дает

конкретных ответов на поставленные ранее задачи» [Лютикова, 1999, 135]. По мнению И.М. Рысина, «попытки создать исчерпывающее описание личности обречены на неизбежный схематизм...» [Рысин, 2003, 189]. Но этот схематизм и нужен, нет смысла препарировать языковое сознание каждого отдельного носителя, важно установить узуальные модели, схемы его речевого поведения. Нужно решительно отказаться от попыток создать исчерпывающее описание личности, эти попытки «объять необъятное» только уведут лингвиста от действительно важных вопросов.

Компоненты создания речевого портрета и их соотношение четко определены И.В. Голубевой в следующей схеме [Голубева, 2001, 113]:

Характер взаимосвязи компонентов детерминирован синтаксисом текста, реализующим представления о его композиционном построении, жанре, стилистике и т.д., обнаруживаются и синтезируются значения всех других единиц языка, формируя семантическое целое, подчиненное общей коммуникативной цели. Представленная схема подтверждает основной принцип речевой деятельности, сформулированный М.М. Бахтиным: «Когда мы строим свою речь, нам всегда преподносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы, и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [Бахтин, 1986, 457]. При этом ученый устанавливает четкую зависимость между словом и высказыванием, согласно которой «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления в конкретном высказывании» [Бахтин, 1986, 458]. М.М. Бахтин выделяет три момента в конкретном высказывании –

тематическое содержание, стиль (отбор словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционное построение, – подчеркивая, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» [Бахтин, 1996, 159].

Стиль, отмечает Е.И. Диброва, конкретизируется в идиостиле, то есть в способе выражения содержания речевого поведения [Диброва, 1996,135], характеризующем конкретную языковую личность. С идеей выделения жанров все чаще связывают коммуникативные задачи говорящего лица: «возможность отнести речевой жанр к тому или иному типу становится очевидной только после определения цели высказывания» [Маркова, 2003, 9]. Мысли М.М. Бахтина о необходимости всестороннего анализа текста для его адекватного понимания подтверждаются работами И.П. Сусова. Не пользуясь специальным термином, он, в сущности, прогнозировал наступление прагматики как естественного следствия развития не только лингвистики, но и пограничных с ней знаний: «Описание семантической структуры предложения, выражающего некую мысль и описывающего некую ситуацию, предполагает тем самым проникновение в логическую структуру мысли и логическую структуру ситуации. Разумеется, такое проникновение в строение означаемого не может не опираться на использование знаний из области логики, психологии и т.п. Но вместе с тем оно предполагает наличие у лингвиста собственных исследовательских целей и собственного арсенала методов и приемов, иначе говоря, своей логики» [Сусов, 1973, 133].

Литературный язык и естественный язык находятся в постоянном взаимодействии. Естественный язык – необыкновенно пластичный механизм, подстраивающийся под нужды его носителей. Во многом он традиционен и базируется на устоявшихся формах, но в нем содержатся и новые (и в этом смысле маргинальные) элементы. Наиболее значимое, востребованное, перспективное в языковых новациях в конце концов может стать стандартом, узусом и, как следствие, – нормой. И литературный, и естественный язык

характеризуются относительной стабильностью, без этого язык не мог бы выполнять свои функции; при этом изменения в естественном языке предшествуют возможным изменениям в литературном языке. Носители, в большей степени втянутые в орбиту нормы, в меньшей степени склонны ее нарушать, но это касается орфоэпических и грамматических норм, но не сдвигов, основанных на нарушении в связи означающего и означаемого, нарушении узуальной синтагматики при использовании языка.

Культура, фиксированная в языке, закреплена в текстах на данном языке. Первое ключ ко второму. Второе обогащает первое, подстраивает его под изменяющийся дискурс. Не зная культуры, уже закрепленной в языке, невозможно впитать и осознать культуру, создающуюся при помощи языка. То, что создается языком, всегда имеет перспективу обогатить этот язык. В языке фиксируются те дистинктивные элементы опыта, которые актуальны и устойчивы. Научиться языку – значит научиться различать те свойства и отношения, дифференциация которых закреплена в семантике языка. Язык делает мир дискретным для сознания человека, язык и есть окультуренный (дискретный, познанный) мир. Таким образом, язык и культура связаны и в диахронии, и в синхронии.

Признак нормированности, если норму понимать как соответствие общепринятым языковым рамкам, имеет два смысла.

1. Традиционно нормированность понимается как соответствие литературной норме (орфоэпической, лексической, грамматической), то есть тому, что рекомендовано в соответствующей научной литературе для данного языка. Важно, что литературная норма не навязывается людям как нечто обязательное. Владение литературной нормой – это, скорее, право, чем обязанность, это своеобразный «пропуск» в более качественную (относительно некоторого среднего уровня) языковую среду. Это пропуск, который дает воспитание, среда, образование, работа над собой. Прилагать ли специальные усилия, чтобы усвоить литературную норму, – это каждый

решает для себя сам в зависимости от профессиональных, социальных, культурных задач.

2. Нормированность также может пониматься как соответствие узуальной норме. Обычный пользователь языка интуитивно интерпретирует как норму те средства передачи информации, которые входят в общее употребление, в узус того или иного дискурса. Можно сказать, что владение языком предполагает усвоение различных по стилистической характеристике узусов, привязанных к определенным типам ситуаций. Причем качество владения языком обуславливается умением точно и, по сути, автоматически переключаться между различными стилистическими пластами в зависимости от дискурса, чтобы по умолчанию входить в орбиту узуса, привязанного к актуальному в данный момент дискурсу.

Норма вне зависимости от названных ее пониманий по определению консервативна. Рамки литературной и узуальной норм относительно стабильны, традиционны в силу их коллективности. Без этого язык не мог бы успешно выполнить свою базовую функцию – быть средством общения. Языковые новации всегда вначале маргинальны относительно обычая. Но они способны войти в узус и далее при определенных условиях в литературную норму, если получают общую поддержку языковым коллективом.

Условия вхождения языковых новаций в литературную норму следующие:

1. Новация должна стать востребованной в общественной коммуникации, то есть узусом.
2. Новация должна поддерживать, укреплять систему языка и, следовательно, быть более удобной для использования.
3. Новация не должна нарушать морально-этических норм, принятых в обществе.
4. Новация должна получить лояльность элиты, она не должна резать слух наиболее образованной части людей: ученых, писателей и т. д.

Механизм усвоения языка таков, что человек на начальном этапе этого процесса пассивно регистрирует связи между формами и их значениями, для того чтобы стать полноценным членом языкового коллектива. Именно пассивная регистрация того, что есть в языке, является пропуском в коммуникативные процессы общества, без которых человек не может состояться. Но понять сознание народа невозможно без исследования речевой деятельности конкретных носителей языка, языковых личностей, индивидуальные сознания которых интегрируются посредством языка, но персонифицируются через речевое творчество.

Вопросы описания языковой личности опираются на данные социальных наук, психологии, этнологии, лингвистики, в зоне пересечения этих наук возникают новые направления языкознания: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвистика речи.

Полагаем, что внимание к языковой личности, языковому портрету появилось в результате лингвистического опыта, свидетельствующего о том, что индивидуальные особенности речи и способы достижения коммуникативного успеха формируются и становятся понятны в широком контексте всех видов деятельности говорящего лица, непосредственно или опосредованно связанного с адресатом. М.М. Бахтин устанавливает зависимость характерологических свойств речи субъекта от психологических свойств того, кому она направлена: «Для каждой эпохи, для каждого литературного направления и литературно-художественного стиля, для каждого литературного жанра в пределах эпохи и направления характерны свои особые концепции адресата литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [Бахтин, 1986, 470]. В последнее время ученые подчеркивают влияние экстралингвистических факторов на особенности реализации языковой прагматики: «Не только язык рисует эскиз мира <...>, но и жизнь дает ключ к пониманию многих явлений языка и речи», – в этой формулировке «второе

направление <...> стало определяющим для прагматических исследований» [Арутюнова, Падучева, 1985, 5].

На широкий тезаурус, оказывающий влияние на языковую личность, указывает Г.Г. Матвеева: «Речевое поведение определяется особенностями воспитания коммуниканта, места рождения и обучения, привычной среды общения, особенностями его личности, ролевой социально-групповой и национальной принадлежности» [Матвеева, 2004]. О связи жизни автора с особенностями его коммуникативного воздействия пишет А.Г. Лошаков, подчеркивая важность в этом процессе «эстетико-мировоззренческих установок» [Лошаков, А.Г., 2008, 8].

В. Познер относится к тому редкому типу людей, который одинаково хорошо владеет тремя языками, то есть к тому идеальному типу полиязычия, «под которым понимается такая же однозначная компетенция в области каждого из двух [в случае Познера – трех – К.Л.] языков, какая наблюдается в области одного языка у обычного одноязычного человека» [Лайонз, 262].

По собственному признанию В. Познера, он думает на том любом из трех языков, который в данный момент использует для общения. Его совершенное владение тремя языками предполагает речь, которая обладает высокой степенью изофункциональности. Она трактуется Ю.Ю. Леденевым как «общеязыковое явление, регулирующее дискурсную реализацию того или иного инвариантного синтаксического образования в зависимости от языковой компетенции говорящего и коммуникативной ситуации в иных, функционально подобных инварианту, грамматических вариантах, несущих конгруэнтную инварианту семантику для адекватной, с точки зрения коммуниканта, передачи информации» [Леденев, 7-9].

В. Познер не только естественным образом усвоил три языка, он также оказался на пересечении трех культур, трех способов мышления, если культуру «рассматривать как знания, приобретаемые благодаря социальным связям, т.е. знания, которыми индивид обладает благодаря тому, что он является членом определенного социума» [Лайонз, 270]. В познании мира мы

всегда «находимся <...> во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе», поскольку «видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир» в терминах только тех категорий и противопоставлений, которые отражены в нашем языке [Сепир, 261]. Однако это не приводит к дезориентации сознания полилингва, и именно потому, что языковые картины мира не конфликтуют и не существуют независимо друг от друга, а пересекаются, дополняя друг друга.

В языковой личности проявляются и этнические, и общественные параметры, изучать специфику языковой личности можно только на фоне установления этнической и общественной природы языка.

Современные исследования направлены на изучение структуры (формы организации) языковой личности и способы корреляции этой структуры со структурами общества и языка. Структура языковой личности, по мнению У. Брайта, имеет определенные параметры [Брайт, 35-36], которые в соответствии с задачами описания языкового портрета В. Познера можно выделить следующим образом.

1. Социальная принадлежность говорящего лица: В. Познер журналист, из интеллигенции.
2. Социальная принадлежность получателя (или слушающего): широкая аудитория, интересующаяся общественными проблемами.
3. Доминирующий стиль речи – публицистический
4. Ситуация речи, обстановка: дискурс теле- и радиопередачи, публичного выступления, беседы, лекции, интервью.

«Языковое употребление, обусловленное типом отправителя или получателя, – пишет У. Брайт, – может зависеть от комплексного взаимодействия таких факторов, как возраст, социальное положение, близость родственных отношений» [Брайт, 37]. Различие официального и неофициального стилей у В. Познера очевидно: он разный в качестве интервьюера и в неофициальной беседе. Эти стили дифференцируются по степени контроля над своей речью. Неофициальную беседу (даже публичную)

характеризуют в большей степени настройки по умолчанию, определяющиеся уровнем владения языком, образованием, культурой, предметом речи и конкретными задачами общения. Официальный стиль предполагает специальный контроль над своими высказываниями, более тщательный отбор языковых средств, более внимательное прогнозирование прагматической информации.

Лингволичностные данные для исследователя – это не только попытка понять, какова структура конкретной языковой личности, но и какова структура языкового общества, представителем которого он является, как используют язык его яркие представители, как работает система языка, куда движется язык, каковы тенденции его развития. Это важно для тех, кто занимается языковым планированием, – для лингвистов, работников просвещения, законодателей и администраторов, имеющих отношение к определению государственной языковой стратегии.

В. Познер обращается к телезрителю, поэтому у миллионов людей есть в сознании его интуитивный языковой портрет, в этом смысле он является одним из авторитетных образцов, который влияет на аудиторию, поскольку ему нужно заинтересовать, добиться притяжения аудитории, воздействия на нее. В телевизионном интервью зрители оказываются включенными в процесс общения. Они могут сопоставлять реплики говорящего лица и адресата, внутренне включаться в диалог, становиться той оценивающей стороной, на которую не могут не ориентироваться непосредственные коммуниканты. Жанр публичного телеинтервью находится в «зоне смешанного общения»: в нем интегрированы признаки официальных и неофициальных моделей речевого поведения [Байкулева, 16–17], поскольку официальность общения предопределяется изначальной дистанцией между коммуникантами, а неофициальные элементы необходимы, в частности, для сокращения этой дистанции, а также в связи с особенностями восприятия интервью аудиторией.

Анализируя письменную и устную речь В. Познера, нельзя абстрагироваться от его происхождения, возраста, пола, социального статуса,

от мотивировки его речевых действий. Неизбежно приходится учитывать и получателя его речи – читателя, аудиторию, его собеседников, контекст («включая предшествующие события, речевые или неречевые» [Хаймс, 64]).

В. Познер – носитель того варианта русского языка, который используют в Москве образованные люди, московская элита. Этот языковой вариант в максимально возможной степени приближен к норме. Более того, поскольку для В. Познера русский язык – не родной, журналист в большей степени ориентирован на норму, чем обычные носители. Это проявляется и в его высказываниях о русском языке, где он пренебрежительно отзывается о его естественном варьировании, выходящем за пределы нормы (в частности, известно его резкое неприятие разговорных вариантов в склонении числительных, связанное с устойчивой тенденцией к упрощению падежных парадигм в сфере названий чисел). Конечно, В. Познер – не профессиональный лингвист и не знает, что такого рода резкие высказывания выдают его непонимание языковых процессов, но, видимо, считает себя более других осведомленным «о престижных нормах речи» [Лабов, 127]. Тем более что секрет блестящего успеха В. Познера лежит не в области качественного владения литературным русским языком (для любого журналиста это должно быть само собой разумеющимся), а прежде всего в его замечательной способности убедительно решать с помощью языка свои профессиональные задачи.

1.3. Взаимосвязь синтаксиса и прагматики

Теории коммуникативного синтаксиса стали естественным продолжением формально-синтаксических теорий языка, задачей которых было создание научной базы для описания конкретных языков. В традиционном языкознании направление исследования идет от речи к языку, при этом синтаксические модели извлекаются из конкретных речевых потоков. В коммуникативном синтаксисе вектор изучения направлен от языка к речи, к тому, как синтаксические структуры участвуют в создании смысла

языковых выражений, прагматической информации. Синтаксические структуры языка, обладая относительной устойчивостью, все же находятся в постоянном движении, рафинируются и обогащаются в естественном коммуникативном процессе.

Прагматика, будучи результатом успешного развития многих аспектов языкознания, «охватила многие темы, имеющие длительную историю изучения в таких разделах лингвистики, как риторика и стилистика, актуальный синтаксис, теория, топология и психология речи и речевой деятельности, теория коммуникации и функциональных стилей, социолингвистика, психолингвистика, теория дискурса, психология общения и др.» [Арутюнова, Падучева, 1985, 39]. Как комплексную науку понимает прагматику Ю.Д. Апресян, считая, что это «закрепленная в языковой единице оценка говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресат» (см. [Апресян, 1988а, с. 8-16]).

Г.А. Золотова отмечает, что «синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и процессом коммуникации: единицы других уровней языковой системы участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис». Это обстоятельство, считает исследователь, определяет «необходимость единого функционального критерия для всех синтаксических средств, единиц, конструкций» и их роль «в построении связной речи, в процессе коммуникации, “что – для чего?”» [Золотова, 1973, 6]. Для прагматики, непосредственно связанной с синтаксической семантикой, важно соотношение семантики и синтаксической формы: «Формы, структура в синтаксисе не противостоят семантике, они не антисемантичны, не асемантичны, но семантичны по самой своей онтологии» [Золотова, 1973, 26]. Отмечая, что семантика «усиливает внимание к связи языка с действительностью, обогащая гносеологические, философские аспекты языкознания, создавая новые стимулы для изучения содержательного назначения языковых форм», Г.А. Золотова прогнозирует развитие новых

направлений синтаксиса: «Выйдя из «досемантического» состояния, синтаксическая теория не может оставаться прежней...» [Золотова, 2007, 16]. Синтаксис, утверждает С.Г. Ильенко, осуществляет «завершение формирования коммуникативной функции языка, выступая в качестве полигона взаимодействия всех единиц языковой системы, «понуждая» эти единицы именно с помощью разнообразных синтаксических структур вступать в определенные отношения» [Ильенко, 2009, 18]. Именно с синтаксисом ученые связывают основные проблемы прагматики: «во-первых, определение интересных типов речевых актов и «продуктов» речи; во-вторых, описание признаков и свойств речевого контекста, влияющих на определение того, какая именно пропозиция выражается данным предложением» [Столнейкер, 1985, 406]. Рассматривая когнитивный аспект синтаксиса текста, Б.Ю. Норман обращает внимание на важность в процессе познания того или иного выбора синтаксических единиц: «Представление типовой ситуации через предикат и его окружение – набор актантов – несомненно, продуктивно для понимания строения высказывания» [Норман, 2013, 242]. Синтаксис обнаруживает индивидуальные особенности речи: «носитель языка производит и воспринимает за свою жизнь огромное множество предложений, которые ни разу до того не были произнесены или написаны. Таким образом, в синтаксисе проявляется творческий аспект языка» [Тестелец, 2001, 20].

Работы по тексту установили определенное соотношение когнитивного и коннотативного аспектов языка: «выразительность речи достигается “отклонением от нормы” (на любом уровне), строится на нарушении обычного, “нормального”, нейтрального способа выражения» [Одинцов, 1980, 113]. В этом смысле литературный язык и естественный язык находятся в постоянном взаимодействии, совершенствуя прагматику речи, очень близкую по своей сути к риторике, которая, как утверждал В.В. Одинцов, должна базироваться «на последних достижениях стилистики в изучении различных текстов, жанров, речевых произведений» [Одинцов, 1980, 261].

Прагматика занимается анализом речи говорящего лица с точки зрения того, как будет реагировать на нее адресат: «Авторское прогнозирование ожиданий воспринимающего является своего рода фоном, на котором происходит построение всего текста и отдельных высказываний как его составляющих» [Прокопчук, 1983, 115].

Прагматику, все более расширяющую и укрепляющую свою научную базу, связывают с целым рядом дисциплин. В него включают социалингвистику и психолингвистику, философию естественного языка, теорию речевых актов, когнитивную науку, функциональный синтаксис, лингвистику текста, анализ дискурса, теорию текста, разговорный анализ, этнографию речи, исследования в области искусственного интеллекта, общую теорию деятельности, теорию коммуникации [Олешков, 2006, 17]. Осуществляется сопоставительный анализ текстов «на основе когнитивных аспектов их порождения, их структуры, семантики и прагматики» [Беляева, 2007, 3]. Подчеркивается определяющая роль «когнитивных особенностей индивида» в том, как он интерпретирует реальность» [Хутыз, 2010, 24]: «носитель языка считает себя представителем общества (сообщества) с определенными нормами, традициями и тенденциями, и именно этот фактор заставляет коммуникантов отдавать предпочтение определенному варианту» [Хутыз, 2010, 21]. Устанавливается связь реализации речевой деятельности с предпочтением той или иной модели и ее наполнения, что не исключает постоянной трансформации «параметров языковой нормы», согласно «коммуникативным требованиям эпохи» [Хутыз, 2010, 101]. Обращается внимание на то, что коммуникативная задача высказывания существенным образом предопределяет выбор языковых средств, стилистическая точность является основой для эффективного речевого воздействия, «которое позволяет достичь говорящему поставленной цели» [Стернин, 2001, 61]. Это касается и конкретных жанров, например интервью, когда «журналист с помощью системы вопросов стремится организовать интервью так, чтобы интервьюируемый мог полно и логически последовательно раскрыть

заданную тему» [Стрельникова, 2005, 24]. Понятие идиостиля рассматривается в тесной связи понятием языковой картины мира [Тарасова, 2012] и в этом смысле понимается как способ вербальной реализации индивидуально-авторской концептосферы. Индивидуальная картина мира состоит из совокупности концептов, национальных и их индивидуальных. Картина мира конкретного носителя языка предполагает не только усвоение уже имеющейся языковой и другой культурной информации, но и ее обработку, создание новой информации с использованием своего собственного познания мира.

Выводы по первой главе

Описание языкового портрета было бы невозможно без структурно-семантического анализа языка, исследующего те психические отношения, которые осуществляются в языковом сознании людей.

Антропологическая лингвистика определила вектор исследовательского интереса, связанный с мыслительной деятельности человека, ролью языка в его жизни.

Основанием к описанию языкового портрета В. Познера стали разработанные в науке и получившие определенное соотношение в схеме (И.В. Голубева) понятия: с одной стороны, **речевые жанры**, синтагматические составляющие **языкового портрета**, с другой – **стиль**, **идиостиль**, **стиль произведения**, представляющие парадигму по принципу сужения содержания термина в соответствии с границами объекта исследования.

Лингволичностные данные, включающие не только знания о конкретной языковой личности, но и о том, в каком языковом обществе она реализуется, какова система языка, как она работает, куда движется язык, являются важными моментами в политике языкового планирования.

Создание языкового портрета требует также дополнительных тезаурусных знаний, так или иначе связанных с речевой деятельностью его

носителя: от происхождения, возраста, пола, социального и профессионального статуса до мотивировки его речевых действий.

Фрагмент языкового портрет В. Познера, ограниченный отдельными жанрами его журналистской деятельности, с одной стороны, и коммуникативным языковым уровнем – с другой, тем интереснее, что он обнаруживает зависимость от происхождения журналиста, его национальной самоидентификации, принадлежности к различным государственным устройствам и культурам, полилингвизма, активного профессионального самовыражения в условиях различных социальных обстоятельств.

ГЛАВА 2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА КНИГИ В. ПОЗНЕРА «ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

2.1. Прагматическая значимость количественного соотношения предикативных построений и единиц их членения

Предпринятое нами исследование, с одной стороны, ограничено синтаксисом, с другой – именно синтаксис во взаимосвязи всех его аспектов дает цельное представление о языковом портрете, демонстрируя индивидуальность автора в создании невоспроизводимых, аккумулирующих все другие уровни единиц языка и в установлении связей между ними. «Чтобы данное синтаксическое содержание могло стать предметом или содержанием речевого общения, необходимо прежде всего найти оптимальную форму выражения» [Александрова, 1984, 9]. «Языковое мастерство публициста, – пишет Е.В. Ширина, – не в отстраненных и абстрактных формулах, а в системном осмыслении механизмов речетворческого процесса в формировании публицистического текста» [Ширина, 2007, 262].

Одной из главных коммуникативных задач автора книги «Прощание с иллюзиями», мотивирующих выбор тех или иных синтаксических построений, является установление максимального контакта с читателем в процессе передачи ему той или иной информации.

Язык текста книги, безусловно, отражает личность автора, его мироощущение, репрезентирует его концептуальную картину мира. В литературе, посвященной анализу текста, чаще обращается внимание на лексику произведения [Шмелев, 1977; Караулов, 1981]. Но способность размышлять, логически выстраивать монолог и диалог, успешно решать прагматические задачи во многом зависит от особенностей синтаксиса текста. Е.А. Иванчикова к синтаксическим изобразительным формам относит такие, «которые – одни или в сочетании с другими языковыми средствами <...> способствуют созданию определенного художественно-образного впечатления» [Иванчикова, 1981, 95]. Именно комбинирование средств языка

позволяет создателю текста выйти за пределы общеязыковой «статической» [Чесноков, 2008, 130] картины мира, раскрыть в динамике речи свой индивидуальный взгляд на описываемый фрагмент действительности. «Синтаксические связи разных типов являются одним из важнейших средств моделирования языковой действительности, – пишут И.В. Голубева, О.А. Левоненко. – В основе выбора способа такого моделирования лежит целый комплекс факторов: авторская целевая установка, ориентация на определенного адресата, учет фоновых знаний участников коммуникации и т.д. Соответственно способ соединения компонентов "языкового события", характер синтаксической связи, наряду с другими языковыми средствами, соотносится со всем комплексом коммуникативно-прагматических факторов и свидетельствует о специфике языковой личности автора» [Голубева, Левоненко, 2008, 417]. Языковая личность создается в процессе обнаружения авторской модальности, отражающей оценки автором описываемых событий. Модальная окраска предикативных единиц прямо зависит от их структурно-семантической организации, а они, в свою очередь, обретают ее «только в рамках более крупной синтаксической единицы» [Чесноков, 1992, 119]. Определение авторской позиции к содержанию текста М.М. Бахтин считает главным условием его верного восприятия. Коннотация как будто однозначных по семантике предложений, таких, как «Он умер», «Какая радость!», пишет ученый, может быть противоположной ожидаемой. Первое предложение в тексте способно актуализировать «положительную, радостную, даже ликующую экспрессию», второе – «иронический или горько-саркастический тон» [Бахтин, 1986, 456]. Таким образом, тождественность лексического состава предложения его структурно-семантической организации не определяет модальности высказывания.

В науке установлена зависимость реализации лексем от их синтагматического окружения. «Образ автора, его позиция выражаются на разных уровнях языка, из которых наиболее показательным является уровень синтаксический, непосредственно связанный с процессом мышления и

процессом коммуникации и, может быть, в наибольшей мере отражающий индивидуальные особенности речи» [Голубева, 2012, 195]. С этим мнением следует согласиться: именно на коммуникативном уровне осуществляется синтез всех языковых единиц и соответственно их свойство реализовать информационную и прагматическую функции. Важно также и то, что синтаксические связи разных типов являются одним из важнейших средств моделирования языковой действительности», а значит, отражают «специфику языковой личности автора» [Голубева, Левоненко, 2008, 413].

Выявить синтаксические предпочтения автора позволяют статистические данные. Они структурированы в 3-х таблицах, содержащих по 5 выборок. Каждая из них насчитывает по 100 предикативных единиц, включающих простые, простые осложненные и сложные предложения (Таблица 1), вставки, вводные компоненты, обращения, обособленные и однородные члены предложения (Таблица 2), сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные предложения и сложные синтаксические конструкции (Таблица 3). Таблицы показывают количественное соотношение различных синтаксических построений, отражая особенности публицистического стиля, который может сближаться по «направленности на убеждение» с научным стилем, а по «заданной самим характером и назначением речи экспрессивности <...> с разговорной речью и в отдельных моментах с речью художественной» [Шмелев, 1977, 64]. Результаты статистического подсчета дают представление о синтаксических предпочтениях писателя, индивидуализирующих его стиль.

«Прощание с иллюзиями» В. Познера, согласно классификации публицистического дискурса А.Н. Белошапкина, можно отнести к «пресс-релизу», отличающемуся «активным использованием <...> элементов разговорной и художественной речи» [Белошапкин, 2013, 46]. В книге описываются и автобиографические сведения (выборка 1), и оценка связанных с коммунистической угрозой публикаций в США (выборка 2), и отношение к роли в истории выдающихся политических деятелей (выборка 3), и

характеристика СМИ в России разных периодов (выборка 4), и события ГКЧП (выборка 5).

Для письменного варианта публицистического стиля вполне типично наименьшее количество простых неосложненных предложений – 15,7% (Таблица 1, выборки 1-5)¹. В ряду осложняющих простое предложение компонентов: вводных конструкций – 15,9% (2,1-5), обращений – 0% (2,1-5), однородных членов предложения – 21,7% (2, 1-5), обособленных членов предложения 31,8% (2, 1) – вставка оказалась на втором месте – 30,4% (2, 1-5) после обособлений.

Таблица 1

Выборки	Простое неосложненное предложение	Простое осложненное предложение	Сложное предложение
1 (стр. 9-14)	6	24	34
2 (стр. 85-86)	11	9	31
3 (стр. 178-181)	9	8	30
4 (стр. 298-300)	6	9	30
5 (стр. 456-458)	11	18	29
Сумма	43	68	154

Известно, что обособления разнообразны по семантическим отношениям – атрибутивные, обстоятельственные, объектные. Неоднородны они и по отношению к предикативности – полупредикативные и непредикативные; различны по причинам обособления: такие из них, как деепричастия и деепричастные обороты, не встраиваются в предложение иначе, как в виде обособления, другие – выделяются автором с целью акцентировать определенный смысловой компонент высказывания и т.д. Если

¹ Далее в круглых скобках цифрами обозначаются последовательно номер таблицы и выборки.

учесть отсутствие коммуникативного единства в основе обособления (31,8%), то можно говорить о доминировании вставок (30,4%) в выборках.

Таблица 2

Выборки	Вставки	Вводные компоненты	Обращения	Обособленные члены предложения	Однородные члены предложения
1 (стр. 9-14)	8	3	0	5	8
2 (стр. 85-86)	3	3	0	2	1
3(стр. 178-181)	2	0	0	6	1
4 (стр. 298-300)	4	2	0	2	1
5 (стр. 456-458)	4	3	0	7	4
Сумма	21	11	0	22	15

Небольшой процент вводных компонентов – 15,9% (2, 1-5) – можно объяснить отсутствием необходимости в выражении субъективной модальности каждого предложения в отдельности при общей авторской модальности текста, которая передается всем арсеналом семантико-синтаксических средств. В выборках не оказалось вокативов, что тоже мотивировано характером текста, отражающим в целом особенности публицистики, которая, в отличие от стиля художественной литературы, не нуждается в имитации живого, с конкретными участниками диалога.

Мало востребованы в книге, судя по выборкам, и однородные члены предложения – 21,7% (2, 1-5). Видимо, четкая целевая сосредоточенность автора на едином субъекте, объекте и процессе, отражающих ситуацию, значительно сокращает необходимость количественного осложнения компонентов предложения в решении прагматических задач текста.

Не удивляет большой процент сложных предложений в целом – 58,6%(1, 1-5). Сообщения публицистического жанра нуждаются, как правило, в сопоставлении, противопоставлении, пояснении, выводе и т.п. Также понятна самая высокая частотность среди сложных предложений СПП (Таблица 3) –

64,2% (3, 1-5): в гипотактических структурах связь выражена специфическими синтаксическими средствами, подчинительными союзами и союзными словами, что позволяет четко выстроить иерархию предикативных частей и максимально эксплицировать семантические отношения между ними.

Таблица 3

Выборки	ССП	СПП	БСП	ССК
1 (стр. 9-14)	2	26	2	4
2 (стр. 85-86)	2	22	2	5
3(стр. 178-181)	0	19	4	7
4 (стр. 298-300)	1	13	2	14
5 (стр. 456-458)	0	19	5	5
Сумма	5	99	15	35

Большую частотность многочленных сложноподчиненных предложений – 34% – в сравнении с бессоюзными сложными предложениями и сложными синтаксическими конструкциями можно объяснить наличием у них единой темы при полипредикативности придаточных частей, которые так или иначе устремлены к главной части, распространяя ее, способствуя развернутому выражению ее содержания и подчеркивая ее единственность.

Среди СПП, что ожидается в публицистическом стиле речи, наибольшее количество нерасчлененных предложений – 28,5%% – с придаточным изъяснительным; 20,8% – с придаточным определительным; 7,6% – обстоятельственным времени; 3,5%. – обстоятельственным условия. На СПП с придаточными следствия, уступки, цели, образа действия и местоименно-соотносительными приходится около 1%. Других видов придаточных в приведенных выборках не оказалось.

Симптоматичен сравнительно небольшой процент ССК – 22,7% (3, 1-5), что определенным образом характеризует жанр публицистики со свойственным ему обращением к потенциальному читателю, привлекаемому автором к совместному рассуждению (а не повествованию и описанию), для

чего он прибегает к форме одной, нерасчлененной мысли. Между тем как сложная организация этой единицы с ее блоковым устройством усложняет для читателя следование за авторской мыслью.

БСП в книге В. Познера занимают третье место после СПП и ССК по частотности употребления – 9,7% (3, 1-5). Статистика выборок показывает предпочтение автором гипотаксиса бессоюзно.

Предположение, что разновидности публицистического стиля книги должны иметь конструктивные различия, отражено в процентном соотношении различных синтаксических единиц. Например, наибольший процент вставок находим в автобиографической разновидности публицистики 38% (2, 1), что объясняется их особой стилевой разговорностью и «смысловой емкостью» [Розенталь, 1987, 337].

Максимальное подчинение синтаксиса текста прагматическим задачам книги обнаруживается в приоритетных для автора единицах синтаксиса. Доверительный разговор с читателем делает вставку самой активной единицей не только среди дополнительных синтаксических конструкций, но и среди всех типов осложнения простого предложения. Передача большинства ситуаций осуществляется посредством СПП с их четко оформленной связью, эксплицирующей те или иные отношения, что свидетельствует о стремлении автора к максимально точному и в то же время коннотативно насыщенному рассказу об одном из судьбоносных периодов в истории России. Менее частотны ССП и БСП. Возможно, первые, из-за слишком общего выражения семантических отношений между частями в сравнении с СПП, вторые – из-за отсутствия у них специальных семантических сигнализаторов связи. Для публициста важно, чтобы его текст воспринимался однозначно, без вариантов. Зависимость частотности тех или иных синтаксических единиц от характера текста (темы выборки) свидетельствует о высоком речевом мастерстве автора и его умении решать прагматические задачи в многожанровой книге, публицистичность которой соединяется с автобиографией, воспринимаемой как беллетристика.

2.2. Прагматическая значимость диалога в монологе

2.2.1. Говорящий и собеседник в одном лице

Вопросительные предложения в книге решают не столько задачу собственно функциональную, связанную с назначением данного типа предложений, сколько прагматическую. Автор задается ими, стараясь продемонстрировать свой ход мыслей, вовлекая в свои размышления собеседников, осознавая проблему сквозь призму времени происходящих, происшедших, а иногда даже будущих событий. Вопросы могут иметь как неоднозначные ответы, так и такие, ответ на которые очевиден, они образуют внутренний диалог автора с самим собой или (и) с потенциальным читателем.

В передаче личных переживаний и вопросов, с ними связанных, адресант имплицитно в той или иной форме говорящее лицо:

1) ... *Почему не упомянул об этом [гибели Вовы Бараша – К.Л.] прежде? Может быть, то, как и где закончил свою жизнь Бараш, тогда не казалось мне столь уж важным фактом, во всяком случае, в сравнении с историей его ареста. А теперь кажется* (21).²

2) *Почему-то не написал, что в день моего рождения, в воскресенье первого апреля 1934 года, совпали все три Пасхи: католическая, православная и еврейская. Знак?* (23).

В (1) и (2) говорящее лицо передано сказуемым неполной двусоставной предикации с восстанавливаемым субъектом и дополнительно к этому эксплицировано в (1) безличным предикатом с семантическим субъектом, выраженным местоимением первого лица, и неполным безличным предложением с восстанавливаемым субъектом первого лица, в (2) – притяжательным местоимением, указывающим на принадлежность первому лицу.

---

² Здесь и далее страницы текста В. Познера даются в круглых скобках по книге «Прощание с иллюзиями», М.: Астрель, 2012. – 480 с.

Автор может обращаться непосредственно к своим потенциальным собеседникам, благодаря чему они включаются в диалог как лица, от которых нужно получить эмоциональную или (и) интеллектуальную поддержку своих мыслей. Иногда личные впечатления имеют столь актуальное содержание, что в них вовлекается неопределенное большинство, которое способно с пониманием отнестись к ним:

1) *...Я был довольно крупным мальчиком, потасовки чаще всего кончались в мою пользу. Как поступили бы со мной в обычной школе? Наказали бы, попытались бы так или иначе сломить меня и, если бы ничего не получилось, выгнали бы. Так сделали бы многие школьные директора, но только не мисс Пратт (44).*

2) *Господи, неужели это я?! Так происходит не с каждым, но если происходит – нет выбора (326).*

В (1) это большинство выражено неопределенностью субъектов, которая передается конъюнктивом глаголов множественного числа (*поступили бы, наказали бы, попытались бы, выгнали бы*), безличным конъюнктивным предикатом (*не получилось бы*) с восстанавливаемым неопределенным субъектом. В ответе (2) в качестве неопределенных субъектов выступает субстантивное определительное местоимение в дательном падеже с отрицательным значением (*происходит не с каждым*), оно имплицитно восстанавливает неопределенно-личное местоимение в предикации с условным значением (*происходит с кем-то*), которое предполагается и в безличной неполной предикации (*у него нет выбора*).

Часто автор конструирует сложное синтаксическое целое с рядом вопросов, который позволяет ему объяснить собственную позицию. Здесь он проявляет «обостренное внимание к “я”» [Дюбуа и др., 1986, 286], актуализируя собственную точку зрения редупликацией личного местоимения:

1) *...Пока я защищал мировоззрение, которому был предан, я часто задумывался над тем, должно ли это неизбежно приводить к оправданию*

того, что на самом деле по моему собственному убеждению является неприемлемым? Должен ли **я** воздержаться от открытой критики своего общества потому лишь, что «противник» воспользуется этим и подвергнет сомнению все то, во что **я** верю? Если **я** закрываю глаза на темные стороны моего общества, чтобы не стать предателем его идеалов, не предаю ли **я** себя? (326).

2) **Я** пытаюсь понять: что стоит за гневом, во власти которого **я** нахожусь? Почему **я** потерял то, чем так гордился, – умение контролировать себя, держать равновесие? Не потому ли, что лично **я** задет случившимся? Не думаю (438).

Ответы выстроены в виде позитивно-негативной дилеммы. В собственном состоянии он не исключает слишком большой цены поддержки советских идеалов(1) или влияния на него нереализованных личных амбиций (2). Вывод о предательстве по отношению к себе (1) или потере навыка контролировать себя (2) передают метаморфозу, случившуюся в авторе книги, и это свойство многих, кому свобода слова – это осязаемое приобретение демократии – развязало язык.

Ряд вопросов может иметь обобщающее их слово, членение которого эксплицирует ход мыслей автора, позволяя ему последовательно, поэтапно, в убедительной и простой системе доказательств подвести читателя к безальтернативному, неизбежно верному ответу:

Полвека спустя я задаюсь вопросом: существует ли сегодня интеллектуальное сообщество, воспринимаемое как моральный эталон как образец порядочности? Разве за эти годы сумела развиться новая интеллигенция? А если нет, то что это означает с точки зрения перспектив перестройки? Известна аксиома, что без поддержки народа любые попытки общественного обновления обречены на провал, но достаточно ли для успеха только народной воли? Коль скоро считается, что без интеллектуального руководства большевиков революция не состоялась бы, следует задуматься: а может ли перестройка состояться

при отсутствии интеллектуального лидерства? Говоря иначе, есть ли дрожжи в этом социальном тесте? (220).

Прагматического успеха достигают вопросительные предложения, отношение которых можно назвать антонимичным:

Чем объяснить очевидные успехи в развитии гражданского общества и демократии в таких странах, как Польша, Чехия и Венгрия, в странах Балтии? Главным образом тем, что к руководству этих стран пришли противники прежнего режима – Валенса, Гавел и им подобные. К рычагам управления не было допущено бывшее руководство. А в России? В России ровно наоборот. Могли ли эти выдающиеся по своим способностям и данным люди восстать против той системы, которая породила их? Я утверждаю: не только не могли, но – и это важно – в глубине души не хотели (221).

Здесь Россия противопоставлена всем другим постсоциалистическим государствам по отсутствию у нее успехов в демократическом строительстве, что мотивируется бессменностью ее выдающихся вождей (*Михаила Сергеевича Горбачева, Бориса Николаевича Ельцина, Владимира Владимировича Путина*), связанных с бывшими режимами, тогда как в других странах к власти пришла оппозиция. Если бы автор без сопоставления с режимами других стран, строивших социализм, сообщил нам хорошо известные всем сведения о том, что у нас в государственном аппарате большой процент бывших коммунистов, отказавшихся от партбилета, то информация потеряла бы свою значимость.

Антиномия вопросов может быть имплицитной, когда речь идет об экономическом статусе стран, игнорировавших социалистическую революцию, и, естественно, подразумевается страна, где такая революция, несмотря на «предсказания Маркса», стала возможна:

...Ни в одной индустриально развитой стране не было социалистической революции. Почему? И если бы такая революция состоялась, стали ли бы мы свидетелями все той же картины? Может

ли так называемый социализм существовать без подавления интеллектуальной свободы? (223).

Вопросы позволяют точно и выразительно определить социально-экономическую ситуацию в нашей стране, подвергающую большому сомнению победу демократии.

2.2.2.Расширенная семантика говорящего лица

Внутренний монолог может строиться на вопросах, интересующих большинство, а потому расширяющих семантику говорящего лица:

*Задумываемся ли мы над тем, что у **этого народа** было ощущение, будто он занимает постоянную круговую оборону от врагов, — ощущение, внушенное ему Вождем-Драконом и использованное для гонений и репрессий? Пусть никто не усомнится в том, что подавляющее **большинство этого народа** безоговорочно поддержало бы даже самый драконовский закон, направленный против тех, кто «клеветает» на Советский Союз* (324).

Здесь форма первого лица множественного числа имеет обобщенно-собирательное значение. Автор говорит от себя и тех, кто, как он считает, разделит его точку зрения (наверное, в их состав включены и российские читатели). Осуждая «**этот народ**» и «**большинство этого народа**», он резко отмежевывается от него, исключает себя из его состава, как и из понятия *советский народ*, на которое указывает местоимение: «Не стоит забывать о том, через какие испытания прошел **советский** народ, не следует игнорировать гордость нации, считающей себя победительницей, несмотря на все, казалось бы, непреодолимые трудности». Редупликация атрибутивного указательного местоимения в границах одного предложения, как утверждает словарь, имеет значение «эмоционального подчеркивания отдельных членов предложения» [БАС, 17, 1948]. Приведем словарные примеры, чтобы иллюстрировать указанное значение: 1) *Но как передать **эту** вкрадчивую внимательность, **эту** благородную лесть, **этот** мир тонких, мелочных, бесчисленных соблазнов, которых наслала она на простую душу воина?;* 2)

*Неужели вы думаете, что я не чувствую, как вам здесь все должно казаться бедно...и смешно? **Этот** лакей, который спасается от вас, как заяц; **эта** кухарка; 3) То ему вспоминался Денисов... и весь госпиталь с **этими** оторванными руками и ногами, с **этой** грязью и болезнями [Там же].* Заметим, что эмоциональные оттенки, развиваемые в контексте местоимением «это», не относятся к ряду позитивных: они выражают иронию (1), неодобрение (2), передачу тяжелой информации (3).

В. Познеру не чужд исповедальный тон вопросов, когда речь идет об отношении к самым близким людям. Он формируется и благодаря повтору местоимения «ты», имеющего «значение личной причастности любого лица (но в первую очередь говорящего и его собеседников) к наблюдениям, составляющим содержание <...> предложений» [Скобликова, 1979, 110].

Что будет с теми, за которых ты в ответе, с теми, кого ты любишь, с теми, кто неминуемо пострадает за то, что ты решил высказаться? Это вопрос общий, в равной степени относящийся к любому обществу, имеющему определенные ценности, традиции, привычки (325-326).

Более абстрагированная от субъектного дейксиса форма повествования, исключая ту или иную форму собеседников, наблюдается тогда, когда речь идет о глобальных философских вопросах, на которые сложно дать ответ:

Как и почему наступает момент истины? Вряд ли есть универсальный ответ на этот вопрос. Но лучшего ответа, чем тот, который дал мне когда-то Дэниэл Элсберг, человек, укравший знаменитые «пентагоновские бумаги» и рискнувший не только оказаться в тюрьме, но и считаться предателем Америки, я не получал ни от кого (324).

Реакция на то, что его собеседник Дэниэл Элсберг взял на себя всю ответственность протеста на себя, тоже выражена вопросами, которые более понятны людям, как и ответы на них:

Вот и спрашивается: до каких пор можно делать вид, будто тебя не касается то, что они приходят за коммунистами, за евреями, за католиками? До каких пор можно делать вид, что жертвы

несправедливости тебя не касаются? До каких пор можно закрывать глаза на то, что людей сажают, убирают в психиатрические больницы, превращают их там в инвалидов за то лишь, что они «инакомыслящие»? До каких пор можно разглазольствовать о свободе и демократии, попивая виски с содовой на террасе своего шикарного пентхауса на Пятой авеню, в то время как там, внизу, есть люди – и их немало – которые живут в нищете, живут, словно звери в клетках, в своего рода гетто? До каких пор?

На самом деле ответ есть: это возможно до тех пор, пока страх того, что может произойти с тобой, будет сильнее твоей совести. Желание собственного благополучия, собственной безопасности пересиливает многие другие (325).

Значимость вопросов подчеркнута параллелизмом пяти безличных предикаций и анафорой темпорального детерминанта. В четырех первых из них параллелизм усиливается лексическим повтором модальной части сказуемых. Пятое, последнее предложение является обобщающе-неполным, стяженным до вопроса, который детерминирует временную исчерпанность предполагаемой демагогии, растянувшейся до бесконечности. Но если временная, риторическая составляющая вопроса включает в себе очевидный ответ, то его причинная мотивировка содержится в ответе автора. Самое емкое указательное местоимение «это» включает все перечисленные и подразумеваемые факты гражданской индифферентности, которые ставятся в зависимость от дефицита *совести*.

2.2.3. Редукция формы говорящего лица

Грамматическая позиция говорящего лица скрыта, когда вопросы касаются профессиональной или социально-политической сферы, затрагивая известные всем проблемы, в этом случае отсутствует и позиция собеседника, что подчеркивает безгранично большой круг лиц, которых касаются рассуждения говорящего лица:

1) *Кому принадлежали газеты и журналы – единственные тогда средства массовой информации? Тем же, кто владеет ими сейчас: богатым и сверхбогатым (85).*

2) *Один из ближайших советников Горбачева, Александр Николаевич Яковлев, назвал перестройку «прорывом в неизвестное». В неизвестное? Что может быть страшнее этого для целого народа, никогда не умевшего принимать самостоятельных решений? (391).*

Таким, казалось бы, безадресным обращением создается иллюзия беседы с любым читателем, с ним В. Познер делится самыми сокровенными мыслями, ищет его понимания, поддержки, сопереживания, что вызывает доверие к его словам. И если иметь представление о теме, по поводу которой размышляет автор, то становишься участником заложенного в вопросах ответа, эксплицированного (1) или имплицированного (2) – вопросом на вопрос.

Чтобы как можно активнее привлечь читателя к собственным рассуждениям, В. Познер, говоря о проблемах, бесспорно знакомых большинству, эксплицирует ход мыслей своих гипотетических оппонентов или единомышленников:

1) *...Люди, в особенности молодые, перестали читать. «А как же электронные книги?» – возразят мне (24).*

2) *К сожалению, слов песни я не помнил, кроме первых двух, которые, собственно, и составляют ее название. Угадайте с трех раз, кому было поручено солировать по-русски (хор подхватывал на английском языке)? (64).*

В (1) чужая речь, содержащая отношение к предыдущему тексту, передана в виде прямой речи, дающей оценку неопределенным лицам, не участвующим в акте общения, что выражено формой сказуемого односоставной предикации. В (2) форма глагола второго лица множественного числа восстанавливает потенциального обобщенного собеседника.

Трудность ответа на тот или иной вопрос иногда подчеркивается замечанием о том, чтобы сложность его решения не принимали за риторику:

И действительно, большинство русских, а затем советских людей поддержали революцию и, чуть позже, Сталина. Следует задаться вопросом: почему? Как могла целая страна в течение стольких лет верить в это чудовище? Вопрос это не риторический, он требует ответа (429).

Вопрос в приведенном высказывании вовсе не стилистическая фигура, он требует объективного осознания всего прошлого и настоящего, и только широкий исторический формат всего, что происходило и происходит с нашей страной, позволяет приблизить его к ответу.

Автор беспощаден, но справедлив в отношении тех, кому выпала миссия осуществлять перестройку, но критика его отчужденно холодна, как будто во всем, что случилось, он сам не принимал участия:

Как же относятся они [внуки идеалистов и дети конформистов – К.Л.] к перестройке? <...> Не все <...> – циники. Не все, но, как мне кажется, большинство. <...> Не будем забывать, что на глазах у этого поколения происходила деградация их родителей (447).

Вывод о том, что большинство тех, кто является детьми стоявших у истоков перестройки, циники, лишает страну всяких шансов на успех, поскольку речь идет о политическом истеблишменте – в России в этот круг редко включаются не свои.

Следующий вопрос, как это типично для публицистики В. Познера, выполняет очевидную модальную задачу смягчить крайнюю грань пессимизма и безысходности и все-таки подарить читателю слабую надежду на светлое будущее. Она, однако, оказывается настолько слабой, что похожа, скорее, на ободряющие слова, адресованные обреченному на смерть:

А что-нибудь положительное просматривается? У кого-нибудь имеется конструктивная программа действий, чтобы если не противостоять деструктивным настроениям, то хотя бы как-то их уравновесить? Возможно есть. Но очень мало (448).

Вера в перспективу подвергается сомнению уже в заданных вопросах, содержащих неопределенный дейксис, связанный и с наличием положительного момента, и с субъектом его реализации, и с образом действия, который бы *уравновесил* деструкцию. Мало надежды на лучшее и в ответе, содержащем вводное слово со значением безрадостной проблематичности, которая усугубляется количественной безличной предикацией, дающей неутешительную квантитативную оценку здоровым предпосылкам развития страны.

Считая себя знатоком русской души, В. Познер приписывает русским категорично-негативную риторическую реакцию на поставленные им актуальные вопросы:

Сахарова вернули в Москву? Ну и что? Кому есть дело до высоколбного ученого, апеллировавшего к Западу против собственной страны? Вернули наших из Афганистана? Это неплохо, но убитых не вернешь, да и ушли с позором. Дали независимость странам Восточной Европы? И в результате потеряли то, что законно получили благодаря победе над Гитлером. Чего же тут хорошего? Свобода слова? Да болтовня это все, лучше бы дали пожрать. Можно теперь ездить по зарубежам? Ну да, если есть деньги... (450).

Содержание этого виртуального диалога, возможно, и детерминировано реакцией определенной части воображаемых собеседников, но их немного, а главное, трудно себе представить, как и где мог найти их автор, на какой основе с ними общался, – в любом случае в этих гипотетических ответах есть неоправданный цинизм и неправда. Большинство граждан радовалось освобождению Сахарова, возвращению солдат из Афганистана, свободе слова, возможности поехать в другие страны (сегодня денег нет, а завтра есть) и независимости бывших стран социализма, отказавшихся от воплощения в жизнь коммунистической утопии в том виде, как ее понимали большевики.

Иногда ловишь себя на мысли, что одни абзацы книги адресованы русским, другие – американцам и их соотношение строго дозировано, даже мотивировано в какой-то степени экстралингвистическими факторами.

Например, резкий выпад против России сменяется абзацем, который содержит своеобразное извинение за то, что автор ее покидает, считая необходимым объяснить, почему он «все же решил уехать». Так оправдываются только перед Родиной, которая недооценила своего гражданина, чего-то ему недодала, чем-то обидела: «ушли» с Центрального телевидения «после скандального интервью», хотелось доказать свою профессиональную успешность в Америке, «но все-таки главная причина состояла в другом» (456). Оказывается, «все годы своего проживания в СССР» В. Познер «боялся»:

*Чего? Не могу сказать конкретно. Я чувствовал себя совершенно беззащитным. Это был страх, не имевший ни ясного образа, ни места обитания. Он просто был. Помню, каждый раз возвращаясь из ежегодного отпуска, я боялся того, что случится в первый день моей работы. **Не ждут ли меня неприятности в связи с тем, что я сказал, или, напротив, не сказал, сделал или не сделал?** Страх этот сидел во мне безвылазно, прописавшись, казалось, навечно. И вдруг он исчез. Его не стало, причем я понимал точно, что больше он не вернется никогда. Невозможно передать облегчение, которое я испытал, будто задышал свежим, прохладным воздухом, наполнившим мои легкие тысячами пузырьков чистой радости (458).*

Страх этот все же не был таким уж беспредметным, если вспомнить его интервью американцам, но, наверное, он знаком многим (если не всем) работникам идеологического фронта. И это состояние блестяще передано вопросом, в котором однородные сказуемые с разделительными отношениями выражают исключаящие друг друга гипотетические действия, за каждое из которых может последовать наказание. Они отражают парадоксальную ситуацию, в которой действительно сложно ориентироваться журналисту, все-таки вынужденному всякий раз делать выбор, опираясь на свою интуицию, подсказывающую верное языковое поведение. На фоне различных по масштабу идеологической значимости возможных дилемм, которые способны

вселить страх и вселяли его даже в простого обывателя, эйфорию избавления от него хочется пережить вместе с автором.

2.2.4. Риторический вопрос

Особая роль в установлении связи с читателем принадлежит риторическому вопросу, который является таковым «лишь по форме, так как по содержанию говорящий сообщает что-либо; сообщение носит по сравнению с вопросом обратный по отношению к утверждению/отрицанию характер» [Русская грамматика, 1979, 821 – 822]. Несовместимость формы и содержания придает риторическому вопросу особую экспрессию:

Да и откуда у них [русских и американцев – К.Л.] может быть что-то общее, когда их исторический опыт столь различен? Назовите мне хоть один европейский народ, который в большинстве своем оставался в рабстве до второй половины девятнадцатого века. Покажите мне народ, который почти три века находился под гнетом гораздо более отсталого завоевателя (31).

Утверждение глубокой пропасти между двумя народами приобретает категоричный характер. Его форма исключает даже такие черты, которые реально существуют и именуются общечеловеческими. К тому же если один народ имеет стойкое представление о каком-то характерологическом единстве с другим народом, пусть оно имеет даже мифический характер, то это означает, что он очень хорошо к нему относится. А это неплохой симптом. Посттекст побудительных предложений усиливает риторику, являясь если не ответом, то неопровержимым доказательством абсурдности, как считает автор, популярного в русском народе мнения о сходстве их с американцами. Он подключает к своим рассуждениям потенциальных, верящих в сходство народов собеседников, позиция которых актуализируется глагольными формами второго лица множественного числа с обобщенным значением. Такое лицо вряд ли ответит публицисту.

Посредством риторики формулируются и такие вопросы, которые содержат гипотетические ответы:

Кто-нибудь попытался представить себе, какой была бы Россия, не случись этого нашествия и двухсот пятидесяти лет ига? Если бы Русь, развивавшаяся в ногу с Европой, выдававшая своих княжон замуж за французских королей, не была отрезана на три долгих века от европейской цивилизации?

Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому вече? Что было бы, если бы Русь приняла не православие, а католицизм? Что было бы, если бы русское государство не заковало собственный народ в кандалы крепостничества? Что было бы, если бы всего лишь через пятьдесят с небольшим лет после отмены крепостного рабства не установилось рабство советское? Много вопросов, на которые нет ответов, а есть лишь мало чего стоящие догадки... (31 – 32).

Ряд параллельных предложений с конъюнктивной риторикой напоминает о сложном пути становления российской государственности, объясняющем многое, и выражает мечту о том, что могло бы быть, не будь перечисленных обстоятельств. Это виртуально обусловленное предположение не вселяет оптимизма, поскольку гипотезы автора выстроены так убедительно, что, кажется, конца им не будет.

Некоторые вопросы В. Познера по силе обобщенного в них содержания могут занять достойное место в афористичной социально-политической риторике советского периода:

1) *Но Мамедов со своей редкой пронизательностью понимал, что «звездный» потенциал у меня есть, а контролировать «звезд» трудно. Зачем такая морока? (339-340).*

2) *Но все эти «если бы» исходят из абсолютно ошибочного предположения, что Хрущев, этот рабоче-крестьянско-большевистский полуграмотный Хрущев мог преодолеть самого себя. Можно ли не то чтобы требовать, но хотя бы надеяться, что кошка вдруг залает? (351).*

В сложном целом (1) сила обобщения вопроса детерминирована тезаурусом любого русского читателя, понимающего типичность ситуации, о которой идет речь в предыдущем предложении. Особая выразительность текста достигается и стилистической несовместимостью с предыдущим текстом лексемы *морока*, имеющей помету “простореч.” [БАС,6, 1274]. Обобщенность в (2) обеспечена содержанием предтекста, который повествует о недалёковидности тех, кто выбирал руководителя огромной страны. Предикат *залает*, выраженный многозначным глаголом, имеющим метафорические значения *бранить*, *ругать кого-либо* и *произносить, выкрикивать (ругательства, брань)* [БАС, 6, 85], не может не вызвать в данном контексте ассоциацию с громкой и бессмысленной словесной бравадой, которую народ метко обобщил: *собака лает – ветер слышит*.

Риторические вопросы, подчеркивающие мысль автора, могут дополняться различными модальными оценками, представленными всей семантической шкалой, располагающейся между «да» и «нет». Самостоятельные модальные предложения подчеркивают сложность поднятых автором проблем, не имеющих однозначных решений:

1) *Разве избрание чернокожего президентом страны не говорит о радикальном продвижении американцев в этом вопросе? Конечно, говорит* (247).

2) *«Ты [Обама – К.Л.] не оправдал моих ожиданий <...>. Тебе, «черному», нечего делать в Белом доме». Преувеличиваю? Ничуть* (247).

3) *Когда избавились от Наполеона, его заменил еще один король из династии Бурбонов. И ради этого воевали и умирали французы, ради такой рокировки совершалась революция? Разумеется, нет* (429).

В (1) абсолютная уверенность выражена неполным предложением с повтором глагольного предиката и модальным словом. В (2) гипотеза заканчивается риторикой, ставящей под вопрос меру изложенной правды, и завершается отрицательным неполным ответом, выраженным отрицательно-утвердительным наречием со значением «ни в какой мере», характеризующим

восстанавливаемый из предыдущего предложения отрицательный глагол, что подчеркивает абсолютную уверенность автора в своем предположении. В (4) – ответ содержит модальность абсолютной уверенности. Заметим, что все модальные компоненты, помимо своего непосредственного назначения выразить отношение автора к высказываемой мысли, реализуют и контактоустанавливающую функцию, приглашая к дискуссии оппонентов по поводу риторической информации.

Иногда риторический вопрос имеет опосредованный ответ, который оказывается объемнее, а потому ставит проблему шире:

1) *...Знал ли Владимир Ильич, что в его жилах течет и «еврейская кровь»? Мне кажется, он никогда и нигде ничего об этом не писал (257).*

2) *Но потом я стал задумываться – что именно двигало мной [В. Познер въехал обидчику за бранные слова, оскорбляющие национальность его однокурсника – К.Л.]? Обида за Семена? Чувство справедливости? Или то, что слово «жид» так же относилось и ко мне? Другими словами, будь моя фамилия не Познер, а, скажем, Смит или Борисов, отреагировал бы я таким же образом? Постепенно я стал понимать: чтобы ответить на этот вопрос, я должен ответить на другой: еврей ли я? (255).*

Ответ автора в (1) – *не писал* – вовсе не означает: *не знал*. Риторика вызывает, однако вполне конкретный вопрос: сколько еще тайн скрывал вождь мирового пролетариата. Система из пяти вопросов в (2), первый из которых является обобщенным по отношению к триаде других, предлагающих выбор (как в русских сказках с тремя дорогами), а пятый выполняет функцию вывода, свидетельствует о важности для говорящего лица поднятой им проблемы национальной самоидентификации. Вопросы относятся к разряду риторики, поскольку автор не относится к типу Иванов, родства не помнящих, – ему в деталях известны собственные генетические корни со стороны матери и отца. А потому разделительные отношения со значением взаимоисключения не кажутся в данном сложном построении актуальными – в реакции В. Познера на слова наглеца, думаем, присутствовало все три чувства. При блестящем

знании многонациональной родословной не кажется животрепещущим и последний, итоговый вопрос автора, которому ничего не мешает быть метисом. К тому же, его национальное самоощущение, как свидетельствует текст книги, часто мотивируется причинами, не имеющими к происхождению ни малейшего отношения, а зависит от социальных условий, степени профессионального успеха, душевного комфорта среди людей той или иной национальности.

Значимость риторических вопросов усиливает такой синтаксический прием, как параллелизм и парцелляция:

Не будь холодной войны, наступила бы эра Мак Карти, которая по сей день определяет то, что называется «пределами политических дебатов». Погибли бы тридцать пять тысяч американцев в Корее да еще пятьдесят тысяч во Вьетнаме, не говоря о двух миллионах вьетнамцев? Получили бы американскую поддержку такие мерзкие диктаторы, как Маркос, Франко, Сомоса, Пиночет? Вряд ли (420).

В сложном построении с несвободной структурой препозиционная придаточная условная часть (*не будь*) с постпозиционной обусловленной главной частью (*наступила бы*) отделяется точкой от двух других обусловленных главных частей (*погибли бы, получили бы*), тоже разделенных точкой. Все три главные части построены по принципу параллелизма. Завершается риторика ответом, представляющим нечленимое предложение с модальным значением сомнения в достоверности того, о чем говорится в СПП. Ответ, понятно, избыточен, но его вербализация усиливает значимость содержания вопросов, подчеркивает диалогичность речи автора, его стремление включить в свои рассуждения тех, кто задумывался по поводу всего происшедшего за время холодной войны, испытав, как и он, горечь потерь, и тех, кто еще не успел или не захотел подумать об этом.

Парцелляция, параллелизм и лексический повтор способны выделить важность содержания определенного риторического вопроса из однородного ряда:

Когда умирает близкий и любимый человек, разве легче, разве боль менее остра, если ты заранее знал о его смертельной болезни? Легче ли оттого, что ты был готов к его смерти? Не думаю (436).

Парцеллированная главная часть, как и предыдущие, детерминирована препозиционной условно-временной придаточной частью. Семантическая избыточность уже заложенного в риторiku отрицательного ответа подчеркивает ощущение неизбежности острой боли по поводу любой смерти близких.

Значимая каузальность содержания риторических вопросов достигается посредством совмещенных синтаксических средств:

То, что испытал юноша Иосиф Сладкевич, испытали десятки миллионов других, те, чьи жизни и судьбы революция круто изменила; странно ли, что их преданность системе была полной и безоговорочной, походившей на преданность ребенка родителям?

Надо ли удивляться тому, что они не желали замечать ничего, что могло нанести ущерб образу их страны? И их гордости за нее? Их вере в превосходство советской системы над всеми прочими? (443).

Абзацные отступы акцентирует внимание на семантических отношениях между содержанием сложных предложений. Значение следствия между ними подчеркнута парцелляцией однородных дополнений главной части: местоименного (*тому*) и номинативных (*гордости, вере*), разделенных точкой. Модальность препозитивных предикатов создает контекстные условия для особого выделения указанных объектов.

Синкретичной может быть и предикативная часть, являющаяся утвердительно-риторическим вопросом, если она оформлена и как часть бессоюзного предложения с отношениями следствия, вывода, заключения, что сигнализируется знаком «тире», и как вставка, которая способна иметь те же, что и бессоюзие, семантические значения и ту же пунктуацию:

Грязь и нищета городских трущоб, постепенный развал системы школьного образования, резкий рост наркомании – разве это не

противоречит исконным американским представлениям о порядочности?
(420).

Ряды риторических предложений могут сочетаться с именительным темой:

Криминализация и коррупция. Откуда они взялись в девяностых – эти люди в малиновых пиджаках, эти киллеры, эти преступные группировки? Из каких щелей они вылезли? Ведь нам говорили, что по сравнению со всеми прочими странами, особенно с Америкой, в Советском Союзе почти нет преступности. Но ведь не из Америки прилетели в Россию все эти Япончики, Тайванчики, Маккинтоши. В каких глубинных слоях советского общества дожидались они своего часа? Меня поражают те, кто ностальгирует по советским временам, в частности, доказывая, будто «тогда такого не было». Не было? Полноте! (465).

Акцентированная тема дальнейшего высказывания (*криминализация и коррупция*) убедительно подчеркивает связь с ней социальных бед страны как в советское, так и в постсоветское время. Их преемственность подвергается убедительному анализу в точно и иерархически последовательно поставленных вопросах, имеющих общие, всем известные ответы. Риторика дает возможность читателю включиться в процесс рассуждения, соглашаясь с автором, а для потенциальных несогласных оппонентов, как будто предвосхищая их негативную реакцию, В. Познер отвечает утвердительным по содержанию и отрицательным по форме неполным безличным предложением и постпозитивной модальной репликой с разговорно-просторечной экспрессией удивления: *полноте* – «стоит ли?» [БАС,10, 1024, 1016]. Это очень ироничная риторика, имплицитная убедительные, несокрушимые аргументы автора по поводу того, о чем он пишет.

2.3. Прагматическая значимость антиномий

2.3.1. Стилистическая несовместимость единиц членения предложения

Синтаксические антиномии разного типа создают особую интригу публицистического стиля, позволяя столкнуть мнения, взгляды, оценки, выразить определенную экспрессию текста, подчеркнуть авторскую модальность. Так, ирония достигается антиномией письменной публицистической речи с разговорными построениями, создающими иллюзию спонтанности. При этом столкновение различных стилей не только сохраняет гармонию изложения, но и делает читателя еще и слушателем, повышая его активность в позиции собеседника.

Семантико-стилистическая антиномия может создаваться однородными сказуемыми, формируя дополнительные экспрессивные оценки говорящего лица:

*Конечно, Сталин **наломал дров**, внес самую существенную **лепту** в создание «**нового человека**», Шарикова, гениально угаданного Михаилом Булгаковым (183).*

Иронично, уничижительно передается здесь отношение к фигуре Сталина, точно оценены его действия и его результаты, развенчано величие, что достигнуто однородными предикатами с противоречащими семантико-стилистическими значениями. Первый из них выражен просторечным фразеологизмом с негативным значением – «наделать ошибок, глупостей» [БАС,7, 296]. Второй – фразеологизмом, называющим общественно полезное, созидательное действие [ТСОШ, 1994, 316; БАС,6, 166], направленное на высокий объект, взятый, однако, в кавычки и вызывающий эффект комического.

В семантико-стилистическую дисгармонию может вступать обобщающее слово и однородный ряд, его эксплицирующий:

*Чуть презрительно скривив рот, Кирилл Викторович с разящей точностью уничтожал весь советский эстаблишмент – бездарных **бюрократов**, партийных **пустобрехов** и в первую голову тупоголовый **идиотизм** той самой пропаганды, которую сам, наряду с другими, распространял (169).*

Объект уничтожения выражен словом *эстаблишмент* – иноязычным, настолько книжным, что в книге В. Познера сохраняет внутреннюю семантическую форму языка-источника. В русской лексикографической литературе слово закодировано как *истеблшмент*. Семантическая и стилистическая несовместимость обобщающего слова и однородных дополнений, выраженных словами семантически негативной и стилистически сниженной лексики: *пустобрех* (просторечное), *тупоголовый* (разговорное), *идиотизм* (разговорное), – формирует едкую оценочную иронию по отношению к властвующим лицам. А однородные предикаты, представленные контекстуальными антонимами (*уничтожал – распространял*), переводят иронию в едкий сарказм большой обобщающей силы.

2.3.2. Стилистическая несовместимость предикативных частей предложения

Выразительность текста достигается столкновением предикатов, имеющих стилистически взаимоисключающие словарные пометы в различных частях СПП. Их несовместимость в составе единого целого создает определенную, запланированную автором экспрессию:

1) *Хочется излить свой праведный гнев на тех, кто **проституирует** звание историка, желая тем самым **угодить** власти* (66-67).

2) *...При всех моих успехах на ниве советской пропаганды мне не доверяли, чувствовали, что я могу, разговаривая с советской аудиторией, что-то такое «**ляпнуть**»* (339).

В (1) сочетание состава сказуемого *излить праведный гнев* с семантическим составом придаточной части – метафорическим предикатом *проституирует* и обособленным обстоятельством цели *желая угодить* – определяет сарказм в оценке двуличных историков. В (2) сказуемое (*могу ляпнуть*) диссонирует со строго выдержанным публицистическим стилем предыдущих предикативных частей, что позволяет судить о смелости журналиста и готовности иронизировать по поводу самого себя. Правда,

несколько непонятно, дает ли просторечный глагол его оценку собственных слов или это мнение пропагандистов. В этом смысле предикат с ярко выраженной экспрессией, да еще и выделенный кавычками, воспринимается неоднозначно, тем более что кавычки – знак многозначный: он сигнализирует не только факт чужого текста, но и может выражать иронию [Розенталь, 1984, 223]. Полисемия придает предикату емкую, но не вполне определенную модальность, связанную с источником речи.

Стилистическое противоречие может создаваться частями БСП:

...Она [Лидия Федосеевна Тимашук – К.Л.] стала своего рода советской Жанной д'Арк, ей вручили орден Ленина, а потом, менее чем через два года, лишили этого ордена, она из Жанны превратилась в злобную, коварную бабу-ягу и вскоре была предана забвению (139).

Первая предикация торжественно-пафосная, что вполне соответствует ее содержанию; вторая, разговорно-комичная, – демонстрирует свойство поистине «летучей славы» в Советском Союзе. Вчерашняя героиня, сравниваемая с *Жанной д'Арк*, получает имя самого страшного персонажа русских сказок, выраженного разговорной метафорой *баба-яга* с яркими негативными атрибутами. Метаморфоза, благодаря образному абстрагированию, получает большую силу обобщения, имплицитно типичность для советской эпохи судеб людей, в какой-то момент обласканных, а затем заклеянных одной и той же властью.

Антиномия может быть основой организации многочленного СПП и всех единиц его членения:

Оказалось, что я живу в лимбе – не с советскими (рай), которых я априори любил и любви которых я жаждал, не с немцами (ад), которых я ненавидел, но которые были готовы принять меня, – за что я ненавидел их еще пуще (102).

Изъяснительная часть включает отрицательные объекты совместности со значением национальной принадлежности: *не с советскими – не с немцами*. Их яркие локально-метафорические оценки *рай – ад*, всеохватность которых

подчеркнута скобочным включением, имплицитно эмоционально-качественные антонимы: *любимые – ненавистные* [Львов, 1978,161]. Антиномия многократно усиливается за счет сказуемых в придаточных определительных предикациях, которые раскрывают несовпадения в характере проявления чувств автора с теми, кому они адресованы. Модальная часть предикатов с отношением любви в одном случае – *априори любил* – подчеркивает безусловную ее силу, а в другом – *любви жаждал* – проблематичность ее взаимности. Модальность предиката с отношением ненависти к тем, кто изъявляет готовность *принять* его, усилена повтором сказуемого *ненавидел* в присоединительной части. Развернутая, сложная антонимия «любовь – ненависть» пронизывает все предложение, подчеркивая сложность, пронзительность, болезненность невзаимных чувств шестнадцатилетнего подростка.

Антонимия является типичным выразительным средством для выражения чувств:

Я убивал ненавистную Германию, я убивал обстоятельства, которые привели меня сюда, я убивал мою потерянность, мое непонимание того, кто же я – и не русский, потому что русские меня не принимают, и не немец, потому что я никогда с этим не примирюсь (102).

БСП с синтаксическим параллелизмом и анафорой предикативного отношения трех частей выражает следствие, которое завершается дилеммой *кто же я – и не русский, и не немец*. Ее неразрешимость передается параллельными придаточными частями со значением причины (одни *не принимают* – с другими *никогда не примирюсь*).

Отношения противопоставленности часто способствуют созданию ироничного тона повествования:

1) *Я обалдеваю от тона и резко отвечаю: «Не у всех есть персональная машина, Энвер Назимович!» – и бегу дальше...* (237).

2) ... *Партийного работника стали рассматривать как «швеца, жнеца и на дуде игреца», его бросали на выполнение самых разных заданий (374).*

3) *Меня поразило расстояние между мной и женщиной, которая должна была взять мой паспорт и выдать пропуск – это был как бы маленький туннель: захоти я дать ей в глаз, не дотянулся бы (399).*

Просторечный глагол *обалдевать* [ТСОШ,1994, 416], стилистически рассогласованный с содержанием остальной части предложения (1), не только подчеркивает негативную оценку излагаемых фактов, но и откровенно их высмеивают. В (2) сочетание партийной терминологии с разговорностью пословицы, безусловно, создает дополнительную авторскую иронию по поводу статуса партийного работника в разваливающемся Советском Союзе. Несвободная по строению предикация в (3), включающая неупотребительный императив *захоти* [Тихонов, 1996, 676] и просторечие *дать в глаз* [ТСОШ, 1994,148], создает стилистический диссонанс с вербальным наполнением предыдущей части предложения.

2.3.3. Развернутые тропы, основанные на антонимии

В системе рассуждений В. Познера сталкиваются различные времена, идеи, нравы, часто противоречивые. Естественно, что их коммуникативное воплощение выразительней всего передают фигуры, в основе которых лежат тропы, создаваемые за счет антонимии, – антитеза и оксюморон.

Все эти тогдашние «товарищи», которые размахивали красными партийными книжками и клялись положить жизнь на строительство коммунизма, в одночасье стали не просто господами, но еще и православными (15).

Ярко выраженная ирония в данном случае формируется благодаря субъектно-предикатной антитезе, развернутой во временных границах *только что – сейчас*, подчеркивающих метаморфозу одних и тех же лиц, отраженную в несовместимости их наименования.

Антитеза сложного предложения может создаваться за счет повтора компонентов, вступающих в сложные семантические отношения:

*Фильм был для того времени **убойный**, поскольку Бережков рассказывал в нем о **дотоле** абсолютно закрытых вещах (например, впервые по советскому телевидению мы показали архивные документальные кадры встречи **советских и фашистских** войск в Польше, когда они совместным парадом прошли мимо трибуны, на которой стояли **офицеры вермахта и Красной Армии**: первые приветствовали марширующих выброшенными вперед руками и криками «хайль Гитлер!», а вторые, приложив руку к фуражкам, – громкими «ура!»)* (66).

В соединительных и сопоставительных отношениях вставки (союзы *и*, *а*) находятся имена, содержание которые в настоящее время невозможно представить в подобных связях, – эта формальная дисгармония имплицировала определенную авторскую модальность, передав неправдоподобную, но очевидную правду о моменте сплочения могучих армий накануне их войны друг с другом. При этом конструктивный (вне вставки) состав предложения имеет разговорный характер: просторечие «убойный» [БАС, 16, 71], устаревшее наречие «дотоле» [Словарь в 20 т., Т.IV 434] в контексте приобретают более емкое стилистическое назначение, чем закодированное в словаре. В результате прагматически точной организации предложения с его просторечной и пафосной частью, с сочинительными соединительными и сопоставительными отношениями лексем, которые нашим сознанием всегда воспринимались как катастрофически несовместимые, создается едкий сарказм авторской оценки увиденного.

Развернутая антитеза может лежать в основе различных синтаксических построений.

- 1) *Библейский миф – одно, а реальность – совсем другое* (392).
- 2) *Все при нем [Сталине – К.Л.] было ясно и понятно: черное – белое, друг – враг, хорошо – плохо, горячо – холодно, никаких оттенков, никаких кривых линий, только прямые* (186).

3) *Опыт, обещавший рай на земле, принес ад* (464).

Это могут быть отношения сопоставительные в ССП (1), между однородными, попарно организованными, символично-емкими по своему значению подлежащими, дающими яркое представление о том восприятии действительности, которое было характерно для советского человека (2), в границах осложненного предложения антитеза может складываться между его предикативным отношением и обособленным определением (3).

Сложное состояние внутреннего противоречия, определившего всю жизнь автора, выразительно передается сочетанием антитезы и оксюморона:

*Мои политические взгляды, внушенные мне отцом, имели следствием убеждение, что я не должен любить Америку, а обязан любить Россию. Странно? Наверное. это все равно что считать вкусным абсолютно несъедобный обед, приготовленный любимой женой. Из-за подобного состояния я искал в Америке **негативное** – и находил его; точно так же я искал в СССР/России **позитивное** – и находил его. И все это бесконечно долгое время голос глубоко внутри меня говорил: «Неправда это. Неправда». Тяжело жить с таким внутренним **раздраем** (425).*

Несовместимость модальных состояний передана антитезой противоположных по значению вспомогательных частей составных глагольных сказуемых с одним и тем же инфинитивом. Табу и обязанность, инспирированные отцом, далее имплицитно в развернутый метафоричный оксюморон, передающий неоднозначное отношение автора к России.

2.4. Прагматическая значимость присоединительных конструкций

2.4.1. Гипотактические конструкции

В публицистической автобиографии естественна и понятна частотность присоединительных конструкций, которые имеют многочисленный набор вариантов, связанный с различными средствами связи. Они используются автором для подведения итога, для обоснования логики сообщения, формулировки гипотезы по отношению к нему и т.п.

СПП с присоединительными придаточными частями широко используются автором для особо важных замечаний, обобщений, выводов. Структурно-семантический потенциал гипотактических построений способен прагматически точно передать сложные оценочные значения, соотнося их с главной частью, содержание которой включается в местоименное слово придаточной части. Очевидным коммуникативным достоинством таких конструкций является их возможность подытожить информацию главной части, а это предполагает очевидное присутствие автора, осуществляющего одновременно и непосредственный контакт с читателем. Можно отметить и еще одно свойство СПП с присоединительными частями: находясь на границе гипотаксиса и паратаксиса, они тяготеют, скорее, к разговорному синтаксису, придавая рассуждению характер живого повествования:

*... Его [отца – К.Л.] бабушка с материнской стороны родилась в Кронштадте, **что** опять-таки не вписывается ни в какие правила, поскольку Кронштадт являлся военно-морской базой и евреям там не было места (11).*

Присоединительная часть с союзным словом, указывающим на отношения гипотаксиса с предыдущей частью, может быть самостоятельным предложением:

1) *... Имея этот документ [«грин кард», дающая все права и обязанности, кроме права голосовать и быть избранным – К.Л.] и прожив в США не менее пяти лет, вы имеете право подать на гражданство. **Что** я и сделал (51).*

Приведенный пример подтверждает коммуникативную функцию парцелляции, которая в данном случае заключается в подчеркивании особой значимости содержания присоединительной части. Первое предложение сообщает об известном большинству условию простоты получения гражданства в США. Парцелляция присоединительной части СПП актуализирует особую важность для В. Познера факта получения американского гражданства.

Сложной в интерпретационном отношении является присоединительная часть (и вся конструкция в целом), которая содержит подчинительное средство связи и отделяется от предыдущей предикации знаком тире:

Рейды, организованные Генеральным прокурором США Пальмером, которые я упомянул ранее, были лишь одним из ингредиентов. О них в Америке забыли – что крайне удобно (85).

Знак тире в приведенном предложении многозначен. Он может указывать, во-первых, на вставку, вполне способную выразить вывод; во-вторых, на придаточное присоединительное СПП, в котором тире вполне допустимо для подчеркивания экспрессивных отношений между содержанием частей. Союзное слово *что* в этом случае не мешает ни одной из интерпретаций. Семантические отношения в приведенном сложном целом дают некоторые основания для определения присоединительных компонентов как придаточных частей, поскольку определенная экспрессия в отношениях частей очевидна: тире позволяет акцентировать внимание на авторской иронии по отношению к способности США предавать забвению факты, способные дискредитировать демократию, которой очень гордятся американцы.

К особым способам выражения вывода можно отнести СПП с детерминирующей придаточной частью, которая совмещает значение времени и причины того, о чем сообщается в главной части, соответственно приобретающей значение следствия, вывода, резюме:

Когда Жданов умер, Тимашук, опасаясь, что могут скрыть всю эту историю, написала в Кремль письмо с рассказом о том, как было на самом деле (139).

В таких построениях устанавливаются сложные каузальные отношения, интерпретация которых возможна лишь при тщательном анализе лексического состава обеих частей. Семантический характер предикативного отношения в главной части актуализирует не только временную, но и причинную обусловленность содержанием придаточной части. Многозначность

семантических отношений делает предложение лаконичным и емким по передаваемой им информации.

2.4.2. Паратактические конструкции

Предикации со значением обобщения, вывода, итога предыдущих мыслей могут присоединяться посредством сочинительных союзов и иногда обобщают содержание, которое выходит за пределы ССП с пояснительной частью, соотносясь с рядом предыдущих предложений и формируя авторскую модальность всего ССЦ:

И дело не в том, что многие и многие намекали – мол, с фамилией Познер русским быть нельзя, и это было крайне неприятно, даже унижительно (32).

В предтексте В. Познер говорит о желании стать русским как самой заветной мечте. Со временем он оценит свои отроческие и юношеские порывы как заблуждения, придет к пониманию их эфемерности. Присоединительный дейксис в качестве предмета оценки «крайне неприятно, даже унижительно» включает в себя не только предыдущую часть предложения, но и весь предтекст, характеризующий иное, позитивное позиционирование говорящего лица по отношению к русским людям, что делает его признание особенно выстраданным. Местоимение *это*, коль скоро в предыдущее части эксплицируется ограничительное отрицание, вбирает в себя и весь последующий текст, в котором говорится о том, что не только фамилия, дававшая кому-то повод указывать на истинную национальность, была причиной несостоявшегося желания В. Познера быть русским. Он приводит русские национальные черты характера в форме таких контекстуально-антонимических оппозиций, которые позволяют предположить неприятие автором русского характера в целом. *Это взлеты восторга и депрессивные падения, сентиментальность и жестокость, терпение, граничащее с безразличием, поразительное стремление разрушать и созидать в масштабах совершенно немислимых, желание поразить хлебосольством,*

оставшись без рубля на завтрашний хлеб, *звероватость* и *нежность*, буйный разгул и скучная жизнь, *покорность судьбе* и *бесшабашность*, *чинопочитание* и *одновременно высокомерие*, *комплекс неполноценности* и *убежденность в своем превосходстве*. «Все это не мое», – заключает В. Познер (32). И его резюме понятно, ведь даже те свойства в его аксиологии, которые вроде бы призваны уравновесить отрицательные, в контексте приведенных конъюнкций теряют позитивизм. *Терпение* граничит с *безразличием*; *стремление созидать* имеет *масштабы совершенно немыслимые*, а в заключительной оценочной паре негативную коннотацию имеют оба слова сочинительного сочетания.

2.4.3. Самостоятельные предложения

Построения с подключением присоединительных предложений в качестве самостоятельных предикаций трудно признать сверхфразовыми единствами, потому что они определяются как присоединительные на первой ступени их восприятия, между тем как главным признаком сверхфразового единства, по мнению П.В. Чеснокова, является осмысление отношений в нем на второй ступени коммуникативного процесса [Чесноков, 2008, 114 – 115]. По степени структурно-семантической соотнесенности с первой предикацией такие единицы сближаются с частями ССП, отделение которых точкой осуществляется с целью подчеркнуть значимость содержащейся в них информации:

Нет ничего более отвратительного, чем разного рода «рублевки», окруженные морем неимущих. И это, господа, не коммунистическая точка зрения. Или вы полагаете, что Радищев был коммунистом, когда писал: «Я глянул окрест себя, и душа моя уязвлена страданиями человечества стала?» (76).

Самостоятельный статус присоединительных предложений, связанных с предыдущей частью сочинительным союзом «и», подчеркивает важность авторской оценки, направленной на предтекст ССЦ.

Самостоятельные предложения со значением итоговой оценки, завершающие ССЦ, могут присоединяться без посредства союзов. Среди них можно выделить присоединительные предложения, совмещающие атрибутивную семантику со значением логического обоснования:

С тех самых пор я боюсь акул. Это единственное животное, которое внушает мне страх (37).

Присоединительные предложения могут иметь ярко выраженное модальное значение мотивировки первой части, позволяя органично совместить факты прошлого, очевидцем которых был автор, с их оценкой, окончательно сформировавшейся в настоящем:

1) *Я рос, ненавидя немцев. Это не достоинство или недостаток, это факт (101).*

2) *Это был первый период «Красной угрозы» (85).*

Выводы, получившие конкретизацию историческими фактами, становятся особенно убедительными. В (1) дается модальная оценка содержанию первого предложения. В (2) подытоживается содержание всего предыдущего абзаца, где речь идет о казни Сакко и Ванцетти, Джо Хиллапо сфабрикованным делам, согласно которым они принадлежали к красным, а значит, к убийцам.

Одно ССЦ может содержать цепочку присоединительных предложений со значением пояснения:

...Одного ей [нашей семье – К.Л.] явно не хватало: денег. Именно это привело к тому, что моей бабушке, женщине поразительной красоты и великолепного образования <...>, пришлось в одиночку добывать хлеб насущный для себя и для пятерых своих детей. Это проявилось в самой разнообразной деятельности .... (9).

Максимально общее местоимение *это* позволяет сделать вывод за выводом. В результате, благодаря четкой организации сложного синтаксического целого с цепочечной пояснительной связью, воссоздается

достаточно полный образ лица, о котором с глубоким уважением и большой любовью пишет автор.

Обобщающие присоединительные предложения могут вступать в определенные семантические отношения между собой:

*Средства массовой информации тех лет внушали народу, что коммунисты проникли повсюду, что под каждой кроватью прячется «красный», что даже американское правительство поражено коммунистической заразой. Да разве у самого Эйзенхауэра нет партбилета? Сегодня мы говорим об этом со смехом, но смешного-то мало. Лучше задаться вопросом, как и почему **это** все произошло и почему по сей день слово «коммунист» вызывает в рядовом американце **страх**?* (86).

В приведенном примере это сопоставительно-уступительные отношения, акцентирующие приоритет разумной оценки ситуации перед ее осмеянием. Эта мысль поддержана развернутой контекстуальной антонимией, выраженной оппозицией *смех-страх*, подчеркивающей различное коннотативное отношение к восприятию слова «коммунист», с одной стороны, народом, тешащим себя мыслью, что прекрасно знают его денотативное значение, а с другой – американцами, имеющими о нем сведения своего информационного канала. В результате содержание всего сложного целого отражает некую глобальную трагикомедию, в которой, если учесть последний вопрос, все-таки больше печального, чем смешного.

Обобщающее предложение с местоимением *это* может быть представлено абзацем:

Он [диктор ЦТ Юрий Петров – К.Л.] говорил что-то о каком-то ГКЧП. Через пять минут все стало ясно: совершен государственный переворот. <...>

***Это** означало конец перестройки и гласности, конец всем мечтам о социализме с «человеческим лицом»... (456).*

Вывод с парадоксальным объектом *мечты о социализме с «человеческим лицом»* (как будто раньше строили социализм с

нечеловеческим лицом) заставляет воспринимать все изложенные события и соответствующие им политические термины (*переворот, перестройка, гласность* и т.п.) в иронично-комичном тоне.

2.4.4. Синкретичные структурно-семантические конструкции

Значение вывода может выражать конструкция, сходная, с одной стороны, со вставкой, которой свойственно значение попутного авторского замечания, с другой – на придаточную присоединительную часть СПП, ССП, БСП и самостоятельные предложения. Трудность в их разграничении вызвана и особенностями структуры с местоименным словом, включающим в себя содержание предыдущего текста. Осуществляемая дейксисом грамматическая связь делает отношения вставки и конструктивного состава предложения тесными, авторская пунктуация, тем не менее, отводит таким конструкциям роль спонтанно возникшего замечания, занимающего изолированную позицию в предложении.

Естественно, что вставки, располагающие определенными средствами связи, при их ином пунктуационном оформлении, могут стать придаточными присоединительными частями СПП со значением вывода, замечания, резюме и т.п.:

...Бывшего «отца народов» стали подавать <...> не только как маньяка (для чего имелись основания), но и как полуграмотного и слабоумного военачальника, руководившего операциями не по картам, а по глобусу (что вряд ли соответствует действительности) (65).

Выделение аналогов придаточных присоединительных скобками нарушает привычное представление о вставке как иерархически менее важной, дополнительной информации по отношению к предложению в целом. В приведенном примере вставке сообщается как раз особая значимость именно благодаря пунктуационному выделению ее содержания. Эффект выразительности вполне детерминирован известной закономерностью языка, согласно которому образность формируется на стыке несовпадения формы и

содержания. Информация синтаксических единиц с союзными словами *для чего, что*, включающими в себя информацию конструктивных частей предложения и оформленными в виде изолированной информации, отличается здесь особой значимостью и коммуникативной оправданностью. Построение предложения с особо выделенными, противоположными по значению модальными вставочными компонентами позволяет актуализировать отношения семантической каузальности между ними: часть характеристики лица одним из них подтверждается, а другая – подвергается сомнению. В результате диалектичного подхода дается объективная, вполне похожая на правдоподобную оценка сложной политической фигуре.

Значение вывода, модальной оценки выражают и вставки, соотнесенные с конструктивным составом предложения сочинительным союзом и местоимением *это*, включающим в себя все содержание предыдущей части:

1) *Когда я писал эту книжку, не было еще социальных сетей, в которых ныне молодежь проводит полжизни; по существу, не было и Интернета, никаких блогов, чатов и прочих прелестей, приведших к тому (и это проверено), что люди, в особенности молодые, перестали читать (24).*

2) *Как впоследствии признавал начальник Генерального штаба вермахта Гальдер – и это же подтвердил маршал Кейтель, – немцы пошли на точно рассчитанный военный риск, когда вторглись в Польшу (29).*

Вставка придает информации особую убедительность. В (1), несмотря на ее безлично-обобщенный характер, не указывающий на конкретный субъект проверки, она позволяет читателю не сомневаться в той информации, с которой она соотносится и истинность которой подтверждает. Стремление автора обеспечить информации максимум доказательств детерминирует вставку в (2), придающую исчерпывающую достоверность тому, что немцы были уязвимы еще в самом начале своих военных действий.

Во вставках со значением вывода могут отсутствовать союзные средства связи:

Я не устаю поражаться аморальности церкви и церковников, шокирующим несоответствием между тем, что проповедуется, и тем, что делается (это относится не только к РПЦ) (15).

Отсутствие средства связи имплицитно изолирует содержание вставки, придавая ей самостоятельную значимость, подчеркивая широкие конфессиональные границы той негативной несовместимости слова и дела, которая свойственна православной церкви.

2.5. Прагматическая значимость формы субъекта

2.5.1. Повтор личного местоимения со значением говорящего лица

Местоимение первого лица единственного числа несет особую нагрузку в книге В. Познера. Его экспликация и повтор сообщают определенную авторскую модальность тексту:

*А вслед за верой стал подтачиваться **страх** (1). Помню, что все годы своего проживания в СССР **я боялся** (2). Чего? (3). Не могу сказать конкретно (4). **Я** чувствовал себя совершенно **беззащитным** (5). Это был **страх**, не имевший ни ясного образа, ни места обитания (6). **Он** просто был (7). <...> И вдруг **он** исчез (8). **Его** не стало, причем **я** понимал точно, что больше **он** не вернется никогда (9). Невозможно передать облегчение, которое **я** испытал, будто задышал свежим, прохладным воздухом, наполнившим мои легкие тысячами пузырьков чистой радости (10) (458).*

Речь идет об особо сокровенных внутренних переменах автора. Тема приведенного сложного целого *страх* эксплицируется субъектом в (1), существующим помимо воли говорящего лица. В (2), (3), (4), (5) *страх* становится динамичным предикативным признаком говорящего лица, входя в семный состав сказуемых полных (2), (5) и неполных (3), (4) предложений. Завершается тема наличия страха предложением (6), осложненным полупредикативным обособленным определением, которое несет новую информацию, то есть представляет рему предложения, поскольку предикативное отношение (*Это был страх*) в контексте целого повторяет

наличие страха, являясь, по сути, темой первого уровня членения, то есть известным, данным, исходным и т.п. Повтор местоимения со значением говорящего лица акцентирует доверительный тон субъекта предикативного признака. В контексте местоимение первого лица противопоставлено местоимению третьего лица, заметно олицетворенному, воспринимаемому как злое существо, наконец побежденное автором. С исчезновением страха его номинация исключается и заменяется дейксисом, который со сказуемыми *исчез, не стало* и особенно *не вернется* поддерживает предикатную метафору. В тексте налицо элементы русской фольклорной поэтики: герой «я» одерживает победу над врагом «он» – чудовищем, мешавшим жить. Предикация *Его не стало* в (9) повторяет содержание предложения (8) *И вдруг он исчез*. Но если в (8) номинация страха занимает позицию субъекта, то в (9) она является синтаксическим объектом, и эта безличность подчеркивает бесповоротное избавление от тяжелого для говорящего лица состояния. Важные внутренние перемены переданы лаконично, четко, семантически простыми предложениями, выразительность которых достигается исключительно противостоянием «я – он». Эта оппозиция как будто олицетворяет страх, делает его своеобразным врагом, мешающим жить. Борьба завершается в (9) предикативным отношением говорящего лица и предиката мысли с модально-характеризующим значением уверенности, выраженным наречием *точно*, и связанной с ним изъяснительной придаточной частью с субъектом *он* и предикатом со значением невозможности возврата *его*, подчеркнутой разговорным наречием *больше* (впредь) и усилительно-отрицательным местоименным наречием *никогда*. И это полное отрицание страха дает автору повод выразить настоящий взрыв чувств в многочленном СПП (10) с единственным субъектом – говорящим лицом. В главной части оно имплицировано безличной предикацией (*мне, мое*), в первой придаточной части – местоимением *я*, во второй – притяжательным местоимением *мои*.

Личная причастность В. Познера может присутствовать и при описании им конкретных политических событий, если они связаны с определенным личным выбором:

Если ответить и дать событиям ту оценку, которую я считал единственно верной, то ни в какую Америку я не поеду; скорее, могу «поехать» совсем в противоположенную сторону. Если дать другой комментарий, то это будет подлостью, которую я вряд ли прощу себе. Если не давать никакого комментария, то это будет... что? (85).

Передавая отношение к ситуации с ГКЧП, автор посредством местоимения первого лица единственного числа эксплицирует активную гражданскую позицию. Три параллельных условных придаточных с модальной оценкой возможного выбора имплицитуют три пути: первый – правды, второй – подлости, третий – молчания. Личная ответственность за принятое решение подчеркивается имплицитированной в условных безлично-инфинитивных предикациях позицией говорящего лица (*мне*) и имплицитированной его позицией (*я*) в первых двух главных частях. Последнее условие В. Познер ставит перед собой и всеми, у кого активная гражданская позиция и кому небезразлична судьба страны. В его обусловленной части отсутствует синтаксическая позиция говорящего лица, предикативное отношение выражено дейксисом, а смысл вопросительной риторике ответа, подчеркнутый многоточием, понятен всем.

Пик душевного напряжения автора передается совмещением редупликации позиции говорящего лица и параллелизма:

Я получил массу поздравлений от друзей по работе и от наших британских коллег. Я находился на невероятном подъеме... (328).

Я слышал все это, наблюдал, сам куда-то звонил и что-то говорил, но то был не я. Я как будто замер, окаменел, находился далеко-далеко от всего происходящего и сидел в полном одиночестве... (336).

Точка между двусоставными предложениями, находящимися в отношениях каузальности, приобретает особую значимость содержания

каждого из них: первое – содержит причину, второе – ее естественное следствие.

Выразительность усиливается, когда подчеркнутое «я» в параллельных построениях совмещается с парцелляцией:

*Если не считать 1957 года, не было более тяжелого для меня времени в Советском Союзе, чем 1977 год. Потому что **я** потерял надежду. **Я** сдался. **Я** был на грани того, чтобы пасть на колени и молиться (328).*

Точка, отделяющая придаточные части со значением причины, акцентирует внимание на их содержании.

Редупликации «я» и синтаксический параллелизм могут усиливаться лексической анафорой:

***Я** понимал, что не имел на это права, письмо-то адресовалось не мне. Но в этот момент мне было совершенно наплевать, «что такое хорошо и что такое плохо». **Я** должен был прочесть это письмо. **Я** должен был узнать правду, какие бы последствия ни грозили мне (330).*

***Я** поклялся, что отец за все заплатит, – за то, что он сделал с моей мамой, за то, что он сделал со мной. **Я** поклялся, что наступит день, когда я предъявлю ему оба эти письма и спрошу... (330-331).*

Модальность уверенности в своем праве судить отца достигается повтором вспомогательной части (*должен был*) составных глагольных сказуемых в синтаксически параллельных предложениях. Следующее ССЦ выстроено параллельно предыдущему, что в целом создает особую экспрессию в описании состояния В. Познера в ситуации с отцом и передает ту упорную, несколько детскую страстность, с которой юноша жаждал мщения.

Состояние особой эмоциональности, которое трудно переживать одному и которым хочется поделиться, передается вопросом, небезразличным всем, кто оказывался в ситуации автора:

Знаете, что я нахожу необъяснимым? То, что смерть поражает наше воображение, шокирует нас. Чего нельзя сказать о рождении кого-либо; но

ведь смерть – такая же естественная штука, что и рождение. Я понимаю, что моя мама умерла. Я признаю это. Но я отказываюсь считать это «нормальным», не могу примириться... (414).

Эта вербально выраженная тяга к соборности – русская черта. И, как русский человек, в тяжелый для себя момент В. Познер обращается к собеседникам, тем, кто может его понять (*знаете*), и включает их в свои горестные размышления, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *наше* со значением принадлежности к лицам, выражающим говорящее лицо и всех тех, от лица которых он говорит. В данном случае это обобщенно-собирательное множество лиц.

Говорящее лицо подчеркивает и одновременно обобщает отношение к себе со стороны введением в свое рассуждение чужой речи:

Как считал Александр Петрович, то, что я совершил, связано не с ошибкой, мною допущенной, не с глупостью, которую, в общем-то, можно простить, а с моим буржуазным воспитанием. Ведь где рос и учился Познер? В Америке. Нет ничего удивительного в том, что во мне нет классового чутья, но это усугубляется отсутствием скромности, высокомерием, «звездной» болезнью, которой я страдаю... (342).

Риторический вопрос с ответом гипотетично, но довольно правдоподобно, благодаря форме несобственно-прямой речи, передает голос не только Александра Петровича, но и подобных ему обвинителей. Говорящее лицо уже от своего имени продолжает развивать мысль несобственно-прямой речи, доведя ее до логического конца и объяснив все свои просчеты в профессии американским образованием и воспитанием. Точное считывание чужих мыслей определяет ироничное отношение автора к тем обвинениям, которые ему предъявлялись.

Его оценки варьируются по отношению к их субъекту от личной причастности, когда мысль принадлежит только автору, до соборности, когда к участию в рассуждении приглашаются единомышленники, готовые, как и автор, услышать о себе и не совсем лицеприятные слова.

2.5.2. Повтор местоимения со значением отсутствующих в акте коммуникации лиц

Местоимения, указывающие на различные по отношению к коммуникативному процессу лица, в тексте автора приобретают дополнительные семантические значения, которые поддерживаются другими выразительными средствами. Местоименная анафора способна подчеркивать не только позицию говорящего лица, но и лица, не участвующего в акте общения. Эта функция, как известно, выполняется местоимением третьего лица, изначально многозначным, имеющим еще и предметное значение. Такой предметно-личный синкретизм в условиях контекста способен трансформироваться в более емкую оценку лица. Эта указательная и потенциально семантическая неопределенность местоимения третьего лица прекрасно обыгрывается автором. «Оно [общество – К.Л.] смеялось...» (351) является предикативным отношением шести параллельно выстроенных предложений в границах одного сложного целого. Симптоматичны объекты смеха «оно»: звезды Брежнева, фарцовка и торговля брильянтами брежневского клана, женитьба Чурбанова на дочери Брежнева и стремительное производство его в генералы, связь генерала и первого заместителя министра внутренних дел с преступным миром, дружба Рашидова с местной мафией и его обогащение за счет грошового непосильного труда женщин и детей на хлопковых полях, взяточничество и купля-продажа правительственных наград (351). В границах ССЦ многократный лексический повтор субъекта «оно», замещающего грамматически неодушевленное существительное «общество», сообщает местоимению коннотацию безличности, равнодушия, праздности, склонности наблюдать со стороны, что усиливается его формой среднего рода, нетипичной для указания на личные существительные. Предтекст рассматриваемого сложного целого предваряет и дополняет безрадостную жизнь страны, в которой, тем не менее, доминантным состоянием ее жителей оказывается смех. «Посмешищем» был

Хрущев, «кукурузник», «стучавший башмаком по столу на Генеральной Ассамблее ООН, публично материвший Маргариту Алигер <...> и Эрнста Неизвестного <...>» (351). «Заходились <...> **от смеха**», «прислушиваясь к маловразумительными оскорбительным для человеческого ума и уха “экономика должна быть экономной”, “сисимасиси”, “сосисские сраны”» словам Брежнева (351).

Завершает параллельный предикативный ряд предложение с ярким по семантике фразеологическим предикатом «задыхалось от смеха» (351) с многозначным глагольным компонентом, актуализирующим семы прямого («с трудом дышать» [БАС, 4, 436]) и производного («умирать от недостатка воздуха, от удушья» [БАС, 4, 437]) значений. Он выражает высочайшую степень состояния, названного существительным, вызывая ассоциацию с картиной «пира во время чумы».

Создается беспощадная в своей реальности сатирическая картина, что, кажется, смеются граждане не нашей, а другой страны. Она была бы абсолютно безнадежной, если бы не постпозитивное обобщающее предложение, в котором автор все-таки уточняет главный признак смеха *общества*, которое «наблюдало и смеялось – зло, безнадежно, горько, сквозь слезы (где ж вы были, дорогой Николай Васильевич?)» (352). Но это важное итоговое дополнение уже мало что корректирует в сознании воспринимающего текст в целую страницу, где русский читатель, как гражданин России, волей-неволей включается в многократно повторяемое предикативное отношение «оно смеялось» с вариантами «до слез смеялось», «задыхалось от смеха». Способ выражения субъекта и предикатов, в том числе и градационных, не имеет никакого отношения к злым, безнадежным, горьким слезам, появляющимся в предложении на другой странице книги. В результате такого несоразмерного соотношения негативной и позитивной оценки в поведении субъекта «оно» его смех отнюдь не воспринимается как смех сквозь слезы, а скорее, как гомерический хохот.

Использование автором в других текстах (с более определенной оценкой лица) не участвующего в акте коммуникации предметно-личного местоимения подтверждает, что его многократная редупликация выражает модальность негативного отношения автора к обозначенному им субъекту.

Форму дейксиса получают в тексте группы людей по характеру мотивации в деле торможения перестройки. Первая оппозиция, «пассивная», предпочитает блаженное неведение; вторая, «активная», отказывается от любой деятельности без гарантии ее вознаграждения; третья, «осознанная и продуманная», видимо тоже представленная активистами. Они не желают уходить и сопротивляются из-за потери рычагов власти, занимаются бессмысленными законопроектами, откладывают в долгий ящик срочные дела, распространяют слухи, мешающие стабильности, и «подливают масло в огонь» (391).

Семикратный повтор местоимения «они» имплицитно выражает модальность осуждения автором действий субъектов, всегда исключенных из диалога. Что касается их действий, то ни одно из них не кажется активным. Все они воспринимаются как лай москитов с той лишь разницей, что за слона принят не движущийся, а стоящий на одном и том же месте предмет. Трагическая, как ее оценивает автор, ситуация с торможением перестройки в подробной, детальной интерпретации вызывает не столько горькие переживания, сколько смех. Пародия формируется из-за многообразия деятельности антиперестроечных сил и не лишена иронии ее конкретизации. Например, если одна из групп тормозит развитие тем, что занимается распространением слухов, то возникает вопрос, что же это за государственная власть, если даже сплетни мешают ей реализовать свои принципы. Последний, названный автором вид деятельности оппозиции выделен явно не по законам логического деления. Судя по характеру деятельности групп, все «они» *подливали масла в огонь*, поскольку проводили деструктивную политику исподтишка. Эффект комического вызывает несовпадение стилистики фразеологизма с масштабом темы, касающейся судьбоносного события в стране. Поэтому выстроенное

таким способом сложное построение имплицитно (по воле или помимо воли автора) иронию, адресованную властвующим в то время структурам, которые были настолько слабы, что поставили успех перестройки в зависимость от ничтожных причин.

Повтор местоимения «они» в контексте может получать дополнительное значение неопределенно-собирающего лица, негативно характеризуемого автором:

Они [«искусствоведы в штатском» – К.Л.], стояли ровными рядами, разделяя площадь вдоль коридорами, по которым мы шли; они следили за нами, как ястребы, никому не давали останавливаться, держа под контролем каждый жест, каждый взмах руки. Они охраняли от нас руководителей партии и государства, стоявших на трибуне Мавзолея. Это было омерзительно. Ничего менее спонтанного и искреннего я не видел ни до, ни после (206).

Дан непривычный, редкий ракурс парада на Красной площади, переданный параллельно организованными предложениями с местоименной анафорой и семантически близкими предикатными составами, усиливающими форму выражения субъектов.

2.6. Прагматическая значимость дефинитивных конструкций

Отличительной чертой мемуарной прозы вообще является частотность дефинитивных конструкций. К одной из их разновидностей, характерной для книги В. Познера «Прощание с иллюзиями», относятся построения, связывающие имя собственное с лицом, событием, фактом и т.д. В книге вспоминаются известные, малоизвестные и неизвестные имена, называющие по-разному соотносящиеся с автором реалии. Способы их введения в текст характеризуют умение пишущего вести непринужденную, доверительную беседу, дозированно, без перегрузки памяти знакомить читателя с иерархически выстроенным кругом индивидуальных, единичных реалий. «Отношения номинации, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – соединяют объект и

его имя, т.е. элемент предметного мира и элемент языкового кода <...> *Этого мальчика зовут Коля*» [Арутюнова, 2005, 18]. Благодаря авторскому раскодированию загадок времени, все дальше уходящего от современности, оно становится понятнее, ближе, зримее. Особую роль в этом познании целой эпохи выполняют наименования знаковых для нее явлений, лиц – близких людей и тех, с кем писатель общался или не общался, но считал необходимым определить свое к ним отношение, тех, кто повлиял на его мировоззрение и (или) определил судьбы его соотечественников. На страницах книги есть место и именам, за которыми кроются лица случайные, но колоритные, интересные, делающие мемуарное повествование максимально достоверными.

В. Познер использует различные синтаксические конструкции со значением названия. Их сопоставление дает представление о том, с какой журналистской точностью, тактом и вместе с тем юмором он именуется как известных людей и события, так и свое близкое окружение и милые сердцу подробности, хранящиеся только в его собственной эмоциональной памяти.

Доминантной синтаксической единицей наименования является вставка. Она придает тексту живость, позволяет лучше понять предпочтения автора, почувствовать его присутствие в том времени и среди тех людей, о которых он говорит.

Дефинитивная вставка в определенном смысле детерминирует структуру предложения, либо сообщая дополнительные сведения о собственном имени, являющемся компонентом его конструктивного состава, либо именуя лицо или предмет его конструктивного состава. В первом случае подчеркивается особая значимость лица в тексте за счет редупликации семы наименования (имя собственное и глагол названия):

Женя, так ее звали, не просто водила меня по городу... (148).

Мария Владимировна Степанова (так ее звали) родилась в дворянской семье (312).

Такие вставки часто употребляются автором, поскольку глагольные слова с общим значением называния способны обогащать их семантику за счет присоединения различных компонентов, содержащих дополнительные сведения, уточнения или иные подробности функционирования имен или географических понятий:

1) *Каким образом Джо (так его **звали** все) устроился диктором Иновещания – не знаю (236).*

2) *«Как дела, Влади?» – спросил он, назвав меня так, как **звали** меня в школе (410).*

3) *Нынешнему американцу трудно представить себе, какой фигурой для бейсбола тридцатых – сороковых годов был «ДиМадж», как его ласково называли (57).*

4) *...Поскольку он [Сахаров – К.Л.], как всегда, говорил прямо, не соблюдая никакой дипломатии, агрессивное большинство – именно так **называли** консервативную часть этой ассамблеи – начало хлопать (427).*

5) *Американские солдаты, дежурившие на переходе из Западного в Восточный Берлин, – на «чекпойнт Чарли», как они его **называли**, – внушали мне страх: они теперь были не наши (как?)... (118).*

В приведенных предложениях одни подчеркнутые компоненты очерчивают круг тех, кто именно так, а не иначе называл лицо или географическое понятие (1, 5), другие – указывают на обстоятельства места (2), образа действия (3), третьи – выражают объект части, получивший то или иное название (4).

Редкие имена неизвестных лиц или мало знакомых географических понятий, включенные вставку, придают публицистической прозе характер особой достоверности и вместе с тем художественной изобразительности, сближающей мемуарную публицистику с художественной литературой:

1) *Один такой мальчик, **звали** его Клаус, иногда заходил к нам домой за своей девушкой – дочерью нашей уборщицы фрау Херты (101).*

2) *Когда я вспоминаю эти времена, до меня доносится голос мамы Бараш (ее обычно **называли** «мадам Рита»)...* (35).

3) *Школа имени первого губернатора Нью-Йорка (в то давнее время город **назывался** Нью-Амстердамом) голландца Питера Стайвесанта была и остается в числе лучших в Америке* (48).

В (1) вставочная дефинитивная конструкция имеет форму сказуемого, указывающего на круг неопределенных лиц, называющих персонаж, в (2) – к этому значению присоединяется обстоятельство традиционности использования имени, в (3) обстоятельство, актуализирующее время его использования.

Если автор не вполне уверен в точности воспроизведения какого-то наименования, он дает ему субъективно-модальную характеристику, выражающую неабсолютную степень его достоверности. Вставочная конструкция в таких случаях становится оптимальным способом назвать имя собственное, позволяя включить в свои границы вводный компонент:

*Еще один пример, дорогой моему сердцу. Был один офицер-пограничник – кажется, **звали** его Вадимом, – который решил выучить меня русскому языку* (112).

От вставочной конструкции автор вынужден отказаться тогда, когда называть приходится местоименный компонент, который, как известно, плохо сочетается с атрибутивно-пояснительными непредикативными и полупредикативными структурами. Восполнение дейксиса зависимой предикацией является в этих случаях наиболее целесообразным, если не единственным способом передачи информативного смысла названия, при этом прагматически точным. Он подчеркивает значимость наименования благодаря редупликации его позиции (дейксис в главной части плюс название в придаточной части) и удвоения семы названия в придаточной части (глагол со значением наименования и собственно название):

1) *В 1979 году, после двадцати семи лет пребывания в рядах тех, кого в СССР называли «невъездными», я оказался в парижской квартире тети Тото... (34).*

2) *Когда я вернулся в город после тридцативосьмилетнего перерыва, мне в глаза бросились именно рост и внешность тех, кого нежно называли «гордостью Нью-Йорка»: среди них появилось множество невысоких, смуглолицых, «черных» и – да, даже женщины попадались (40).*

3) *Между ними установились отношения, которые по Фрейду назывались бы «любовь/ненависть», но не имели даже оттенка отношений между мужчиной и женщиной (197).*

Помимо названия, придаточные части в приведенных примерах указывают на место, где оно употребляется, что очень важно для представления о правах человека в СССР (1), на обстоятельство образа действия, сообщающее важную информацию о стремительной демократизации американского общества (2). В (3) придаточное называет наименование чувства и его автора в конъюнктивном наклонении, что дает возможность завершить информацию противительной-уступительной частью, передающей сложность описываемых гендерных отношений.

Иногда распространяемый компонент главной части является конструктивно факультативной, но модально значимой темой СПП:

Факт, что Маршак не любил Михалкова, называл его «севрюжьей мордой» и «гимнюком» (318).

Обобщенное существительное *факт* подчеркивает особую степень достоверности содержания придаточной части, являясь своеобразным дейксисом, «эквивалентным целой пропозиции» [Караулов1981, 339].

Важность информации названия может быть выражена и предикативной частью БСП, устанавливающей определенные семантические отношения с предыдущей предикативной частью (чаще это уточнение, конкретизация):

... *Образ Сталина как в СМИ, так и в школьных пособиях стал «очищаться» от темных красок: он вновь **назывался** вдохновителем победы в Великой Отечественной войне... (65).*

Называние, передаваемое главной частью, как правило, соответствует конструктивной иерархии предикаций в границах СПП и является семантически значимым:

*Как я уже писал, мы, работники Иновещания, шутя, но вполне справедливо, **называли** свое учреждение «могилой неизвестного солдата»... (327).*

Метафорическое наименование является информационным центром приведенного сложного синтаксического целого с темой 'засекреченности работников Иновещания'. Оно включается модальным компонентом в форме придаточного предложения. Далее следует пояснение, в котором метафора мотивируется ее полным соответствием положению «работников»: их «не знал никто» в СССР и за границей знала «небольшая аудитория». Они становились известными, популярными только при переходе на Всесоюзное радио или на Центральное телевидение (327), то есть только в случае их рассекречивания.

Если СПП имеет фразеологическую структуру, то трудно определить иерархию его частей и соответственно градацию их семантической значимости:

*Не будь это работа [картина «Леда и Лебедь» – К.Л.] гения, ее можно было бы **назвать** порнографией (127).*

Дефиниция, оформленная в виде самостоятельного предложения, обычно тоже содержит особо важную информацию:

1) ... *Их [эмигрантов либо их детей – К.Л.] **называли** «реэмигрантами» и относились к ним с подозрением (95).*

2) *Я стоял около двери редакционной комнаты, когда заметил идущую в мою сторону женщину <...>. Я видел только ее. <...> Я помню ее платье <...>. Думаю, что я остолбенел и имел весьма глупый вид <...>.*

Такой она запечатлелась в моем сознании, или подсознании. <...> Оказалось, она работает там с самого первого дня. Оказалось, что и она расходится с мужем. Оказалось, что и ей нужна родная душа. <...>. Звали ее Катей. Екатериной Михайловной Орловой (290).

В (1) закавыченное имя включает и отца В. Познера. В (2) речь идет о второй (в описываемой ситуации будущей) жене писателя. Ее имя сообщается в последнем абзаце сложного целого, представленного тремя абзацами. В двух первых – описываемое лицо выражается либо личным существительным женского рода с обобщенным значением (*женщина*), либо личным местоимением третьего лица. Отсутствие имени лица в экспрессивно-оценочном повествовании, передающем сильное о нем впечатление, формирует фигуру отстранения – в результате читателя готовят к восприятию неординарной и очень важной для автора личности, скрытой в криптограмме текста. Особенно экспрессивно выстроен второй абзац с лексическим повтором, вводящим значимое содержание, нарушающее хронологию информации всего построения, поскольку только в третьем абзаце, состоящем из одного предложения, дается неполное имя женщины, а дальше в форме парцеллированного определения-приложения сообщается ее полное имя, отчество и фамилия. Понятно, что вначале В. Познер узнал имя женщины, а потом место ее работы, семейное положение и душевное состояние. Такой синтаксический прием создает интригу названия, сигнализируя особую значимость имени для автора. Все сложное целое передает пронзительность сложного чувства сохраненной в памяти любви к описываемой женщине, а в контексте всей книги, возможно, и вины перед ней – Е.М. Орлова, как известно, не стала последней женой В. Познера. Тем более впечатляет итоговое дефинитивное предложение, которое передает непреходящую нежность автора к обладательнице этого имени, а парцеллированное приложение – чувство глубокого уважения и благодарности по отношению к ней. Организация всего ССЦ, состоящего из трех абзацев, показывает,

насколько уникальное и важное место названный двумя вариантами имени человек занимал в жизни В. Познера.

Оформляются отдельными предложениями сообщения о наименованиях особо важных событий, фактов, явлений:

1) *Немцы называли эту войну Sitzkrieg [“сидячая” война – К.Л.], французы – la drole de guerre [смешная война – К.Л.], англичане же со своей прямой обозвали ее the phoney war [странная война – К.Л.] (29).*

2) *...Появились первые не зависящие ни от партии, ни от власти организации и ассоциации. Их быстро называли «неформалами» (за неимением ничего более подходящего) (385).*

Вспоминая о войне, В. Познер пишет, что в памяти о ней сохранилось мало, поскольку во Франции, где он жил, военных действий не было, как не было и человеческих потерь. Заканчиваются воспоминания отдельным оценочно-итоговым предложением (1), которое как нельзя лучше определяет характер Второй мировой войны в странах Западной Европы – союзницах СССР. В предикативных составах актуализируются оценочные компоненты, обладающие основной информативной значимостью. В (2) речь идет о «неформалах», и в соответствии с их ролью в политическом процессе страны наименование дается отдельным предложением, подчеркивающим важность появления независимых от партии организаций, деятельность которых имела в будущем очевидные результаты. Не являясь «политическими», но имея «свои политические платформы», «они высказывались публично по большому кругу вопросов» и «продемонстрировали <...> силу» на Выборах в Верховный Совет СССР 1989 года.

Если сравнить вставочные конструкции, называющие имя того или иного персонажа книги, с другими синтаксическими единицами, выполняющими ту же функцию, то можно заметить, что писатель, как правило, избегает вставок, когда речь идет о полном имени человека. Например:

Через несколько лет после выхода книги я разговаривал со старшей сестрой отца, Еленой Александровной Вильга <...>, которая горячо доказывала мне, что никаких выкrestов в семье не было. Лёля – так звали ее близкие – была совершеннейшей атеисткой... (11).

В приведенном сложном синтаксическом целом это особенно наглядно: полное имя сестры отца автор передает в виде определения-приложения, то есть в границах конструктивного состава предложения, а неполное, занимающее позицию подлежащего, оценивает как принятое в кругу семьи вставкой.

Имена всем известных лиц обычно называются в границах конструктивного состава предложения, в форме определения-приложения:

*При новом патриархе – **Кирилле** – РПЦ еще более агрессивна в своем стремлении «рулить» процессом образования в России... (17).*

Прозвища людей с точки зрения границ их источника определяются вставкой:

*... В отличие от «Джо-полдюжины пива», как в Америке **прозвали** рядового человека, у них есть деньги, большие деньги (74).*

*В 1936 году Папашка, как **прозвали** Гордона, вернулся в Советский Союз (20).*

Когда для большинства потенциальных читателей имя не связано с реальным лицом, автор прибегает к форме несогласованного определения, что вполне естественно, поскольку атрибут оказывается в таких случаях единственным опознавательным признаком персонажа повествования:

*Однажды странствующий рыцарь **по имени Ланцелот** оказывается в незнакомой стране (308).*

*В романе Гарриет Бичер-Стоу «Хижина Дяди Тома» есть маленькая чернокожая девочка **по имени Топси** (448).*

Конструкция названия, особенно оценочная, совмещающая в себе свойства вставки и приложения, актуализирует свою особую значимость:

*Писатели – «**разгребатели грязи**» – появились именно в Америке (229).*

Возможно, предпочтительно здесь приложение, поскольку характеристика дана не писателям вообще, а их определенному кругу, поэтому между субъектом и именем, выделенным тире, существуют атрибутивно-ограничительные отношения – впрочем, вставка, как известно, может выражать любую семантику по отношению к конструктивной части предложения.

Рассмотрение дефинитивных конструкций показало, что выбор каждой из них четко детерминирован прагматической установкой текста. Они конкретизируют воспоминания, делают их нетривиальными, расставляют приоритеты автора, обнаруживают его отношение к носителям имен, обеспечивают его максимальное присутствие в тексте, придавая объективность повествованию.

2.7. Прагматическая значимость вставок

Исследователи «экспрессивного синтаксиса» (Г.Н. Акимова, И.В. Голубева, Е.А. Иванчикова, Ю.М. Скребнев, А.П. Сковородников, и др.) обращают внимание на прагматические возможности вставки. Она признается одной из ведущих конструкций, обеспечивающих возможность субъективного выражения адресанта к содержанию или адресату речи [Голубева, 2012, 195], «сообщения дополнительных сведений», «усиления их информативной и экспрессивной значимости» [Голубева, 2001, 101].

В ряду осложняющих простое предложение синтаксических единиц (вводных компонентов, обращений, однородных и обособленных членов предложения) в тексте книги В. Познера вставкам принадлежит лидирующая позиция по частотности употребления (30,4%). В его книге они многофункциональны. Иногда вставка оказывается для читателя не дополнительным, а основным содержанием высказывания. Так, семантическое содержание конструктивного состава предложения о том, что тетя автора «была совершеннейшей атеисткой» и «продолжала отрицать существование бога», важно в меньшей степени, чем информация вставки, где

В. Познер объясняет строчную букву имени Бог собственным атеизмом (11). Вставка передает модальное отношение автора к содержанию предложения. Тот факт, что все та же тетя «никогда не стеснялась своего еврейства», снабжается парантезом «(в отличие от своей младшей сестры Виктории и моего отца)» (11), что информирует, в частности, о гордости автора за позицию сестры, не стесняющейся еврейства. Отмечая очереди за газетой «Московские новости» и журнала «Огонек», интерес зрителей к ряду телевизионных программ, автор пишет о превращении журналистов «в рыцарей на белом коне, в эдаких крестоносцев Правды», включая в интерпозицию вставку со значением источника сообщения «в глазах публики» (299). Собирательное существительное *публика* в контексте и в границах несвободного словосочетания *в глазах публики* – «в чем-либо представлении; по мнению кого-то» [ФСРЯ, 1967, 106] – актуализирует первое значение: «лица, находящиеся где-либо в качестве зрителей, слушателей, посетителей» [БАС,7, 1646]. Импликация не очень авторитетного источника формирует иронию высокой оценки СМИ.

Вставки позволяют автору, рассказывая о прошлом России, дать характеристику настоящему моменту, тому, в который читатель открывает книгу «Прощание с иллюзиями». Информацию об отсутствии в прошлом журналистов, у которых «не было понимания» соотношения свободы и ответственности, он снабжает вставкой «(позволю себе добавить: и нет)», а мысль о том, что «для них свобода слова заключалась» в желании «говорить, что хочется» имеет лаконичный парантез в плане реального настоящего – «и заключается» (299). Временная перспектива содержания текста таким способом трансформируется из плана прошлого в план настоящего, а это значит, что *прощание с иллюзиями* продолжается.

Вставки могут классифицироваться на разных основаниях. Их функционально-семантическая типология в наибольшей степени отвечает задачам предпринятого в данной работе исследования текста с широким ассоциативным фоном, включенным как параллельное основному

содержанию повествование. Книга «Прощание с иллюзиями» подтверждает мысль О.В. Александровой о «текстосвязующей функции парантетических внесений», о том, что «характер их синтаксической связи, предикативности и модальности часто обуславливают экспрессивность высказывания как в научном регистре, так и особенно в художественной литературе» [Александрова, 1984, 184]. Вставка, в силу ее мобильности, является одной из самых востребованных дополнительных синтаксических единиц, а ее разговорное происхождение придает повествованию живость, позволяет компрессировать информацию об огромной эпохе – иногда не одной. Автор книги является не только свидетелем, но и активным участником многих описываемых им событий. Его биография причудливо переплелась с событиями в мире, соединив страны, времена, судьбы публицистическим талантом, в том числе мастерским использованием вставки для решения непростой прагматической задачи – дать описание своей жизни в границах широчайшего эпического формата и при этом не потеряться в нем.

2.7.1. Структурные особенности вставок

Функцию вставки, как известно, выполняют различные по структуре компоненты: такие, которые иначе, как в виде парантезы, не встраиваются в предложение, и такие, которые имеют аналоги среди других единиц. Все разновидности вставки представлены в тексте книги «Прощание с иллюзиями». К структурным особенностям употребления В. Познером вставки можно отнести его стремление максимально усложнить ее, сделать ее содержание семантически и модально емким. В роли парантез употребляются сложные и осложненные предложения с четко расставленными модальными акцентами, усиливающими позицию говорящего лица, выражая его отношение к содержанию как вставки, так и всего высказывания в целом. Типичным средством выражения модальности является главная часть вставочного аналога СПП, подключающая изъяснительную часть. Модальная часть, называя источник информации, степень достоверности и другие

субъективные значения, делает содержание вставки информативно насыщенным и модально сложным. Таким способом всем фрагментам предложения, включая его дополнительные синтаксические части, сообщается градация по степени достоверности выражаемого ими содержания.

К ряду оригинальных по структуре типов вставок следует отнести такие, которые, помимо пунктуации, определяются, вводятся автором модальным компонентом, что более типично и иногда, возможно, необходимо, для устной речи:

1) *Моим редактором должна была стать некая Энн Годофф (замечу в скобках, что это издательство хотя и не числится среди крупнейших, имеет очень высокую репутацию в литературных кругах – я это знал; чего я не знал, так это того, что Годофф считалась – да и считается – одним из самых знающих и сильных литературных редакторов США. Ныне она возглавляет издательство Penguin Books)* (6).

2) *Время от времени он [Брайн – К.Л.] приезжал в страну, поначалу представлявшуюся ему мечтой человечества, но и потом, когда его постигло разочарование (замечу в скобках, это случилось со множеством подобных людей, уверовавших в свое время в Советский Союз), он не терял с ней связи* (5).

3) *Кроме того, он [вокзал – К.Л.] необыкновенно удобен для всех посетителей и пассажиров (замечу в скобках, что по части создания удобств американцы абсолютные чемпионы мира, ни в одной стране ничего подобного нет)...* (422).

4) *Они [двое ребят – К.Л.] были больше меня и, как я позже узнал, жили в небольшом ирландском католическом анклав. (Замечу в скобках, что в те годы остров Манхэттен, то есть самый центр Нью-Йорка, состоял из десятков таких анклавов, в которых иммигранты из тех или иных стран, тяготая к «своим», особенно на первых порах, пока встраивались в новую жизнь, жили рядом. По мере ассимиляции иммигрантов многие из этих*

анклавов со временем исчезли.) Один из ребят схватил меня за плечо и спросил: – Ты еврей? (39).

Словесная идентификация вставки подчеркивает ее семантическую значимость. Без вставки в (1) редактор книги В. Познера так и воспринималась бы как *некая Энн Годофф* – между тем высокая оценка ее профессионализма и престижа издательства, где она работала, содержит сведения, небезразличные также для понимания статуса самого автора книги, уже признанного журналиста в США. В (2) не так уж важны сведения о разочаровании в СССР как *мечте человечества* одного человека по имени Брайн, которого вряд ли знает русский читатель, как важно то, что это же чувство постигло многих. Рассказ об удобствах вокзала в Нью-Йорке в (3) вряд ли представляет новую информацию для русского читателя, который имеет представление о качестве услуг за рубежом, но то, что в этом преуспели именно американцы, является новым для него знанием. Не менее важную информацию, чем конструктивный состав предложения, содержит и вставка в (4). Она хронологически детерминирует освещение событий, осуществляя четкое деление отношения к иммигрантам в США на начальный период их пребывания в стране, характеризуемый неизбежными конфликтами на разной почве, и последующий, отмеченный естественной их адаптацией в новом гражданском обществе.

Структура вставки в виде бессоюзного сложного предложения позволяет выделить первый модальный компонент, и второй, собственно информативный:

Я даже не могу себе представить, что думал и чувствовал Маршак, когда развязали кампанию против «безродных космополитов» (читай: евреев), расстреляли всю головку Еврейского антифашистского комитета, затеяли дело врачей... (196).

Назначение модальной части с этикетным значением состоит в смягчении резкости содержания второй части.

Принадлежность содержания вставки исключительно говорящему лицу иногда дважды грамматически эксплицируется модальным компонентом, придавая ее содержанию особую эксклюзивность:

*Из-за обилия свободного времени я попросил разрешения у руководителя советской делегации Александра Каверзнева поехать на два-три дня в Будапешт. (Каверзнев был, **на мой взгляд**, самым талантливым среди политических обозревателей Гостелерадио, **по-моему**, он прекрасно понимал реальное положение вещей и оттого пил. Запойно.) Он отпустил меня (337).*

На источник оценки указывает модальное словосочетание с притяжательным местоимением и модальное слово наречного происхождения.

Модальный компонент может выражать причастность говорящего лица к содержанию вставки посредством включения его в обобщенное лицо:

*РПЦ быстро приспособилась к новым временам, например, к рыночным условиям – **надо сказать**, весьма диким – новой России (7).*

Безличный глагольно-модальный компонент во вставке имеет имплицированную позицию обобщенно-семантического субъекта (*мне, нам*), не эксплицируя значение причастности говорящего лица к информации, подавая ее как обобщенную – автор плюс все те, кто вполне способен поддержать его оценку.

Вводный компонент может иметь глагольную форму обращения к собеседнику, устанавливая связь с обобщенно-собирательным собеседником, адресатом:

*Медведев сообщал Бовину том, что Бочаров – активный участник «Памяти», в прошлом он пытался завербовать его, Медведева, в члены этой организации, для чего изложил диссиденту подлинные цели «Памяти»: реставрация царизма в России, «чистка» русской нации, изгнание всех «неверных» (**читай** – «евреев») и тому подобное (384).*

Модально-глагольный императив, занимающий позицию начала вставки, подчеркивает важность уточняемой ею информации, привлекая внимание читателей к содержанию всего предложения.

Вводный компонент со значением степени достоверности содержания вставки выполняет те же семантические функции, что и в предложении:

- 1) ... *Сидит немецкий офицер (**видимо**, ариец-демократ)* (33).
- 2) *Он был избран единогласно (**правда**, тогда правом голоса обладали далеко не все люди) не только на первый свой президентский срок, но и на второй* (180).
- 3) *Наконец – и, **возможно**, это было главное – я обсуждал книги, не доступные рядовому читателю...* (215).
- 4) ... *Выборы настолько не приемлемые, что общество восстало – не все общество, **конечно**, но значительная его часть* (478).
- 5) *Это [Иосиф Давыдович – К.Л.] был человек среднего роста и необычайной худобы (не телосложение, а теловычитание – **так однажды сострил один мой приятель...*** (165).

Модальность гипотетичности в (1), уступки в (2), возможности в (3), уверенности в (4), указание на источник информации в (5).

Те выводы и оценки, которые автор считает только своими, оригинальными, сигнализируются вставкой с модальным значением принадлежности содержания предложения исключительно говорящему лицу, которое подчеркнуто дейксисом:

*Главное – и в этом **я** абсолютно убежден – это сделали без чьей-либо помощи, одни* (441).

Вставка имеет структурный вариант, не меняющий ее содержания, но теряющий акцент его принадлежности говорящему лицу: *абсолютно убежден*. Кроме того, функция выделенного знаком «тире» компонента обычно квалифицируется как вводная. Поэтому позиция вставки здесь сигнализируется исключительно пунктуацией, в семантическом же плане компонент максимально сближается с вводным предложением, указывающим на источник мысли. В предтексте приведенного предложения повествуется о стремительных «успехах послевоенного восстановления», о его «неслыханных результатах», стоивших, однако, невиданных жертв (441).

Поэтому, находясь в постпозиции к изложенному тексту, пунктуационный знак делает очень существенный модальный акцент для понимания вывода, сообщающего о невиданном патриотическом энтузиазме народа, детерминированном его осознанием самостоятельности победы.

Вставки, имеющие аналоги среди других синтаксических единиц, легко в них трансформируются, но в этом случае смещается модальная перспектива высказывания в целом:

...Не было еще социальных сетей <...>, не было и Интернета, никаких блогов, чатов и прочих прелестей, приведших к тому (и это проверено), что люди, в особенности молодые, перестали читать (12-13).

Скобочный компонент не только подчеркивает истинность предыдущей информации, но трансформируется и на последнюю часть, в силу ее подчинения предыдущей предикации и семантического включения в нее. Трансформация вставки в присоединительную часть второго блока БСП, нарушила бы прагматику текста: он потерял бы точность, убедительность и наглядность в иерархическом соотношении частей всей сложной синтаксической конструкции. Именно позиция вставки перед последней предикативной частью способствует тому, что и она оказывается охваченной ее содержанием.

Вставки, по форме совпадающие с придаточными определительными, развивают различные модальные оттенки предложения:

1) *Она [Клер – К.Л.] жила в нашем доме в Нью-Йорке со своей дочерью Андрэ (отец которой сбежал еще до ее рождения), где-то работала секретаршей, вечно боялась чего-то и дрожала над Андрэ, умело этим пользовавшейся (14).*

2) *Настоящая иллюстрация к русским словам из «Интернационала» (которых нет во французском оригинале) – «кто был ничем, тот станет всем» (374).*

3) *Они [миллионы русских крестьян – К.Л.] мечтали не о демократии (о которой и представления не имели), они мечтали о том, чтобы вернуться к своим домам и женам (390).*

В (1) вставка является объединяющей основой всех частей предложения, мотивируя их семантику, – замена вставки придаточным определительным лишила бы эту смысловую связь наглядности; в (2) такая замена разрушила бы наглядность иерархической значимости предикативных частей, важной для понимания целого; в (3) вставочное оформление информации подчеркивает модальность неуместности даже отрицательного предикативного отношения в условиях незнакомой большинству темы, делающей бессмысленной и рему, параллелизм предикаций с лексическим повтором усиливает иронию по отношению к описываемому моменту.

В четкой системе доказательного повествования значительное место занимают различные каузальные предикации, оформленные в виде вставок:

Но суд этот – если он и был – почему-то проводился без публики, без газетных заголовков, без криков типа «собаке собачья смерть», в отличие от знаменитых процессов 1936–1938 годов (369).

Авторская модальность подчеркнута трехкратным повтором обстоятельства ситуации с предлогом «без», который подчеркивают сомнительность того, что церемониал суда над убийцей Кирова имел место в действительности.

Вставки могут иметь значение уступки, называющей причину, которая могла бы помешать следствию, но не помешала:

Когда американцы пеняют Советскому Союзу по поводу его недостатков и грехов, они неизменно говорят и об отсутствии свободы вероисповедания. Я не стану возражать – не потому, что они правы (хотя свободы вероисповедания в СССР существенно больше, чем это представляют себе почти все американцы), а потому, что им, американцам, следовало бы хорошенько подумать прежде, чем отдаться столь характерному для них делу... (406).

Благодаря вставке акцентируется каузальная (причинная) связь в границах сложной синтаксической конструкции и наглядно, посредством заключения в скобки репрезентируется уступка, передающая типичную аберрацию американцев по поводу положения дел в Советском Союзе.

Вставка может иметь форму целевой придаточной части:

Но поскольку монтаж одной делался в Нью-Йорке, а другой – в Москве и, кроме того, хронометраж американской версии – не больше сорока шести минут (чтобы вписаться в традиционные временные рамки «Донахью»), а под эфир советской дали полтора часа, программы в итоге сильно отличались (373).

Скобки выделяют ту часть информации, которая подчеркивает главную трудность *монтажа* в условиях идентификации двух, имеющих различный хронометраж программ.

Вставочные конструкции в тексте книги могут быть выражены и конструктивно-смысловыми частями предложения – любыми членами предложения, в том числе и обособленными:

1) *Потом я повторил этот [сидение на задних местах, среди «черных» – К.Л.] опыт, и в результате меня выкинули из автобуса (стоявшего, к счастью) (78).*

2) *...Когда он [Картер – К.Л.] выиграл гонку, я предсказал серьезное ухудшение этих [советско-американских – К.Л.] отношений (выступая 5 ноября 1980 года в программе «Ночная линия»). Как показало время, я не ошибся (358).*

В (1) заключение обособленного определения с вводным словом в скобки скобочное придает информации определенную долю иронии. Находясь в позиции вставки, процессуальный признак с модальным компонентом соотносится со всем сообщением, а не только с определяемым, выразительно сообщая о том, что могло бы случиться при его отсутствии. В (2) вставочный деепричастный оборот позволяет, с одной стороны, более четко представить

предикативный признак, поскольку он не осложнен второстепенным действием, с другой – подчеркнуть время и место важного предсказания.

Вставки в границах одного предложения могут семантически взаимодействовать между собой, создавая особый модальный подтекст высказывания:

Реклама на редкость глупая, оскорбительная для русских женщин (они это как-нибудь переживут), оскорбительная для американок, поскольку исходит из того, что они все дуры (они-то смогут это пережить?)... (380).

Речь идет о карикатурно-унизительном изображении русской женщины на плакате в виде огромной «бабищи» в военных сапогах и форме, толстых очках в стальной оправе и без макияжа. Она выдается за топ-модель на показе мод, якобы происходящем в Москве. Две парантезы в границах предложения вступают в антонимичные отношения, которые формируют развернутую антитезу. Состояние одних лиц дано в режиме реального потенциального позитива, других – риторического негатива. В целом реализована типизация недалёковидности средств массовой информации США, сатирически гипертрофирующих те или иные стороны жизни в Советском Союзе, множащих ложь трансляцией небылиц.

Выразительность двух вставок в границах одного предложения может подчеркиваться параллелизмом их построения:

1) *Присмотритесь к фотографиям. Клер похожа на свою мать. Эрик и Кристиан очень похожи друг на друга (оба блондины с вьющимися волосами, голубоглазые), и Жеральдин похожа с Жаклин – обе русые с карими глазами (27).*

2) *Способы наказания могут быть самыми разными – от грубых и жестоких (тюрьма, лагерь, казнь) до вполне утонченных (лишение работы, остракизм) (326).*

В (1) параллелизм двух парантез усиливается контекстуальной антонимией, в (2) конкретизацией градационных точек одной тематической парадигмы.

Значимость содержания вставок подтверждается тем, что, даже находясь в различных предикативных частях, они модально взаимодействуют:

1) *Было же время – я застал его – когда все та же публика и в самом деле верила, что «наши туфли – во!» – и не только туфли (441-442).*

2) *Целые поколения американцев выросли в уверенности, что автомобиль – американское изобретение (хотя на самом деле эта честь принадлежит Германии) и что американские автомобили не имеют себе равных в мире (когда-то это было правдой) .... (320-321)*

В (1) первая вставка обнаруживает присутствие автора в том времени, о котором он пишет, подчеркивает, что все, о чем идет речь, зафиксировано его глазами, поэтому аберрация в оценке туфель, трансформируясь во второй вставке на большинство советских товаров легкой промышленности и получая таким способом обобщенное итоговое значение, выглядит особенно достоверно. В (2) первая вставка с уступительным значением, оценивающим содержание конструктивного состава предложения как ложное, связана с планом настоящего, вторая – со значением подчеркнутой достоверности информации, но в далеком прошлом. Находясь в однородных по структуре и семантике придаточных частях, вставки создают модально-временную несовместимость содержания придаточных частей, формирующую ироничное отношение к амбициям американцев, живущих вчерашним днем.

Предложение может иметь несколько вставок:

1) *Но скорее всего [любил – К.Л.] за то, что она [Мидж – К.Л.] никогда не шугала меня (как ее сестра), не орала (что часто делала ее мама Марджори) и не пугала (как Стеллан) (23).*

2) *Я и сейчас вижу его [лицо – К.Л.]: совершенно серые глаза (слишком широко расставленные), высокие скулы (слишком высокие), маленький чуть приплюснутый нос (слишком маленький), большой рот (слишком большой – очень пухлые губы, причем верхняя губа шла одной сплошной линией, словно арка, без углубления), решительный подбородок (немного тяжеловатый) и голова, увенчанная короной каштановых волос*

(слишком вьющихся), посаженная на шею, ради которой Модильяни продал бы душу дьяволу (148).

Соположение нескольких вставок подчеркивает характер воспоминаний, связанный с исключительно личными впечатлениями автора, вызывающими много ассоциативных мыслей и чувств. В (1) вставки входят в состав мотивации отношения к лицу, у которого нет отрицательных свойств, имеющихся у других, – с ними тоже знакомится читатель. В (2) они передают пронзительность не стершихся в памяти в течение десятков лет детали портрета, которые свидетельствуют о неизгладимости его впечатления на автора, потому что в нем всего прекрасного для художника слишком много, чтобы можно было его забыть.

Для логически последовательного повествования книги характерна модальность предположительности, которая может усиливаться за счет включения в условные придаточные части вставок:

1) *Если верить Кристиан – а не верить ей у меня нет ни малейшего повода, – тайна получается двойная: в добропорядочную французскую семью проник еврей <...> да еще родился ребенок от внебрачной связи – моя мама (28).*

2) *Возможно, Сталин – величайший преступник в истории человечества. Но если это правда – в чем я не сомневаюсь, – то почему же тридцать пять лет спустя после его смерти, после бесчисленных разоблачений его поступков такое количество людей в Советском Союзе с гордостью называют себя сталинистами? (184).*

3) *Если ты поддерживаешь страну, которая (хотя бы теоретически) основана на принципах, которые тебе дороги, и стремится (по крайней мере на словах) создать такое общество, о котором ты мечтаешь, ты склонен оправдывать почти любые ее действия (320).*

В (1) препозитивная придаточная часть является модальной кулисой, источником сообщения, истинность которого условна, но вставкой переводится в абсолютную уверенность, усиливающую достоверность

информации. В (2) условная придаточная часть второго предложения допускает истинность оценки, данной в предыдущем предложении, – вставка трансформирует эту модальность в несомненность ее наличия с точки зрения говорящего лица. В (3) составные части сложного по строению детерминанта включают вставки, вносящие дополнительные уступительные ограничения в предикативные признаки, – в результате утверждается возможность наличия *принципов основания страны только теоретически и перспектива создать общество только на словах*.

2.7.2. Семантические особенности вставок

Можно выделить основные семантические типы вставок.

1. Совмещение в одном высказывании двух временных эпох – одна из самых востребованных их функций в публицистике В. Познера. Это связано с установкой автора снабдить книгу комментарием, отражающим эволюцию его взглядов во времени, «эдакое хождение взад-вперед во времени» (3), по его остроумному выражению. Вставка позволяет совместить времена в одном предложении и дать емкую, стереоскопичную, законченную картину тому, о чем идет речь:

1) *Этот город [Нью-Йорк – К.Л] был – и в определенном смысле остается – моим городом (55).*

2) *Книжку я прочитал с огромным удовольствием (я и сегодня считаю, что это великий роман), но я все спрашивал себя: а кто же такой этот Джон Донн? (190).*

3) *К последним [кто терпеть не мог В. Познера – К.Л] относился (и относится) известный консервативный обозреватель Джордж Уилл, который чуть с ума не сошел, когда Тед Копелл, ведущий программы «Ночная линия», позволил себе назвать меня коллегой (327).*

4) *Я до сих пор не понимаю, что двигало Каревым в тот момент. Но прекрасно знаю, что Гелий Алексеевич был совершенно чужд антисемитизма. <...> Когда я впервые вышел с ней [ежедневной рубрикой –*

К.Л.] в радиоэфир, занялся настоящей пиар-кампанией в мою пользу (тогда в СССР не существовало понятия «пиар», но именно это делал Гелий Алексеевич) (327).

Вставки в (1) расходятся с временным планом предложения и позволяют воспринимать действия имперфектных глаголов предтекста как связанные с моментом речи. Коннотация предложения усиливается за счет семантико-синонимической редупликации предикатов (*обожал – продолжаю любить; был моим городом – остается моим городом*). В (2) отнесенность предиката предложения и вставки к одной семантической группе дает представление о постоянстве конкретного читательского пристрастия автора. В (3) лексическая редупликация предиката в плане прошедшего и настоящего подчеркивает неизменность человеческого зла. В (4) предикаты первых двух предложений (*не понимаю, знаю*) приурочивают авторскую оценку событий прошлого к плану настоящего. Вставка, сравнивая определенные явления двух временных эпох, подчеркивая исключительное влияние отдельных лиц на судьбу журналиста, дает возможность понять, как начиналась его деятельность в Советском Союзе.

Вставка дает возможность противопоставить различные временные эпохи по возможности людей реализоваться в профессии:

Так [в конных отрядах Котовского – К.Л.] началась военная карьера мальчика [Иосифа Сладкевича – К.Л.] из еврейского местечка, не просто ставшего впоследствии офицером (что было бы невозможно в царское время), но дослужившегося до звания генерала-лейтенанта и командующего танковым корпусом (442).

В предложении может сталкиваться временной план предложения, выраженного аористичным значением прошедшего, не связанным с моментом речи, с прошедшим имперфектным значением вставки, осуществляющим связь с настоящим, что делает размышления автора особо актуальными:

Такое впечатление, что никакого Советского Союза с его «дружбой народов» и не было (а была ли она, это дружба?) и все вернулось к царской

империи с ее черными сотнями, союзами Михаила Архангела и прочими прелестями (43-44).

Отрицательная риторика вставочной предикации усиливает негативизм первой придаточной части, делает наглядным содержание второй, очень пессимистичной в своей оценке части, подвергая сомнению наличие основы существования самого Советского Союза.

Вставка позволяет продлить временную перспективу сообщения, ограниченного планом прошлого, до момента речи:

1) *К счастью, я не узнал в подробностях, какова служба в советских Вооруженных силах, где, судя по всему, с самого начала пытались сломить человека, уничтожить его чувство собственного достоинства (какое может быть достоинство у одиноко торчащего перед всеми голого парня?), подавить в нем личность (151).*

2) *Что до социализма, то его и не было никогда в СССР (достаточно вспомнить привилегии для партийной и правительственной элиты и полное игнорирование основного посыла социализма – от каждого по возможностям, каждому по труду, – чтобы убедиться в этом) (183).*

Предложения имеют перфектное (1) и имперфектное (2) значения времени, не связанные с моментом речи, а вставки – настоящее (1) и будущее (2) неактуальное, выражают действия, возможные и в данный момент речи. В результате содержанию предложений в целом сообщается большая степень обобщения, типизирующая и приемы подавления личности (1), и масштаб привилегий для государственных служащих в нашей стране, несоразмерный с доходами обычных граждан (2).

Лексический повтор имперфектного сказуемого предложения, употребленного во вставке в плане настоящего времени способен подчеркнуть неизменность названного предикативного признака, что бы ни происходило:

Но в действительности Запад более всего страшился (и продолжает страшиться) именно этого: социализма с человеческим лицом (320).

Вставка в сочетании с вводным компонентом может способствовать пересечению не двух, а нескольких временных планов:

Я знал его [влюбленного в маму В. Познера – К.Л.], когда мы жили в Америке, он приезжал к нам, когда мы жили в Берлине. Он всегда казался мне мягким, добрым и умным. Но этим, как я теперь понимаю, ничего не сказано, потому что он был (и есть) человек особый – в чем убедило меня его письмо (414).

Первое предложение сложного целого содержит имперфект, действие придаточной части соотносится с давнопрошедшим временем, вставка, включенное в нее, имеет имперфектное значение. Предикат второго предложения представлен аористом, третьего – имперфектом. Последнее предложение сложного целого, синтаксическое время которого определяется по главной части, имеет план настоящего актуального, придаточная часть выражает предикативный признак, предшествующий содержанию главной части, – первая вставка возвращает содержание в план настоящего актуального расширенного, вторая представлена перфектом, устанавливающим связь с моментом речи. В этом сложном переплетении различных периодов жизни, подчеркивающим редкое по времени постоянство чувства любви, роль вставки переоценить невозможно.

2. Для вставок типично значение уточнения, представленное в различных семантических разновидностях.

К одной из них относятся парантезы со значением мотивации:

Это второе поколение, поколение конформистов, ненавидит перестройку не потому, что она вынудила их усомниться в их идеалах, в их вере – у них никогда не было ни того, ни другого, – а потому, что она лишила их власти (447).

Пояснение идеологии *конформистов* позволяет сделать вывод об их более жесткой, чем у их предшественников, реакции на перестройку.

Заключение в скобки позволяет передать в доступной форме те сведения, которые не имеют аналогов в России и поэтому могут быть непоняты русским читателем:

1) ... Он [отец – К.Л.] весьма преуспел, служа в *Louis Incorporated*, дочерней компании кинокорпорации *MGM* (та, чьи фильмы начинаются с появления рычащей львиной головы) (48).

2) Но оставим меня, сидящего в лимузине и изо всех сил пытающегося увидеть первые признаки знаменитого нью-йоркского «скайлайна» (слово не очень поддается переводу, но в данном случае лучше всего подходит, на мой взгляд, «силуэт»)... (402).

3) Прежде всего работники *INS (Immigration and Naturalization Service – Служба иммиграции и натурализации)* не улыбаются (403).

4) ...Когда мы, миновав атлантический рукав, вошли в *Ист-Ривер* (Восточная река – так называется коварный и бурный участок воды, омывающий с одной стороны берега *Бронкса, Квинса и Бруклина*, а с другой – острова *Манхэттена*), <...> совсем стемнело (404).

5) Так *Филом Донахью* был изобретен <...> жанр *talk show* (ток-шоу) (363).

6) Сладость <...> в том, чтобы купить и съесть пару «френков со всеми делами» (так в *Нью-Йорке* – и только там – называют горячие сосиски, уложенные в белые продолговатые булочки с горчицей, жареным луком, кислой капустой, маринованными огурчиками и еще бог знает с чем) ... (421).

7) В те годы в городскую полицию *Нью-Йорка* не принимали никого ростом ниже шести футов (ста восьмидесяти двух сантиметров) (40).

В (1) вставкой дается четкое представление о месте работы отца. В (2) содержится перевод английской лексемы с указанием на его приблизительность. В (3) эксплицируется неизвестная большинству аббревиатура с переводом на русский язык, в (4) толкуется географическое понятие, в (5) определяется авторство всем известного английского слова, в

(6) подробно описывается традиционная американская еда, в (7) воспроизводится эквивалент мер двух языков.

Вставкой автор дает возможность читателю увидеть значительную экспрессивно-стилистическую разницу русского выражения и его семантического аналога в английском языке:

Много лет спустя Николас Данилофф, один из тех, кто был корреспондентом в те годы, в интервью телевизионной компании CBS рассказал о том, как я приходил к нему «поплакаться» (по-английски это выражение звучит гораздо более обидно: «To cry into your beer» – буквально «рыдать в собственное пиво») (278).

Уточняющая вставка может иметь дополнительное значение логического обоснования:

Это был совершенно конкретный способ учиться как арифметике (ведь надо было вести книги учета), так и обслуживанию клиента (46).

Семантическое взаимодействие вставок с конструктивным составом предложения способствует развитию дополнительных экспрессивных значений коммуникативной единицы в целом:

1) *Потребовались годы, понадобились другие бунты (так обычно называют революции, которые не удались) (429).*

2) *Он [Брежнев – К.Л.] поразил и оскорбил народ тем, что, получив золотую звезду Героя Социалистического Труда (в народе – «Гертруда»), он четырежды наградил себя золотой звездой Героя Советского Союза (таким образом обойдя маршала Георгия Константиновича Жукова) (185).*

3) *Его [Мамедова – К.Л.] отца расстреляли в 1949 году (с последующей полной реабилитацией), и он не мог не видеть того, что в самом деле происходит в стране (238).*

В контексте (1) языковые синонимы *бунты* – *революции* конструктивного состава предложения становятся контекстуальными антонимами благодаря вставке, имплицитно передавая модальность неприятия автором как бунтов, так революций. Вставки в (2), передавая иронию (первая) и

сарказм (вторая), дают современному читателю представление о том, насколько смешон и унизительно оскорбителен был для народа интеллектуальный и нравственный уровень главы СССР. В (3) соотношение содержания вставки и конструктивного состава предложения формирует печальную иронию автора по отношению к ставшему нормой цинизму информации об оправдательном вердикте уже расстрелянному человеку.

Конкретизирующее значение вставки позволяет, с одной стороны, акцентировать внимание на смысле предикативного отношения, с другой – наполнить его конкретным содержанием, сделать понятным:

Клер жгла свечу жизни с обоих концов сразу – мужчины, алкоголь, кокаин – и умерла, когда ей еще не было сорока лет (14).

Уточняющее значение может выражать вставка-перевод во вставке с характеризующим значением:

...Мы переехали на Восточную сорок восьмую улицу, между Третьей и Второй авеню. (Для тех, кто никогда не бывал на Манхэттене, небольшая справка: кроме самой южной, или нижней, части острова, где город зарождался в семнадцатом веке и где улицы беспорядочно бегут в разных направлениях, как в старых городах Европы, весь остальной Нью-Йорк разделен идущими с юга на север авеню (проспектами) и с востока на запад – стрит (улицами) <...>) (40-41).

Исчерпывающая информация о топонимике передается вставкой, раскрывающей содержание названий улиц, и вставкой-переводом английского топонима на русский язык. Описываемая картина приобретает такую живость и зримость, что хочется пройти по *Восточной сорок восьмой стрит*, где жил автор.

Уточняющая вставка может иметь и лаконичный, абсолютно добавочный характер и предназначаться, возможно, не для каждого читателя, а лишь для того, кто более подробно и заинтересованно относится к изображаемому предмету или лицу:

Впоследствии она держала фотомагазин на Невском (дом 66), и многие фотографии из этой книги обязаны ей своим появлением (5).

...Каким образом мог мой дед Александр Познер, еврей, учиться в Питере в престижном высшем учебном заведении (Институте инженеров путей сообщения), а потом состоять на царской службе – не понимаю (5).

... В Москве, вскоре после нашего приезда, в замечательнейшем букинистическом магазине иностранных книг на улице Герцена (ныне Большая Никитская), я набрел на американское издание романа [речь идет о романе Хемингуэя «По ком звонит колокол» – К.Л.] и впился в него, как клещ (190).

Естественно, что в публицистической автобиографической книге много уточнений, касающихся времени тех или иных событий, о которых рассказывает книга:

В то время – шел 1985 год – Фил Донахью находился на пике своей славы (362).

Помню, как однажды я спросил его (это было году в 1970-м), продолжает ли он верить в те идеалы, за которые так отчаянно воевал? (413).

Вставки со значением конкретизации раскрывают смысл абстрактных понятий:

Слепая вера – в Бога ли, в человека ли – и благородна, и трагична (184).

Знаком тире выделено представление автора о словосочетании *слепая вера*. Атрибутивно-объектное уточнение получает широкий смысл – *Бог* раскрывает смысл определения *слепая* и занимает позицию в однородном разделительном ряду с *человеком*, что типично для атеиста.

Вставки позволяют индивидуальный факт сделать общим, типичным, что совпадает с манерой письма В. Познера, стремящегося к доказательности, аргументированности, фактической достоверности:

1) *...Тайна получается двойная: в добропорядочную французскую семью проник еврей (вряд ли есть необходимость напоминать об уровне*

антисемитизма во Франции – и не только в начале прошлого века), да еще родился ребенок от внебрачной связи – моя мама (28).

2) *Я обожал Хемингуэя, особенно его рассказы, однако в то время еще не читал «По ком звонит колокол» (замечу, что этот роман долго не переводился на русский язык из-за того, что в нем Хем довольно жестко и безо всякой симпатии описал роль и действия коммунистов и, в частности, Михаила Кольцова, в испанской гражданской войне) (189-190).*

Семейная тайна одной французской семьи в (1), получая оценку в парантезе, отражает негативное явление, типизирует его проявление во времени, передает модальное отношение говорящего лица к обстоятельствам рождения близкого ему человека и имплицитно осуждает антисемитизма акцентом на его печальной живучести в современном мире. В (2) вставка уточняет и расширяет представление о том, какая литература не могла достичь советского читателя.

Информация приобретает большую силу обобщения, когда раздвигаются границы пространственно-географической локализации предикативного признака:

1) *Как мне кажется, невозможно понять изменения, произошедшие в Соединенных Штатах (да и все то, что происходило в Советском Союзе), не признав масштабов влияния холодной войны (418-419).*

2) *В определенном смысле и Соединенные Штаты, и Советский Союз – да и весь мир в той или иной степени – сформировались в результате политики холодной войны (418-419).*

3) *В Америке (и много еще где, но ограничусь одной страной) все те, кого изначально называли «баронами-грабителями», а потом «капитанами индустрии», такие титаны, как Рокфеллер, Дюпонт, Мак Кормак, Форд, Вандербильт и прочие – все они свои состояния заработали (464-465).*

В (1) предикативный признак противоположной социальной системы во вставке свидетельствует о единой основе изменений в мире, в (2) вставка подчеркивает всеобщий, тотальный характер причин становления

государственности, в (3) границы информации предложения расширяются вставкой до множества капиталистических стран, исключая Россию.

Вставка может вносить и определенные ограничения в действие предикативного признака предложения, которые могут касаться содержания его различных смысловых компонентов:

1) *Это первое знакомство с поэзией – в данном случае русской – возбудило мой аппетит и подготовило меня к встрече с поэзией английской...* (189).

2) *Социализм – по крайней мере тот вариант, который попытались построить в Советском Союзе, – показал свою полную нежизнеспособность* (321).

3) *Тому [искажению основ социализма – К.Л.] есть как объективные причины (отсутствие демократической традиции), так и субъективные* (392).

4) *Эти господа отличаются звериным антисемитизмом, патологической нелюбовью ко всему Западу (это не касается автомобилей и прочих «мелочей жизни», которыми они охотно пользуются) и регулярно поносят телевидение за то, что оно позволяет себе показывать отдельные части обнаженного женского или мужского тела* (210).

5) *Впервые (и в последний раз) советскому человеку позволили проявить инициативу, впервые он почувствовал себя в полной мере человеком, впервые смог выпрямиться и высоко поднять голову* (441).

В (1) выделяется русская поэзия среди других. В (2) ограничение касается метонимического субъекта: не социализм виноват в своей нежизнеспособности, а люди, попытавшиеся построить общество равных возможностей. В (3) вставка служит выделению единичного каузального понятия из множества, что не просто ограничивает его, но и способствует усилению самой главной объективной причины безуспешности построения социализма. В (4) посредством вставки предикативный признак ограничивается объектом действия, подвергающим ироническому сомнению

и даже высмеиванию содержание предикативного признака. Обстоятельство меры времени в (5) сужается вставочным антонимом, характеризующим единственность (*в первый и в последний раз* [БАС, 11, 412]) локализации проявления детерминированных им предикатов и выражая таким способом модальность бесперспективности их содержания.

Ограничительная вставка может выделять единичное понятие как предпочтительное:

...Среди всех возможных привилегий чуть ли не выше остальных ценилась работа за рубежом (особенно на «враждебном» Западе) (446).

Во взаимодействии семантики предиката *ценилась* и вставки с атрибутом *враждебный* формируется оксюморонный рисунок предложения, типизирующий иронию, насмешку по поводу приклеивания негативных ярлыков к тому, о чем все вождельно мечтали.

3. Этическая функция вставки проявляется в подчеркивании большей значимости лица, о котором идет речь, чем автора книги:

Мы поплыли дальше <...> мимо острова Рузвельта, <...> мимо ярких огней здания Объединенных Наций, под Уилльямсбергским и Манхэттенским мостами, под любимым мостом Маяковского (и моим) – Бруклинским, а волны все нарастали, подкидывая и потом роняя в бездну бедную «Магзи» (404).

В. Познер, заключая в скобки свое отношение к *мосту*, считает нужным подчеркнуть, что он не позиционирует себя в однородном ряду с Маяковским, а потому связь однородных членов предложения с сочинительным, соединительным союзом «и», по мнению автора, была бы здесь менее уместна в сравнении со вставкой, актуализирующей иерархию лиц.

Модально-оценочное значение вставки может быть связано как со словом, так и с предложением:

Жили там и так называемые «простые» люди (очень не люблю этот термин), которые летом сдавали свои дачки московской элите (276).

Вставка выражает не только отрицательное, но и ироничное отношение к атрибуту «простые». Экспрессия формируется и типизируется за счет слова

термин, напоминающем о том замысловато-непонятном советском словоблудии, которое невозможно дешифровать.

Бесконечно разнообразны модальные и эмоциональные значения вставки, соотносящиеся с предложением:

1) *В августе 1986 года закончилось (как мне казалось) время моего остракизма...* (384).

2) *Кроме того, эти господа [работники иммиграционной службы США – К.Л.] – я говорю о личном опыте – часто хамоваты* (403).

3) *Основные **достижения** перестройки в гораздо большей степени – результат антисистемных, антисоветских настроений (еще один «минус»), а не сознательного стремления помочь Горбачеву* (448).

4) *Была приглашена самая известная (как мне сказали) промоутер в России, некая Надежда Соловьева* (476).

В (1), (2) вставка подчеркивает субъективизм суждения, в (3) иронизирует над *достижениями*, в (4) указан источник сообщения.

Многообразны эмоциональные значения вставки:

1) *...Пропаганда в Америке является на самом деле наукой, отростком от мощного древа рекламы, которой никогда (к сожалению) не было в Советском Союзе* (228).

2) *И – о чудо! – вопросы посыпались как из рога изобилия, вопросы острые, интересные* (363).

В (1) – чувство сожаления по поводу отсутствия рекламы в Советском Союзе, в (2) – восторг от неожиданного эффекта.

Достижению публицистической выразительности текста и соответственно успешному решению его прагматических задач способствует сочетание вставки с другими экспрессивно-синтаксическими средствами:

Может быть, это [приглашение на ужин – К.Л.] было связано с моей репутацией человека, говорившего что думает (либо болтуна?), может быть, с тем, что западные дипломаты испытывали острый дефицит общения с советскими людьми? (264).

Внутренний диалог сопровождается параллелизмом частей БСП с повтором вводного компонента со значением предположительности, экспрессивной вставкой в виде просторечного антропонима с вопросительно-предположительной модальностью – выразительной дилеммой ее книжного эвфемизма: *человек, говоривший что думает*.

Коннотацию всего высказывания могут формировать косвенные вопросы в сочетании с другими синтаксическими средствами:

Возможно ли построение социалистического общества (тем более коммунистического), невозможно ли – покажет только время (452).

Инверсия параллельных изъяснительных придаточных частей, первая из которых содержит вставку, а вторая является неполной, абсолютно ориентированной на состав первой части, ставит дилемму, непростое решение которой отдается на откуп времени.

Выводы по второй главе

Статистические данные выборки показывают зависимость частотности тех или иных синтаксических единиц от характера текста (темы выборки), что свидетельствует о высоком речевом мастерстве автора и его умении решать прагматические задачи в многожанровой книге, публицистичность которой соединяется с воспринимаемой как беллетристика автобиографией. Задачу выразительности текста решают все экспрессивные средства синтаксиса. Среди них можно выделить такие доминантные единицы, которые составляют основу особого жанра книги, в которой живость вполне совмещается с широким эпическим воспроизведением стыка двух эпох, двух веков.

Для монологического повествования книги характерен внутренний диалог вопросно-ответного типа. Вопросительные, в том числе риторические, предложения решают задачу не столько функциональную, сколько прагматическую. Внутренний диалог автора осуществляется с самим собой или (и) с потенциальным собеседником. Вопросно-ответная форма повествования позволяет акцентировать внимание на ходе мыслей, вовлекает

в авторские размышления читателя, дает ему возможность осознать проблему сквозь призму времени происходящих, происшедших, а иногда даже будущих событий.

Особая выразительность публицистического языка произведения достигается различными синтаксическими антиномиями, включающими развернутые в тексте лексические тропы. Особенно характерно для книги сочетание письменной формы публицистического стиля с разговорными построениями, создающими иллюзию спонтанности.

В публицистической автобиографии естественна и понятна частотность присоединительных конструкций; имея широкий набор вариантов, связанный с различными средствами связи, они позволяют автору подвести итог, дать логическое обоснование, оценку, высказать гипотезу по отношению к предыдущей части.

Акцентированный способ повествования от первого лица единственного числа, достигаемый повтором соответствующего местоимения, подчеркивает личную причастность автора к тому, о чем он пишет. На фоне редупликации местоимения первого лица единственного значимо выглядит повтор предметно-личного местоимения, актуализирующего в тексте значение не только предмета или лица, не участвующего в акте общения, но и шире – лица равнодушного, безразличного, привыкшего наблюдать со стороны.

Для публицистического стиля книги типичны дефинитивные конструкции, различные по способу их введения в текст и придающие ему характер разговорности, непринужденности, доверительности, позволяющие обнаружить преференции автора, почувствовать его присутствие в том времени и среди тех людей, о которых он пишет.

Вставка является самой частотной среди осложняющих предложение синтаксических единиц (30,4%): она придает повествованию живость, увлекательность, разговорность, позволяет компрессировать информацию об

огромной эпохе, включить модально-эмоциональные элементы, соединить в одном высказывании различные времена, страны, государственных деятелей.

ГЛАВА 3. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УСТНОЙ РЕЧИ В. ПОЗНЕРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

3.1. Прагматическая значимость модально-эмоциональной позиции говорящего лица в жанре открытой лекции

3.1.1. Нарушение общепринятых стереотипов речевого поведения

Способы репрезентации субъекта в устной речи имеют свои особенности, учитывающие факт присутствия реального собеседника, позиция которого по отношению к говорящему лицу во многом зависит от меры его апелляции к аудитории, степени экспрессивной зависимости от нее. Обращение к слушателям способствует активизации коммуникативного процесса, созданию живой, творческой атмосферы, заключающейся, прежде всего, в ее производимом, а не воспроизводимом характере. Творческая (спонтанная или создающая иллюзию спонтанности) речь способна сделать слушателей соучастниками, вовлечь их в размышления лектора, стать его единомышленниками или оппонентами.

В. Познер с первых слов лекции захватывает внимание слушателей откровенным признанием в смущении перед большой аудиторией. За традиционным приветствием лектора «Добрый день» следуют слова, стилистически выпадающие из обычного представления о жанре, настраивающие присутствующих на доверительную беседу с равным им в профессии человеком:

Я... смущен. Ну быть в такой компании, как Норштейн и Горбачев, это... в общем... не часто кому доводится. Ну и потом, что вот так много... так вас много. В субботу все-таки. Шаплык там... Ну, может, я окажусь этим шаплыком.

Вряд ли можно услышать такие искренние слова смущения от лектора, даже не такого именитого, как В. Познер. Их естественность, спонтанность эксплицируется эмоциональными заминками (на письме они маркируются многоточием), словами, создающими иллюзию косноязычия: ну, это, в общем,

вот, все-таки, там. Они могли бы показаться сорняками, если бы не коммуникативная установка на то, чтобы снять излишнюю официальность, напряжение, установить тесный контакт с аудиторией, такой, который мог бы спровоцировать ее активную реакцию. «Контактоустанавливающие сорняки», понятно, только в речи блестящего журналиста воспринимаются как прагматический ход, тем более что яркость проявления эмоций не мешает лектору одновременно выстроить абсолютно логичную их детерминацию, дать многостороннюю оценку аудитории с четкой мотивацией собственного удивления по поводу количества пришедших. Естественность речевого поведения журналиста с мировым именем, безусловно, способствует установлению коммуникативного контакта, который дает возможность для шутки по поводу непростого, субботнего дня лекции.

Завершить установление доверительно-искренних отношений с аудиторией помогает развернутая антитеза, передающая отношение говорящего лица к понятию “последняя лекция”:

Мне, однако же, относительно легко говорить о том, что это моя последняя лекция (1). Видите ли, я – экзистенциалист, я живу каждым днем (2). Я совершенно не знаю, будет ли у меня завтрашний день или не будет (3). И никто, хотел бы вам заметить, не знает, упадет ли сегодня на голову кирпич, наедет ли машина, будет ли кто-то поджидать в подъезде (4). Никто не знает, будет ли у него завтрашний день (5). Мало кто об этом думает и, может быть, даже так тяжело жить для кого-то (6). Для меня – наоборот (7).

В безличном предложении (1) предикат, выраженный модальным словом состояния и инфинитивом, обладает такой семантикой, которая может соотноситься только с говорящим лицом; субъект, тем не менее, эксплицирован личным местоимением первого лица единственного числа в форме дательного падежа, что подчеркивает особое отношение автора к ситуации. Последующие предложения (2), (3) содержат максимально индивидуальную (форма говорящего лица повторяется четыре раза)

мотивацию содержания первого предложения. В (4), (5), (6) логическое обоснование восприятия *последней лекции* завершается посредством обобщенно-собирательных форм местоимения, являющихся субъектами предикативных признаков, понятных и свойственных большинству. Наконец, в (7) автор окончательно детерминирует свою позицию: местоименно-падежная форма говорящего лица является носителем предикативного признака «наоборот» (безличное сказуемое со значением «совершенно иначе, противоположно чему-либо» [БАС,7, 355]). Предикат лаконично, четко и выразительно передает собственное, принципиально иное, чем в (6), отношение автора к ситуации «последней лекции». Субъектно-предикатная триада логически безупречно аргументирует его позицию: 1) *я знаю* (говорящее лицо); *никто не знает* (усилительно-отрицательное обобщенно-собирательное лицо, включающее говорящего); *мало кто думает и кому-то тяжело жить* (неопределенное обобщенно-собирательное лицо, исключаяющее говорящего). Организация сложного синтаксического целого такова, что она не только передает отношение В. Познера к последней лекции, но и обнаруживает его жизненную философию, согласно которой каждый день проживается им как последний (1), (2), (3), и это объективно обусловлено (4), (5). Поэтому неизбежно печальный для кого-то атрибут «последняя» (6) для него не содержит никаких новых ощущений (7).

3.1.2. Варианты форм лица в контактоустанавливающей функции

Мотивационной основой выбора формы субъекта является содержание того или иного фрагмента устной речи, нуждающегося в определенном подчеркивании мысли автора, уточняемой лектором. Его слова могут быть исключительно индивидуальными, он может выступать от себя и своих непосредственных собеседников или разделять мнение с обобщенно-собирательным лицом. В любом случае транслируемая лекцией мысль имеет авторство, мотивированное дейксисом. Прагматические задачи речи диктуют варианты, выраженные формами лиц, участвующих в акте коммуникации (я,

мы, ты, вы). Их выбор определяет принципиальное соотношение субъектных форм, смена которых в лекции дозирует общее, известное и частное, неизвестное, определяя ее стратегию, ведя слушателя за авторской мыслью.

Местоимению «я» в лекции В. Познера сообщается особая экспрессия при его повторе в границах простого, полипредикативного предложений или сложного синтаксического целого. Оно доминирует в качестве субъекта речи, при этом не воспринимается как желание говорящего лица выделиться, утвердиться, противопоставить себя другим, в частности своим слушателям. В лекции В. Познера «я» звучит как глубокое уважение к аудитории, подчеркивает всю меру ответственности собственного слова, нежелание прятать свои мысли за позицией неопределенных или обобщенно-собираемых форм лица. Лектор разрушает представление о традиционном этикете, предполагающем такую степень скромности говорящего лица, когда тот должен скрыть свой голос за формой говорящих или обобщенно-собираемых лиц, лишая собеседников возможности точного авторства мысли. Ложная скромность исключена из речи В. Познера, она не размывает границы между характером коммуникантов: *я*, с одной стороны, и *мы, ты, вы* – с другой. Отсутствие излишней, надуманной деликатности, бесстрашие перед оппонентами и речевыми конфликтами лишают лекцию В. Познера шаблонной безликости. Он отказывается мыслить всегда со всеми вместе, но его «я» не имеет никакого отношения к нескромности или желанию интеллектуально противопоставить себе слушателям. Говорящее лицо пользуется полным правом соотносить свои собственные мысли с существующим для этого в коммуникативном акте грамматическим средством – местоимением «я» (говорящее лицо). Оно, входя в оппозицию «ты (вы)», как раз и способствует установлению контакта с аудиторией, усиливая роль собеседников в процессе чтения лекции.

После слов признательности четко определяется тема выступления и словесно сигнализируется вставка, в которой лектор считает необходимым

уточнить принципиально важные детали в подходе к реализации данного жанра общения с собеседниками:

Я...Вот. Я буду говорить о журналистике в России. Разумеется, я выношу за скобки, я буду говорить только то, что я думаю; если я буду кого-то цитировать, я скажу, что это вот не я, чтобы потом уже к этому не возвращаться.

Модальное (о чем автор предупреждает вставкой) сложное синтаксическое целое подчеркивает исходные характеристические принципы лекции. В. Познер считает необходимым изложить то, как он будет говорить о журналистике, имея в виду собственную практику, свои методы подачи материала, требующие оговорки в самом начале. В этой части обращение к аудитории предельно индивидуализировано, каждая из восьми двусоставных предикаций (семь первых из них структурно параллельны) имеет подлежащее в форме личного местоимения первого лица единственного числа со значением говорящего лица. Повтор дейксиса «я» решает значимую прагматическую задачу, обещая присутствующим доверительную беседу, сокровенные мысли, за которые лектор несет личную ответственность, в определенной мере противопоставляя их традиционным.

Вставочную часть В. Познер заканчивает тем, что формулирует эмоциональное состояние лектора «последней лекции» вообще:

То есть это последняя лекция, которую человек прочитает, это последнее, что он скажет. И с таким внутренним ощущением, разумеется, человек говорит не так, как обычно.

Подчеркнутое редупликацией соотношение говорящего (я) с синонимичными сказуемыми и обобщенно-собирательного (человек) с предикативными признаками, выраженными глаголами с обобщенным, неактуальным значением будущего и настоящего времени, позволяет индивидуализировать собственные ощущения и в то же время показать естественность подобного состояния для многих.

Общее и частное постоянно чередуются в лекции. Отметив психологические закономерности традиционного восприятия выступления такого рода, В. Познер передает собственное его понимание. И здесь ответственность за каждое слово опять подчеркнута регулярным позиционированием себя в качестве говорящего лица:

Мне легко говорить <...> моя последняя лекция <...> я – экзистенциалист, я живу каждым днем. Я совершенно не знаю, будет ли у меня завтрашний день или не будет.

Местоимение первого лица единственного числа максимально индивидуализирует речь лектора, одновременно акцентируя позицию собеседников, вовлекая их в коммуникативный процесс.

Профессиональный разговор о «журналистике в России» выстроен просто и безупречно с точки зрения логики: в называющем тему словосочетании дается точное понимание составляющих его лексем: *журналистика* и *Россия*. В первую очередь лектор задается вопросом, «что такое журналистика». Императивное предложение со значением совместности «Ну, давайте, вот, может быть, давайте определимся и договоримся» приглашает к дискуссии на эту тему. Самостоятельное предложение с модальным значением – «По крайней мере, я вам выскажу, что такое, как я считаю» – акцентирует характер источника информации, которым будет говорящее лицо. Далее следует мотивация данной необходимости, заключенная в придаточной части СПП со значением логического обоснования: «потому что существуют разные взгляды на эту тему на этот счет, и я бы все-таки хотел, чтобы у нас было общее понимание». И, как всегда, В. Познер оставляет право выбора точки зрения на обсуждаемый предмет, модальным СПП подчеркивая, что он допускает инакомыслие и что его слушатель и в этом случае не останется в проигрыше: «Даже если вы не согласитесь со мной, по крайней мере, вы будете знать, о чем я говорю». Это выступление в тему учит подлинному ораторскому искусству.

В каждой части лекции четкость и безупречная логическая последовательность. Чтобы говорить об одном и том же предмете – журналистике, – лектор определяет в первую очередь хронологические рамки этого понятия. Постоянный контакт с залом и приглашение думать сообща не мешают В. Познеру четко определять свою позицию:

*Во-первых, я предлагаю ограничить **наши** изыскания определенными временными рамками.*

Предложение является и контактоустанавливающим, и содержательным в плане выбранной методики развития темы лекции. Акцентированное подлежащее, усиленное личной формой сказуемого, подчеркивает принадлежность предикативного признака первому лицу; при этом состав сказуемого – его семантика и инфинитивный объект со значением субъекта – предполагает совместное действие – *ограничить наши изыскания*. Такое построение имплицитно указывает на важность исходных хронологических принципов в определении понятия журналистики для говорящего лица, привыкшего к точности дефиниций; оно же является сигналом для особого внимания к этому вопросу всех присутствующих.

Дефиниция термина «журналистика» начинается с определения времени появления жанра, им называемого:

Давайте признаемся в том, что в... античности не было журналистики. Была литература, но журналистики не было. И слова-то такого не было.

Слушатели неизменно приглашаются участвовать в решении важного вопроса, что выражает главная часть СПП, представленная императивом со значением совместности мысли, объектом которой является содержание изъяснительной придаточной части. Лектор умело подводит аудиторию к готовности принять нетривиальную информацию, предупреждая их возможное возражение или сомнение посредством ССП с уступительно-противительными отношениями. Первая его часть подтверждает всем известный факт наличия литературы, который мог бы помешать отсутствию

журналистики, но не помешал, – это уступительные отношения. Ограничительные отношения сигнализируют совмещенность в границах противительных отношений, казалось бы, несовместимых фактов [Русская грамматика, 1982, Т. II, 624] – наличия литературы, обычно включающей все жанры, и отсутствия журналистики, одного из жанров литературы. Неоспоримый характер отрицания достигается посредством повтора безличной предикации, которая подчеркивает независимость негативного вывода, как бы к нему ни относиться. Прагматически выверено и актуальное членение одинаковых по содержанию предикаций. Если в придаточной части СПП ремой является сочетание временного детерминанта с безличным предикатом (*в античности не было*), указывающим на отсутствие того, что является темой – *журналистики*, то в ССП вторую часть следует признать безличной ремой. В ней на фоне первой части, утверждающей наличие *литературы*, новой оказывается вся информация. Безличное предложение, эксплицирующее не зависимый ни от кого, объективно существующий факт отсутствия журналистики, автор усиливает сообщением о том, что даже слова, называющего рассматриваемую деятельность, не было.

Делая экскурс в историю возникновения журналистики, рассматривая этимологические связи слова, В. Познер в объективной манере, бесстрастно напоминает о том, что такое *журнал*, *журналье* и т.д. Симптоматичен стилистический характер информации об именах: «Вот что это такое было». Предложение имеет очевидный разговорный характер, что передано партитивным компонентом *вот что* и местоименным предикативным отношением с инверсированным составным именным сказуемым (*это такое было*).

В лекции нет ни одного общего рассуждения, которое бы не заканчивалось резюме автора. Оно, как правило, исходит от первого лица:

На основании того, о чем я сказал, я хотел бы сказать, что в России никогда не было журналистики. Потому что никогда не было трех реальных

властей. Реальные – это независимые друг от друга. Иначе это не власть. Это только называется властью.

В данном случае имеет место осуществляемый без смысловой необходимости, но важный с точки зрения коннотации местоименный повтор, который еще более индивидуализирует вывод, акцентируя внимание на ответственности лектора за каждое свое слово.

Вывод сменяется известными большинству фактами истории, и говорящее лицо самоустраняется в открытой форме говорящего лица:

В России до февраля 1917 года была одна власть, царская (1). Она же и исполнительная. (2) Она плохо функционировала (3). Это все из другой области. Но реальной другой власти не было (4) – все зависело от одной власти (5). И, следовательно, все эти журналы, которые выходили, которые издавали замечательные люди, Новиков, например, позже в них писали там Пушкин и так далее – это не журналистика. (6). Никакой власти там не было (7).

Темой, подлежащим в двусоставных предложениях становится *царская власть* в (1) и ее дейксис *она* в (2), (3). В форме дополнения с субъектным значением (*власти*) представлена тема безличной предикации (4). В (5) словоформа *от власти* является дополнением при глаголе *зависеть*, что сообщает семантически страдательный характер всей предикации с безраздельным, полным подчинением объектом «власть» субъекта «все» – «совокупность предметов, понятий, явлений и т.п. целиком, без каких-л. исключений» [Словарь в 20 т., 1991, II, 152]. В (6) говорящее лицо, делая вывод из экскурса в историю, эксплицирует себя вербально подчеркивающим каузальные отношения в ССК вводным словом со значением следствия. Его модальность распространяется и на последнее предложение, акцентирующее внимание на главной негативной мысли, с которой начинается и которой заканчивается ССЦ (7). Форма предикативных отношений текста подчеркивает объективность, независимость хода истории от кого бы то ни было.

Когда изложенные факты требуют оценки, автор пользуется иным структурно-семантическим арсеналом:

*Можно говорить о небольшом окне, которое образовалось между февралем и октябрём 1917 года, когда стала появляться реальная исполнительная власть, реальная законодательная и реальная судебная, и тогда стала появляться реальная журналистика, не зависящая от этих властей. (1). Ведь, когда **мы** говорим "независимость журналистики" (2), **мы** же понимаем (3), что **каждый из нас** как журналист зависим (4). **Он** зависим от того человека (5), который нас нанял на работу. Если только **мы** сами не являемся хозяевами (6). **Мы** говорим о независимости от других властей – от исполнительной власти, прежде всего, но и от законодательной, но и от судебной (7).*

Для выражения общей мысли, которую не могут не разделить его слушатели, употребляются обобщенные безличное и двусоставные предложения. Зачин, в котором речь идет об относительной свободе и независимости слова, выражен СПП с безлично-модальной главной частью, подразумевающей обобщенное семантическое лицо (1). Такая модель придает информации всех других предикативных частей характер доступности их понимания. Подлежащие, выраженные местоимением первого лица (2), (3), (6), (7), местоименным словосочетанием со знанием избирательности (4), местоимением третьего лица единственного числа с собирательным значением (5), не только выражают говорящее лицо плюс всех тех, от лица которых оно говорит, но и актуализируют в контексте лекции дополнительное обобщенное значение голоса всей думающей публики.

Контакт со слушателями, привлечение их к сотрудничеству достигается благодаря различным функциональным и структурно-семантическим построениям.

1. Побудительные предложения, обращенные непосредственно к собеседникам:

Давайте-ка я приведу такую параллель.

Значение императивно-модальной части предиката с этикетным значением («готовность, желание помочь кому-л., сделать что-л. для кого-то в знач.: позволь, позвольте, разреши, разрешите» [Словарь в 20 т., 1993, Т. IV, 18]) усилено разговорной частицей.

Объединение говорящего с собеседниками осуществляется тогда, когда он выражает готовность вместе с ними прийти к ответу на поставленные вопросы. Это значение создается односоставными определенно-личными предложениями с императивными по значению сказуемыми, выраженными формами глаголов первого лица множественного числа совместного действия. Незанятая местоимением «мы» позиция придает речи большую степень обобщения, чем в случаях с эксплицированным субъектом, и в то же время формы предикатов сообщают словам значение личной заинтересованности лектора в том, чтобы создать реальную ситуацию или ее иллюзию коллективного решения. В обоих случаях полученная информация будет воспринята как результат совместного ее добывания, а значит, станет более доступной и понятной для слушателей:

Ну, давайте, может быть, определимся и договоримся.

Представим себе поле боя.

Давайте признаемся, что это так, что все остальные ветви власти – и законодательная, и судебная – реально зависят от исполнительной власти.

Призыв к совместному действию не меняет понимания того, что лектор для себя лично все продумал и имеет настолько убедительные знания по обсуждаемому вопросу, что вполне готов делиться ими. Доверительный тон не лишает речь уверенности, санкционированной говорящим лицом и выраженной редупликацией разговорной императивной частицы «давайте», которая «в сочет. с глаголами 1 л. ед.ч. буд. вр. употр. для выражения собственной решимости, готовности к какому-л. действию» [Словарь в 20 т., 1993, IV, 18]. Тем не менее, факт того, что говорящее лицо подробно делится намеченным путем поиска истины, не отказываясь его пройти еще раз с собеседниками, не может не вызвать их активизации. Этому способствует и

введение модального слова *может быть*, которое подчеркивает, что избранная лектором методика решения вопроса не является истиной в последней инстанции и что его коллеги вольны в своем собственном выборе, лишь бы он оказался продуктивным.

2. Предложения с местоимением второго лица множественного числа со значением адресата речи.

1) *И тут я вас* опять отсылаю к журналистике в Теннесси, потому что очень похоже.

2) *Я не знаю, помните ли вы*, что люди стояли в те годы прямо на улице.

Экспликация объекта местоимением *вас* в (1) подчеркивает позицию собеседников и одновременно говорящего лица как организатора мыслительного процесса. Контактостанавливающая часть СПП (2) с субъектным (*не знаю*) и объектным (*помните ли*) предикатами выражает сомнение в знании слушателями того, о чем речь идет в изъяснительной части. И в то же время она является прагматически важной для восприятия этой главной информации, которая, благодаря модальной преамбуле, предстает наглядной, зримой, достоверной.

3. Предложения, включающие неопределенных лиц как бывших собеседников.

Так вот я этот вопрос задавал многим нашим журналистам, правда, телевизионным.

Подчеркнутый объект представляет собой неопределенное сообщество коллег, в которое вполне могут входить и сидящие в зале лица, что прагматически четко нацелено на живую реакцию слушателей.

Высказывая нетривиальное, даже несколько эпатирующее мнение, идущее вразрез с привычным представлением, лектор готовит к нему собеседников:

Я хотел бы провести некоторое сравнение. Ну и я должен сказать, что там, где нет демократии, нет журналистики, потому что там, где нет

демократии, нет самостоятельных или уравнивающих друг друга ветвей власти.

Первое предложение текста можно охарактеризовать как вводное по семантическому содержанию, выраженное составным глагольным сказуемым с модально-вспомогательной частью, имеющей значение нереальной желательности того, что выражено инфинитивным составом, эксплицирующим метод доказательства собственного взгляда лектора на предмет. Поэтапное утверждение обстоятельств, мотивирующих факт наличия журналистики – главного понятия читаемой лекции, – дает возможность собеседникам, вооруженным методикой доказательств, включиться в процесс авторского рассуждения.

4. Местоимение первого лица множественного числа, благодаря своей емкой первичной семантике, всегда служит для привлечения внимания к предмету речи. Когда В. Познер выстраивает путь поиска истины, он использует его в качестве субъекта речи двусоставного предложения. «Мы» употребляется в основном значении, которое осложняется включением в семантику всех присутствующих и даже отсутствующих на лекции коллег:

1) *Если **мы** будем журналистике давать прилагательные, ну, как, например, даем демократии: суверенная, управляемая, это все чудесно, но только никакого отношения к демократии не имеет.*

2) ***Мы** же продукт своего прошлого, хотим **мы** того или нет. **Мы** никуда не можем деться от этого.*

3) *Конечно, **мы** необъективны, **мы** же не роботы, но **мы** можем стараться. **Мы** же прекрасно понимаем, когда стараемся, а когда нет. Себе-то не можем врать. Но **мы** этим не занимаемся.*

4) *Наш долг перед теми людьми, которые нас читают, слушают и смотрят, – дать им максимум информации. Эта информация касается их напрямую. Это их детей, мужей, братьев отправят на войну. **Мы** обязаны это сделать. Удастся ли **нам**, это вопрос другой. **Нам** могут не дать. Но **мы** так сделаем.*

В каждом из этих предложений присутствует некая императивно-модальная семантика. В (1) она актуализируется условной придаточной частью с потенциально-гипотетическим значением плана будущего и главной частью, состоящей из блока двух предикаций с противительными отношениями: иронично-высокой оценкой предположения и ее ограничительным характером. В (2) особый акцент предикативного признака сообщается усилительной частицей *же* в составе подлежащего, модальной в целом второй частью БСП и модальным самостоятельным предложением. Такие семантические акценты подчеркивают неизбежность утверждения первой предикации всего целого. В (3) лектор объединяет себя со всеми теми, кому в достаточной мере (*конечно*) свойственна необъективность оценок. Мысль реализуется в уступительно-противительных отношениях между частями. В первой части допущение выражено отрицательным предикатом с усилительной частицей, во второй – дается направление пути. Две следующие предикации следует признать модальными: в них, несмотря на субъект, выраженный множеством «мы», присутствие говорящего лица максимально. В. Познер последовательно присоединяет к своему голосу всех журналистов, предлагая свое видение обсуждаемого предмета как общее и считая, наверное, что именно такой, хотя бы по форме солидарный вердикт может способствовать каким-то изменениям в деле журналистики. Множественное число местоимения (говорящие лица) в резюме, содержащем нелицеприятное заключение, имеет и прагматическую цель, способствуя осознанию присутствующими доли своего собственного участия в формировании иного отношения к профессии. Что касается лектора, то он включается в обобщенное лицо, хотя по факту менее всего к нему относится, поэтому роль его в границах «мы» можно определить как модально-участливую. ССЦ (4) является, по сути, главной мыслью лекции, в нем обращает на себя внимание предложение с предикативным отношением «мы» и составным глагольным сказуемым, выраженным вспомогательным кратким модальным прилагательным со значением обязанности сделать то, что выражено инфинитивом. Понятно, что

говорящее лицо, апеллирующее к данной модальности, делает или, во всяком случае, старается делать то, что, по его мнению, обязаны делать все. Поэтому персональная составляющая «я» в этом «мы» здесь тоже риторическая, но говорящее лицо включает себя в субъект, выражая готовность разделить все грехи профессии, лишь бы изменить отношение к ней. Два последних предложения ССЦ находятся в отношениях уступки. Автор предполагает сложность пути становления настоящей журналистики, препятствия на этом пути, их преодоление, но последнее утверждение с субъектом «мы», соотнесенным с потенциальным возможным, но перфектным будущим, неожиданно оптимистично. В него невольно веришь, понимая, что в состав местоимения первого лица множественного числа входит говорящее лицо, читающее эту лекцию не ради красного слова, а ради дела, за которое он болеет и в успех которого верит. Прагматика лекции подчинена тому, чтобы не только донести мысль о сущности журналистской деятельности, но и изменить отношение к ней тех, кто считает себя журналистом.

Контактоустанавливающая функция реализуется в лекции и другими формами соотношения с местоимением первого лица множественного числа, актуализирующими обобщенное значение лица:

Наши долг перед теми людьми (1), которые *нас* читают, слушают и смотрят (2).

Притяжательное местоимение в (1) указывает на принадлежность первому лицу со значением обобщенного множества; форма первого лица множественного числа в (2) представляет собой обобщенный метонимический объект. Естественно, что говорящее лицо включает себя в атрибутивный и субстантивный дейксис.

Привлечение внимания собеседников может осуществляться за счет субъектно-объектных детерминантов:

У нас долг есть только перед нашей аудиторией – не перед президентом страны, не перед правительством, не перед хозяином (1).

Местоименная словоформа первого лица множественного числа родительного падежа имеет здесь максимальную степень обобщения, объединяя всех журналистов и делая их главной силой в исправлении существующего положения дел. Для этого лектор актуализирует того, кто является единственным потребителем журналистской продукции, что подчеркнуто партитивно-дискурсивным ограничительным словом *только* и структурно-семантической организацией предложения с противительными отношениями между однородными членами: между первым из них и всеми другими обнаруживаются отрицательно-противительные отношения.

5. Объединение с собеседниками достигается и посредством безличных предикаций, включающих модальность и подчеркивающих обобщенный характер синтаксического лица:

Это важно понять, потому что тогда мы должны признать...

Безличные сказуемые апеллируют к слушателям, показывая значимость инфинитивных действий. Форма местоименных субъектов предполагает доминирование в модальной части сказуемых говорящего лица, а в инфинитивных – собеседников. Корректировка иерархии лиц в составе субъекта происходит за счет семантики предикатов, вспомогательный компонент которых представлен словом категории состояния со значением важности (главная часть) и прилагательным долженствования (придаточная часть). Характер модальности инфинитивных действий, выраженных глаголами мысли, и отношения каузальности между ними свидетельствуют о том, что предлагаемый интеллектуальный процесс как способ постижения истины адресуется, прежде всего, собеседникам. Такие акценты актуализируются и жанром речи, предполагающим, что лектор уже должен был и *понять*, и *признать* основные положения, транслируемые слушателям, – в противном случае не могла бы состояться открытая лекция. Но и в данной ситуации он старается избегать прямых императивных, адресованных только собеседникам предложений, включая себя в субъекты *нам*, *мы* и соответственно разделяя все этапы познания с ними.

6. Если лектор обращается к аудитории исключительно от своего лица, он четко противопоставляет себя и своих слушателей. Такие предложения, как правило, обладают семантикой, непосредственно касающейся аудитории, и в них контактоустанавливающую функцию выполняет четко обозначенная позиция говорящего лица:

1) *...Я думаю, что очень мало из здесь сидящих хорошо помнят Советский Союз. Нет-нет, я говорю "немногие".*

2) *Я не знаю, кто из вас занимается журналистикой. Но в советское время, думаю, очень мало кто.*

В главной части приведенных предложений, где сказуемые имеют абсолютно определенную, единственную позицию лица, оно еще раз выражено местоимением. Подлежащие в придаточных изъяснительных частях представлены неопределенно-обобщенным субъектом, выраженным словосочетаниями со значением избирательности лиц из числа слушателей. Следующие за СПП простые предложения опять акцентируют позиции говорящего лица местоимением первого лица единственного числа и собеседников – субстантивированным количественным прилагательным (1); имплицитным субъектом первого лица единственного числа в границах вставочной конструкции и субъектным количественным словосочетанием со значением собеседников в неполном предложении с восстанавливаемым из предтекста предикатом (2).

Четкая позиция говорящего лица характерна для предикаций, которые устанавливает контакт со слушателями с помощью глаголов со значением зрительного восприятия:

Я смотрю на эту аудиторию...

По крайней мере, в первом ряду я никого не вижу.

Естественно, что в таких предложениях обозначены обе стороны коммуникативного процесса: лектор (я) и его слушатели (аудитория, никого)

3.1.3. Антецедент в контактоустанавливающей функции

Сложные предложения с каузальными отношениями являются доминирующими СПП в системе доказательной манеры чтения лекции. Среди них частотны СПП с antecedentом (условной придаточной частью), апеллирующим к предполагаемым особенностям восприятия собеседниками тех или иных тезисов лекции. Antecedent может содержать прямое обращение к ним, ставя определенное модальное условие понимания дальнейшего содержания:

*Поэтому если **вы** не согласны с моим постулатом, все, что я дальше скажу, не имеет никакого значения.*

Экспликация говорящего лица и собеседников соответствующими местоименными формами усиливает функцию установления контакта.

Antecedent является способом установления основных принципов беседы с аудиторией:

1) *Если я буду кого-то цитировать, я скажу, что это не я, чтобы потом уже к этому не возвращаться.*

2) *Если не знаете или забыли [как назывался журналист в Советском Союзе – К.Л.], я могу напомнить: солдат идеологического фронта.*

3) *Если хорошо выполняет [солдат приказ – К.Л.], получает поощрение, медаль, иногда даже орден, повышается в чине, может стать офицером, но все равно он – солдат идеологического фронта.*

4) *Если не читали [рассказ Марка Твена "Журналистика в Теннесси" – К.Л.], очень рекомендую, потому что рассказ поучителен.*

5) *Если тут есть журналисты, которые не умеют [читать кверху ногами – К.Л.], (я очень прошу) научитесь – это очень ценная вещь.*

В (1) не только формулируется метод цитации, но и содержится один из важных принципов чтения лекции, с которым говорящее лицо (я) считает необходимым познакомить аудиторию, – это исключительно авторские соображения по обсуждаемой теме. Условная придаточная и обусловленная главная части позволяют выразить действия, которые повторятся в будущем.

Позиция собеседников восстанавливается по форме и семантике сказуемого главной части, имеющего позицию адресата *вам*. Напоминание об идентификации журналиста в (2) готовит собеседников к осмыслению этой броской фразы, которое содержится в (3). В (4) дается ссылка на авторитетный источник, полезный для понимания вопроса, в (5) профессиональный совет.

В каузальных СПП позиция собеседников может входить в местоимение «мы», когда говорящее лицо включает в ситуацию и себя, и всех тех, к кому обращается. Посредством обобщенного «мы» лектор старается убедить в истинности своего суждения тех, кто, возможно, не разделяет его мнение. Для этого он создает иллюзию совместного с ними участия в преодолении указанного заблуждения посредством условной, типичной, но неприемлемой для него ситуации:

Если мы будем журналистике давать прилагательные, ну, как, например, даем демократии, – суверенная, управляемая, – это все чудесно, но только никакого отношения к демократии не имеет.

Во второй части сложной синтаксической конструкции гипотеза, представленная в первой части, характеризуется как категорически ложная, что передается соединением модального по семантике предложения с последней предикацией, содержащей усиленное отрицание того, чему дана высокая оценка. В контексте противительных отношений, выражающих несовместимость с ожидаемым результатом, формируется яркая ирония, подчеркивающая абсурдность атрибутивно-ограничительной манипуляции, искажающей содержание термина.

В других случаях местоимение употребляется для того, чтобы показать типичность ситуации, в которой, как правило, находится журналист вообще, в том числе и говорящее лицо, и собеседники, и лица, отсутствующие в процессе коммуникации:

Он [журналист – К.Л.] зависим от того человека, который нас нанял на работу, если только мы сами не являемся хозяевами.

Содержание предложения в целом имеет обобщенный характер. В главной части присутствует местоимение «он», указывающее на существительное *журналист* в единственном числе с собирательным значением; в распространяющей главную часть определительной предикации присутствует объект «нас» с обобщенным значением. В придаточной части «мы» выступает в качестве субъекта с тем же значением.

Антецедентом осуществляется контактоустанавливающая функция, привлекается внимание собеседников к совместному обсуждению вопроса. При этом СПП могут иметь различное семантико-грамматическое наполнение частей, в том числе и соотношение субъектов и предикатов. Замечено, что в лекции преобладают конструкции с реальной обусловленностью, представленной различными формами синтаксического индикатива, в том числе и инфинитивами. Они позволяют автору выдвинуть гипотезу, определить степень ее достоверности, просчитать варианты ее восприятия, предупредить возможные возражения в ее адрес.

3.1.4. Вопрос как способ установления контакта

К синтаксическим средствам выразительности в лекции В. Познера относятся вопросительные предложения. Они не только заостряют обсуждаемую проблему, но и создают некую иллюзию постоянного присутствия оппонента посредством создания лектором искусственных диалогов внутри монолога. Вопросительные предложения могут выполнять особую функцию подчеркивания темы обсуждения, привлечения внимания к ней слушателей, предоставления им возможности выбрать свою версию, пока не прозвучит ответ говорящего лица:

Как назывался журналист в Советском Союзе? Если не знаете или забыли, я могу напомнить: солдат идеологического фронта. Это точное определение. А что солдат? Солдат получает приказ и его выполняет.

Вопрос, затем ответ в форме двух частей. Первая – условное придаточное со значением негативно-риторического предположения,

выраженного глагольными формами второго лица множественного числа с обобщенным значением, с обусловленной изъяснительной частью; вторая – ответ на вопрос. Это предложение, обращенное непосредственно к собеседникам, с модальным значением допущенной гипотезы незнания или забвения ими факта того, как называли журналиста в недавнем прошлом, усиливает прагматический эффект всего целого. При внешней демократизации рассуждения о подходах к основному выводу лекции говорящее лицо придает им модальность беспрекословности. Категорично выстроено и следующее вопросительно-риторическое эллиптическое предложение с темой “солдат” и местоименной, но уже доступной для дешифровки ремой. Тем не менее, лектор эксплицирует ее в последнем, четко выстроенном предложении, конструктивный состав которого совпадает с актуальным членением: подлежащее – тема, однородные сказуемые – рема. Таким образом, тема ССЦ, подчеркнутая в первом предложении, подвергается последовательной идентификации, формируя логически последовательный силлогизм:

Журналист – солдат.

Солдат выполняет приказ.

Журналист выполняет приказ.

Для В. Познера типична риторика, которая включают в мыслительный процесс слушателей, но завершается ответом, принадлежащим исключительно говорящему лицу, что подчеркнуто местоимением «я»:

***Вы** когда-нибудь слышали, чтобы власть показала: "Смотрите, как плохо мы сделали"? Местная ли власть, федеральная. **Вы** видели такое? **Я** лично нет.*

Особенность устной речи заключается в том, что она способна реализовать коммуникативные задачи лишь при наличии максимального контакта с собеседниками и поэтому требует от говорящего лица значительных языковых усилий не только в выстраивании стратегии решения поставленных им вопросов, но и в необходимости поддерживать постоянное

внимание слушателей. Степень их активности в процессе решения конкретных задач лекции предусмотрена говорящим лицом. Функция риторического вопроса в установлении контакта с ними безусловна. Он присутствует во всех частях лекции, в одних подчеркивая общее мнение, в других – индивидуальное, авторское. Таким способом не только осуществляется связь лектора с аудиторией, но и достигается большая убедительность выводов в сравнении с возможностями повествовательного предложения:

В сегодняшней России эти те три вещи [говорить правду уметь, держать в узде собственные симпатии и антипатии, быть объективным – К. Л.] чрезвычайно тяжелы, потому что нет четвертой власти. А есть одна власть опять. Давайте признаемся, что это так, что все остальные ветви власти – и законодательная, и судебная – реально зависят от исполнительной власти. Это же так? А как быть журналистике в этой ситуации? Это более чем трудно.

Прагматическая установка первого риторического вопроса подготовлена предыдущим текстом. Глагол мысли с императивным значением предупреждает абсолютную логичность признания слушателями информации как абсолютно достоверной. Второй риторический вопрос повторяет изъяснительную часть предыдущего предложения, за счет чего его содержание предстает в усиленном виде, вывод говорящего лица становится еще более очевидным, а потому вполне готовым для того, чтобы его разделили слушатели. Очевидная нелюбимость статуса журналиста в контексте соотношения властей несколько смягчается вторым риторическим вопросом, ответ на который показывает понимание лектором сложившейся ситуации и полным включением себя в нее посредством имплицитированного объекта со значением оценки.

Доказательство основной мысли лекции тоже выстраивается так, что ее содержание исключает какие-либо возражения:

Я хочу узнать: этот журналист может публично не согласиться или обратить внимание на что-то такое, что не совсем правильно в этой партии? Не может. Какой же это журналист?

В первой предикативной части эксплицировано говорящее лицо и его предикативный признак, выраженный модально-вспомогательной частью со значением желания и инфинитивом умственного восприятия, обращенным непосредственно к аудитории. Ответ очевиден. Но лектор озвучивает его, подчеркивая, что это одна из главных на пути подведения итога мыслей лекции. Самый последний риторический вопрос остается открытым, завершающим, содержащим местоименный субъект с самым общим значением, что дает возможность подумать каждому, какой журналист он.

3.2. Прагматическая значимость антиномий в установлении границ диалогического единства интервью

Специфика интервью заключается в том, что оно не только имеет коммуникативную цель, планируется и контролируется (эти признаки могут характеризовать и непринужденную беседу, обычный разговор), но еще и четко структурируется в отношении ролей коммуникантов и, как правило, предполагает третьих лиц (читателей, слушателей), заинтересованных в информации, которую потенциально можно извлечь из интервью. Вопросы и комментарии формирует интервьюер в соответствии с темой интервью и характером интервьюируемого. Однако телевизионные интервью В. Познера все-таки более напоминают спонтанную беседу со скрытыми коммуникативными намерениями говорящего, которые обычно обнаруживаются в конце общения – о них красноречиво говорят результаты полученной информации. Именно они восстанавливают сложную систему языковой стратегии интервьюера, безусловно элитарной языковой личности, коммуникативно-мобильной, способной к спонтанности апробирования вариантов получения необходимого для него ответа на вопрос без нарушения внутреннего комфорта собеседника. Если квалифицировать рассматриваемое

интервью в терминах уже известных типологий, то его можно отнести «к группе интервью – “знакомств”», их задача – «создать портрет личности, героя передачи» [Ухова, 2001, 116].

Программа «Познер» находит отклик у телезрителей, живо обсуждается как одна из высокоинтеллектуальных и одновременно рейтинговых передач в данном телевизионном жанре. Наблюдения над тем, как выстраивает синтаксис своей речи ведущий, позволяют сделать вывод о том, что основным свойством его манеры вести диалог является умение выстроить антиномии, неожиданные как для гостя, так и телезрителя. Главную из них можно назвать оксюмороном – субъективная объективность фактов. Их нетривиальная интерпретация, идущая вразрез с общепринятой, при наличии неоспоримой мотивационной базы становится объективной и воспринимаемой как единственно верная.

Умение «правильно» молчать, вовремя обнаруживать нужную информацию, предельный лаконизм, минимализм в использовании образных средств – большое искусство, которым владеет В. Познера как интервьюер, все внимание которого сосредоточено исключительно на том, чтобы получить ответы на главные для него вопросы. Кредо журналиста – внимание к хронометру и вектору каждого шага беседы для обеспечения ее максимальной информативности.

Рассмотрим интервью с Д.А. Медведевым с точки зрения того, как реализуются в нем основные принципы интервьюера. Первые слова, обращенные к гостю, дают понять, что В. Познер обещает создать максимально комфортные условия для разговора, что его интересует исключительно ход мыслей собеседника, а свою задачу он видит лишь в получении как можно более полной информации от него. С этой целью используются вербально однообразные, простые, прагматически точно выверенные синтаксические единицы, исключаящие красноречие, многословие, какие бы то ни было профессиональные языковые амбиции. Его речевая стратегия – минимальное языковое присутствие на экране, создающее

иногда эффект самоустранения. Но, как ни минимизирует автор свое вербальное присутствие в передаче, именно он остается главным лицом экрана: его слово значимо, его ждут, ему верят, от него ждут откровений и повода надеяться на то, что он получит от второго лица государства такие ответы, которые позволят надеяться на лучшее будущее.

Для интервью с А.Д. Медведевым типичны антиномии, являющиеся главной составляющей его языковой стратегии. При этом они формируются при максимальном лаконизме его вопросных и продолжающих тему реплик.

Таблица 4.

Простое неосложненное предложение			Простое осложненное предложение	Сложное предложение
Полное	Неполное	Нечленимое		
8	1	6	13	24

Антиномии реализуются во всех деталях стратегии речи В. Познера, которая отличается, с одной стороны, неукоснительным следованием четко поставленной цели, а с другой – спонтанностью (вероятно, иллюзорной, но выстроенной настолько мастерски, что беседа производит впечатление свободной).

Ведущий с первых слов устанавливает прагматически точный контакт с гостем, такой, который позволяет ему спровоцировать продолжение ответной реплики или, напротив, ее завершение, если она перестает быть информативно интересной. При минимуме слов он добивается максимума результата, не заботясь о впечатлении, которое произведет на интервьюируемое лицо и телезрителей. Он отказывается от демонстрации собственной осведомленности в обсуждаемых вопросах, пренебрегает арсеналом собственного остроумия (хотя и то, и другое скрыть невозможно).

Синтаксис устной речи интервьюера отличается от речи писателя-публициста. Обратим внимание на таблицы выборок, дающих представление о месте и характере простых предложений в интервью с Д.А. Медведевым.

Статистика подтверждает первое впечатление о синтаксическом строе речи, касающемся простого предложения. Сухие данные таблицы с очевидностью демонстрируют стремление ведущего к предельному лаконизму реплик. Если говорить о типичных языковых единицах, максимально сокращающих время присутствия его на экране в качестве говорящего лица, то это, прежде всего, неполные предложения, большую часть которых составляют нечленимые. Их цель – перераспределить время телепередачи в пользу собеседника для получения от него максимума информации. Обратим внимание на модальную значимость нечленимых синтаксических единиц, типичных в функции поддержания разговора:

В.В. Познер: *А Вы знали Сечина?*

Д.А. Медведев: *Конечно! Я всех знал! Мы все знакомы, начиная с 1991 года. После этого мы поговорили, Владимир Владимирович меня позвал приехать в Москву – поговорить о будущем. Я себе приблизительно представлял, что, видимо, что-то будет предлагаться <...>. Я подумал немножко и согласился, а ещё плюс и в Москве...*

В.В.Познер: ***И пошло...***

Последняя реплика В. Познера прагматически точна. Ее значение в словарной статье закодировано за номером 15: «начать осуществляться, совершаться; осуществиться, совершиться». Затем в словаре дается оттенок значения: «***И пошло*** <...>. Начало что-либо появляться, следовать, происходить и т.п. во множестве, одно за другим и т.п.» [БАС, 10, 822]. Вербальная связка, на первый взгляд не отягощенная коннотацией, а лишь поддерживающая разговор, имеет определенный коммуникативно-значимый смысл. Она вовремя заполняет паузу собеседника, становится лаконичным продолжением его речи, дает ему возможность собраться с мыслями, а главное, деликатно направляет разговор в нужное для журналиста русло. Собеседник не может не понять, что интервьюера более всего интересует президентство Д.А. Медведева, а не путь к нему, мало чем отличающийся от тысячи таких же восхождений к власти, требующих проверки на

профессионализм, преданность, обязательность и т.п. Но самое удивительное, что реплика «И пошло» в границах диалогического единства обладает и модальным значением, дополнительно выражая отношение говорящего к тому, что случилось с государственным деятелем в его дальнейшей политической судьбе. Такая коннотация появляется благодаря разговорному неполному предложению, которое в диалоге со вторым лицом страны вызывает множество ассоциаций, возникающих в системе семантико-деривационных отношений лексемы *пойти*. Это связь с фразеологизмами: *голова пошла кругом, пойти ко дну, пойти по рукам, пойти вверх дном (прахом, кувырком), пойти к черту* [БАС, 10, 818]. Появляется и ассоциация со значением: «в карточной, шахматной игре – сделать какой-либо ход картой или фигурой» [БАС, 10, 820]. Актуализация шахматной рокировки становится всем понятной развернутой политической метафорой.

Очевиден и прагматический эффект короткой реплики В. Познера: интервью действительно продолжилось так, как было им запрограммировано. Собеседник вынужден был с пониманием принять подчеркнутый журналистом вектор разговора, о чем свидетельствует редупликация реплики в ответе, усиленная утвердительным *да*:

Д.А. Медведев: ***И пошло, да.*** <...> *Потом, после избрания Владимира Путина Президентом, уже стал первым заместителем руководителя Администрации, потом руководителем Администрации... (Да, да – Познер(1)) потом перешёл в Правительство – в тот период мы с Вами встречались, (Да – Познер(2)) обсуждали разные вещи. (Да – Познер(3)) Ну а потом был избран Президентом. Сейчас работаю Председателем Правительства.*

Выделенные жирным шрифтом однословные нечленимые предложения, близкие к вставкам говорящего лица в границах чужой речи, выполняют различные коммуникативные функции. Повтор реплики (1) в контексте языкового тезауруса говорящего лица не только подтверждает слова собеседника, но и, как кажется, провоцирует его переход к той части

информации, которую желательно получить автору передачи – процесс прихода Д.А. Медведева к власти не представляется эксклюзивным. Уходит В. Познер от этикетных любезностей, реагируя скупыми репликами (2), (3), в которых звучит модальность несущественности в данный момент слов важной особы о том, что они уже встречались.

Очевидно, разговор выстраивается в полном подчинении главной цели – вывести гостя на главные откровения, которых ждет сам журналист и его телезритель. Лаконичные замечания ведущего в контексте диалога, благодаря значимой интонации, позволяют отметить их диффузное модальное значение – это сигнализация и его активного внимания, и понимания того, о чем говорит гость, и удовлетворения от получаемой информации (возможно, именно это значение собеседнику кажется главным). И все-таки выделяется еще одна, как кажется, основная их функция – стремление деликатно сократить время на пути к кульминации разговора с ответственным лицом государства. Рассмотренная речевая ситуация является свидетельством высочайшего профессионализма В. Познера: даже его коротких нечленимых предложений (1), (2), (3) достаточно, чтобы выстроить разговор строго, четко и с наибольшим коэффициентом продуктивности.

Значима функция нечленимого предложения «Да» в речи В. Познера. Оказываясь на крайних точках модальной парадигмы, оно формирует энантиосемию, реализуемую в зависимости от семантики диалогического единства и просодических средств, которые могут придавать лаконичной реплике противоположные по смыслу значения, являясь своеобразным хронометром, провоцирующим краткость или развернутость ответов собеседника.

Высокий профессионализм В. Познера проявляется и в том, что он прагматически точно использует стилистические антиномии, чередуя разговорный стиль (иногда, кажется, намеренно косноязычный) с логически выверенной, четко выстроенной книжно-устной публицистической речью. Стратегические намерения говорящего, связанные с понижением речи,

становятся понятными в тезаурусе манеры публициста так вести разговор, чтобы получать информативный результат. Этого он добивается любыми способами, в том числе и использованием разговорного стиля: его непринужденный, доверительный тон успевает расположить собеседника, снять напряжение. И в момент, когда он слышит от ведущего программы нетривиальный, острый, не всегда лицеприятный для себя вопрос, основные черты коммуникативной ситуации уже сложились: дальше она развивается в силу инерции – искренне и откровенно.

Модальные оттенки стилистической окраски беседы, безусловно, зависят от характера задаваемых вопросов. Они могут формулироваться строго, четко, без элементов разговорности, иногда даже жестко. Их постановку ведущий тщательно готовит, находя им точное место в системе диалога, создавая при этом иллюзию спонтанности в неожиданном для гостя повороте содержания беседы. В речевой ситуации, требующей моментальной реакции, трудно отвечать осторожно и продуманно, и ведущий действительно добивается искреннего ответа. Стилистический эффект, связанный со смешением разных стилей, не только способствует результативности диалога, но и придает беседе особую живость.

Тонкая языковая стратегия ведения беседы свидетельствует о максимальной коммуникативной гибкости журналиста: о прекрасном знании психологии, логики, о его блестящем чувстве меры в дозировке острой информации, об умении создать атмосферу такой доверительности, когда не ответить на вопрос или ответить на него формально невозможно:

В.В. Познер: Вот – э... период был, когда Вы руководили Администрацией Президента. Может быть, Вы не знаете, но тогда Вам дали прозвище.

Д.А.Медведев: Какое?

В.В. Познер: Визирь. Вы в курсе?

Первое предложение приведенного диалогического единства как будто содержит некое сомнение в том, задавать ли вопрос. Это состояние

внутреннего дискомфорта говорящего передает начальный модальный компонент «вот – э...», который нельзя отнести к его языковым затруднениям. Коммуникативная цель этого «косноязычия» не ограничивается передачей только некоей неловкости по поводу остроты и нелицеприятности следующего за ним вопроса, а является еще и языковым намерением журналиста с мировым именем скрыться за маской обывателя, позиционировать себя рядовым гражданином, интересующимся тем или иным поступком лица, за которого он голосовал. Речевая тактика В. Познера оказывается беспроницаемой: ее цель смягчить жестко сформулированную дальше мысль, выраженную хлесткой, негативной предикацией *прозвище*, вполне заменимой эвфемизмами *дали имя, называли* и т.п.

Д.А. Медведев пространно реагирует на вопрос с явным желанием перевести серьезную коммуникативную ситуацию в плоскость шутки:

Ко мне никто так не обращался, не здоровался, не говорил: «Привет, Визирь!».

Остроумная реплика собеседника остается без реакции В. Познера, он повторяет вопрос:

Но как Вы думаете, почему Вам дали такое прозвище?

Лишь «но» в повторном вопросе В. Познера обнаруживает связь с замечанием премьера. Семантика этого союза между репликами собеседников, закодированная в словаре как функция противопоставления отдельного предложения другому предложению или ряду предложений («стоит в начале отдельного предложения, ограничивая то, что перед тем высказано» [БАС, 7, 1346]), прерывает попытку придать общению более легкий стиль. Использование данного, а не другого средства связи здесь прагматически точно. Союз «но» (что вполне соответствует его словарному значению) действительно вносит ограничения в диалог, подчеркивая, что все сказанное выше хорошо, но не очень значимо и время переходить к той информации, которую ждут от гостя. В результате Д.А. Медведеву

действительно приходится серьезно и обстоятельно рассказать о своих «доверительных отношениях с Владимиром Владимировичем Путиным».

Не давая собеседнику передышки во времени, как будто стараясь сохранить откровенный тон беседы, ведущий задает следующий, еще менее приятный вопрос:

***Вот** одним из признаков предстоящего взлёта Вашей карьеры многие посчитали, что именно Вы стали куратором так называемых национальных проектов. **Вот** почему мы ничего не слышим о них сегодня? **Как-то вот** нет разговора. И более того, слова «доступное жильё» **ну** по-прежнему всё-таки остались **ну** красивыми словами, лозунгом, но не очень-то реально.*

Это наиболее острая тема для гостя, и в ее изложении стиль речи журналиста значительно понижается. Разговорные, многократно повторяемые частицы *вот, ну* обнаруживают замешательство, сигнализируют о том, что не только отвечать на поставленный вопрос, но и задавать его не очень приятно. Однако роль дискурсивных слов этим не ограничивается. Вероятно, она еще и в том, чтобы смягчить откровенно негативную оценку главного обещания лица, выбираемого на должность премьер-министра, – его идеи *национальных проектов*, ставшей очередной утопией, *красивыми словами, лозунгами*. Такая характеристика ключевой позиции предвыборной программы второго лица в государстве на фоне вербального минимализма В. Познера равна эффекту разорвавшейся бомбы. Но и она прагматически мотивирована: ее цель не в демонстрации собственной смелости, а в желании настроить собеседника на серьезный, ответственный, достойный его статусу тон. И второе лицо государства обстоятельно, подробно отвечает на вопрос, разделив ответ на логически последовательные части иерархически выстроенной триады.

Четкость концептуальной линии на протяжении всего разговора обеспечена прагматически верно выстроенной коммуникативной стратегией в самом начале разговора, логически безупречной взаимосвязанностью в одной непрерывной цепи ряда вопросов. Значимость личных предпочтений при назначении на высшие государственные посты, коррупционное руководство

Министерства обороны и нерешенные проблемы жилья – именно они породили огромные негативные последствия для страны. И когда Д.А. Медведев вновь обращается к фамилии *Сердюков*, то следует короткое нечленимое предложение В. Познера: *Да*. В его речи это сигнал к тому, что он готов внимательно выслушать собеседника, что он удовлетворен его пониманием важности темы. Замечание премьер-министра о том, что «ситуация внутри Министерства обороны <...> не настолько **волнует** людей, как ситуация в МВД» встречено резкой, не соглашающейся с подобным мнением репликой, структурно противоречивой по отношению предикативных частей, но абсолютно понятной в смысловом отношении: *Да, но волнует*. В ответной реакции журналист охотно соглашается с тем, что сотрудники Министерства обороны действительно должны были бы интересовать общество значительно меньше, чем те, кто каждый день следит за порядком и безопасностью граждан, – и реакция на эту объективность утвердительная часть реплики (*Да*). Однако это согласие становится иллюзорным в свете того, что именно это министерство погрязло в коррупции, а значит, обокрало миллионы налогоплательщиков, и эта часть оценки передается сочинительной связью, формирующей, по остроумному определению А.П. Журавлева, «конструкцию катастрофы» – «наиболее дисгармоничную конструкцию, в которой констатируется нарушение причинно-следственных отношений» [Журавлев1987, 181-185].

И действительно, «да» в первой части ССП могло бы звучать утвердительно, если бы не уступительно-противительное значение союза «но», который подчеркивает, что первая часть должна быть причиной второй, но не стала. В тезаурусе злобы дня ведущий подтверждает, что в обычной ситуации все происходит именно так, как говорит премьер, однако союз *катастрофы* напоминает о конкретной коррупционной истории, нарушающей логико-иерархическую традицию в вопросе того, что больше волнует граждан. В результате предикация *да* актуализирует здесь не только

и, может быть, не столько утвердительный смысл, сколько этикетный, контактоустанавливающий, дающий сигнал о том, что слова гостя услышаны.

Д.А. Медведев вынужден согласиться, правда, в уступительной форме: «Хотя **волнует**, и некоторое время назад **волновала** ещё больше». Глагол *волновать* становится доминантной лексической единицей в границах рассматриваемого диалогического единства. Введенный собеседником со вторым производным значением («приводить в возбужденное состояние; беспокоить, тревожить»), в реплике В. Познера, объединяющей противоречащие предикации, он семантически обогащается третьим значением: «подстрекать, побуждать к волнениям» [Словарь в 20 т., II, 1991, 420]. Диффузное значение еще более укрепляет главную семантическую позицию глагола в диалоге [Шмелев, 1973, 80]. Многократно повторенный глагол становится ключевым словом, и вряд ли в ходе спонтанной беседы собеседник успеет оценить его глубинное значение, скрытую тонкую полемичность и дополнительное модально-негативное значение в реплике журналиста. В результате диалог продолжается продуктивно, так, как замыслил его автор передачи, довольно равнодушно выслушивающий пространные объяснения гостя по поводу состояния дел в Министерстве обороны. Проблема обнажена, и ведущий понимает, что в этой части темы бессмысленно ждать полной информации, которая могла бы удовлетворить его и телезрителей. Он меняет тему разговора, не отказываясь окончательно от предыдущей проблемы, но ставя ее более широко и принципиально:

Для Вас что важнее – профессионализм или личная преданность? И то и другое играет роль всё-таки.

Вопрос предлагает выбор. Вторая предикация выражает модальное отношение говорящего лица к поставленному вопросу. В ней дизъюнктивно связанные в первом предложении слова представлены в виде соединительных отношений местоименных слов-заместителей с предикативным признаком важности наличия обоих свойств. Однако уступительно-противительная частица *все-таки* вносит дополнительный оттенок, выражающий сомнение

относительно их одинаковой значимости. Здесь очевидна попытка ориентировать собеседника на объективный ответ, который мог бы если не извинить, то сделать понятными ошибки, допущенные генеральной властью, – кому не ясно, что именно доверительные отношения с главным лицом государства могут спровоцировать коррупцию чиновника, вызвав у него ощущение полной свободы и безнаказанности. Ответ, однако, уходит от правды даже по выстраиванию в соответствии с элементарной логикой (*Конечно, профессионализм*), что, видимо, тоже прогнозируется В. Познером. Он продолжает беседу, никак не обнаруживая неудовлетворенности от категоричности полученной информации. Создается впечатление, что интервьюер готов услышать любой ответ, что все возможные варианты запрограммированы, просчитаны и на каждый из них продумана та языковая стратегия, которая обеспечит прагматический эффект. Он предлагает выраженную контекстуальными антонимами дилемму, и ответ получен – его содержание не оставляет ни малейшего сомнения в том, что лиц, выдвигающихся на должности в высшие структуры власти, премьер и президент знают очень хорошо:

В. Познер: *А были ли люди, которым Вы предложили войти в Правительство и которые отказались?*

Д.А. Медведев: *Нет, таких людей не было, потому что когда я предлагаю, я понимаю: если я что-то предложил, со мной согласятся. А если я понимаю, что человек не хочет где-то работать, я никогда и не предложу, чтобы не ставить его в неловкое положение, ну и себя в такое же положение. Все, с кем я разговаривал, все вошли!*

Ряды предикатов *предлагаю, предложил, согласятся*, с одной стороны, и *не хочет работать, не предложу* – с другой, вступающие в отношения противопоставления посредством одного и того же предиката со значением понимания, оказываются контекстуальными антонимами, позиция которых усилена предикатами *предлагаю – не предложу*. По тому, как решается вопрос назначения во властные структуры лиц, понятно, что глава правительства

хорошо знает, кого следует, а кого не следует туда предлагать. А откровение «я понимаю: если я что-то предложил, со мной согласятся» не вызывает ни малейшего сомнения в том, что это знание касается не только досье претендента. Прямой ответ премьера стал неизбежным следствием тонко продуманной языковой стратегии В. Познера.

Успех диалога очевиден. Его дальнейший прагматический эффект обеспечивается пространной антиномией развернутой антонимией, связанной с самостоятельностью премьер-министра во Франции и несамостоятельностью его в России. Монолог ведущего – необходимая преамбула, чтобы задать следующий вопрос. Его первый вариант звучит так, как будто ведущий ищет ориентиры для того, чтобы беседа получила точное направление:

У Вас нет опасений, что и Вас будут рассматривать именно как технического Премьер-министра, который... ну вот там для этого, но не для того, чтобы проявлять какие-то свои взгляды?

Знающий В. Познера телезритель понимает, что синтаксически вялая, аморфная постановка вопроса, с заминкой в виде местоименных повторов – это попытка деликатного ведущего опять смягчить очень неприятное для любого премьера предположение, что он является не властвующей, и лишь *технической фигурой*. И собеседник с удовольствием парирует его последние слова: «Вообще-то задача премьер-министра – не взгляды проявлять...». *Взгляды* – лексема многозначная. Только в границах третьего его значения (точка зрения, оценка) закодирован целый ряд лексически связанных оттенков, среди которых находим такой, как «государственный взгляд на что-л.» [Словарь в 20 т., 1991, II.,198]. Понятно, что *взгляды* в реплике В. Познера имеют не то же значение, которое актуализируется премьером, но ведущий торопится коротко и подчеркнуто согласиться с услышанной оценкой премьера: *Согласен, да.*

Сопоставительные антиномии реализуются и в следующем вопросе ведущего, который обращает внимание на темпы обновления, с одной

стороны, состава правительства, а с другой – «Единой России»: «Посмотрите, Правительство обновлено на три четверти. А можно ли сказать, что руководство «Единой России» вообще обновлено?». Цель ведущего очевидна: он ждет информации о партийном статусе премьер-министра в «Единой России», для чего собеседнику дается подсказка – *самый главный*, она дословно повторяется Д.А. Медведевым с добавлением вводного слова «между прочим», которое придает подтверждению модальность уместности разговора о его роли в партии. Редупликация оценки, выраженной суперлативом, становится смысловой доминантой диалога, обогащаясь ассоциациями уже ушедшего, но еще не забытого времени, когда глава государства и партии совмещались в одном лице, не представлявшем при этом реальной власти. Вывод из этого фрагмента беседы имплицитно без особого труда: построение коммунизма и капитализма в России в чем-то удивительно сходны.

И телезритель, благодаря ведущему, находит подтверждение своим соображениям в словах премьера, который сам признается в том, почему все буксует: оказывается, все дело действительно в нежелании *взгляды проявлять* – может, это самоустранение и стало поводом для отсутствия «государственного взгляда» на все, что делается в стране.

В. Познер очень четко дифференцирует информацию Д.А. Медведева с точки зрения ее важности. На готовность собеседника объяснить процедуру голосования он реагирует коротко и как будто нехотя: *Ну давайте*. Толковый словарь кодирует выражение «Давая, давайте» как просторечное, лексически связанное, выражающее «понуждение к действию» [БАС, 3, 524]. Частица *ну*, входящая в состав императивного предиката, еще более осложняет коннотацию предложения, реализуя диффузное значение: побуждения [БАС, 7, 1439], усиления [БАС, 7, 1440], допущения [БАС, 7, 1441]. Формула этикета, обслуживающая несколько иные коммуникативные ситуации, достаточно определенно актуализирует, что ведущий не испытывает почтения к партии «Единая Россия» и не рассчитывает на откровения одного из главных ее

членов. На реплику Д.А. Медведева «Она [ситуация – Л.К.] достаточно проста» следует нечленимое предложение:

В. Познер: *Так.*

Трудно определить функцию реплики – контактоустанавливающая или подтверждающая, – но в любом случае в ней достаточно отчетливы модальные оттенки, оценивающие ситуацию как такую, в которой действительно «довольно простоты». Вопрос исчерпан, и лидеру правительства предлагается оценить всем известную рокировку в контексте негативного к ней отношения.

Следующий вопрос В. Познера, как он сам его характеризует, «из разряда “если бы”»:

... Если бы Вы понимали, что так случится, как случилось, Вы бы по-другому это представили, чем было представлено?

Д.А. Медведев: *Нет.*

Далее следует короткая реплика В. Познера: *Всё равно – нет?*

Первую часть БСП можно эксплицировать следующим образом: «несмотря на осуждение гражданами предпринятой на выборах рокировки». В ней реализуется модальное значение удивления, сожаления, даже недоверия к абсолютной искренности слов премьера, что передается словом категории состояния *все равно*. Оно употреблено здесь в диффузном значении: 1) «совершенно безразлично, одинаково; 2) «в любом случае, при любых условиях; 3) «тем не менее, все-таки» [Словарь в 20 т., II, 153]. Вторая часть – *нет* – повторяет реплику Д.А. Медведева, но в соответствии с предтекстом имплицитно дополняет семантику: «продолжает настаивать на политкорректности выборов». В контексте диалога структурно-семантический характер реплики ведущего лица не только содержит коннотацию протеста против случившейся в России выборной интриги, но и, что важно, выражает недоумение по поводу абсолютно спокойного отношения к ней одного из главных ее участников.

Синтаксические средства языка в единстве с четко выстроенной информацией, которую желает получить журналист, несмотря на высокий

политический статус интервьюируемого лица, тоже искусственного в части ведения диалога, позволяют добиться несомненного прагматического эффекта. Диалог становится интересен и телезрителю своей неожиданностью, умением интервьюера сохранять баланс высочайшей интеллигентности, с одной стороны, и смелости в постановке вопросов, умения добиваться ответа – с другой. Информативная результативность интервью свидетельствует о высоком профессиональном уровне журналиста, каким, безусловно, является В. Познер. Его кажущаяся речевая пассивность, предельная скупость реплик, имитация речевых затруднений, акцентирующая разговорный характер речи при четко выстроенных антиномиях, вынуждающих отвечать прямо, подчеркивают языковое мастерство журналиста. Прямота в выражении своей позиции, безусловно, связана с той внутренней свободой, какая может быть только у высокообразованного человека, настоящего профессионала, который на все имеет свое мнение и позволяет себе его высказывать, не страшась возможных превратностей судьбы.

Речь ведущего кажется, с одной стороны, спонтанной, ориентированной на реакцию собеседника, на его готовность отвечать на вопрос, с другой – детально продуманной во всех версиях поворота беседы, четко нацеленной на прагматический эффект.

3.3. Прагматическая значимость гендерной детерминации в жанре интервью

Языковая стратегия В. Познера в беседе с Ренатой Литвиновой имеет свои особенности. Тонко, деликатно, нетипичными для него приемами выстраивания языковой стратегии он добивается коммуникативного результата в разговоре с изысканно-интеллектуальной женщиной, актрисой, режиссером, телеведущей. Прагматический эффект в этом случае во многом обусловлен тем, что линия речевого поведения детерминируется гендерными особенностями интервьюируемого: гостье свойственны ирония, уклончивость в ответах, жесткость и острота реакции, когда нарушают ее личное

пространство. Принципиальная языковая перестройка журналиста отражена в таблице, отражающей факт преимущественного употребления им полных предложений: их почти в два раза больше, чем в интервью с премьером. В разговоре с дамой интервьюер отказывается от своего обычного беглого, лаконичного стиля речевого поведения. Неполные предложения присутствуют в его репликах, но лишь как реакция на лестные в свой адрес слова собеседницы, которые неловко оставить без какого-то вербального знака, подтверждающего, что они услышаны. Эту функцию выполняют неполные предложения, именуемые нечленимыми, имплицитными предикативное отношение, которое сигнализируется компонентами, не входящими в конструктивный состав предложения.

Таблица 5 отражает факт преимущественного употребления В. Познером полных предложений: их почти в два раза больше, чем в разговоре с премьером. К особенностям речи можно отнести такое построение реплик, которое отличается особой деликатностью, толерантностью в отношении к проявлению женской логики в рассуждениях гостыи.

Таблица 5.

Выборки	Простое неосложненное предложение			Простое осложненное предложение	Сложное предложение
	Полное	Неполное	Нечленимое		
1. «Познер» с Д. Медведевым	8	1	6	13	24
2. «Познер» с Р. Литвиновой	15	1	10	16	23

3.3.1. Тематический маркер первого вопроса как вектор языковой стратегии беседы

В беседе с Ренатой Литвиновой проявляется речевая гибкость журналиста. Успех в умении открыть для телезрителей интересные стороны ее внутреннего мира обязан точно выстроенной В. Познером речевой стратегии, учитывающей основные свойства коммуниканта.

Точен выбор тематического маркера первого вопроса:

– *Как вам погода сегодня?*

Это не просто тривиально-этикетный вопрос: он декларирует свободу выбора тех экзистенциальных ценностей, которые интересны гостье и о которых она хотела бы говорить. Характер ответа на него может определить любую тему разговора. И реплика актрисы действительно кажется многообещающей: *Да, одновременно все стихии. Тяжеловато.* В вопросе, безусловно, заложен расчет на то, что отношение Р. Литвиновой к погоде не может быть простым и обязательно выведет разговор на уровень других тем. И действительно, безличное предложение, выраженное словом категории состояния, дает характеристику не столько погоде, сколько собственному состоянию, физическому и (или) психологическому. Гостье предлагается уточнить многозначное слово категории состояния:

– *Да. А не депрессивная, нет?*

В подчеркнуто отрицательной части реплики В. Познера содержится пропозиция утвердительного ответа. Однако вопрос ведущего неожиданно вызывает подчеркнуто отрицательную реакцию гостьи, которая категорически не соглашается с предположением о влиянии погоды на ее состояние: *Нет. Кстати, я не завишу от погоды.*

В ответах непредсказуемой гостьи совместимыми оказались несовместимые суждения об отношении к погоде, такие, как *тяжеловато – мучительно, тягостно* [БАС, 15, 1258 –1259] и *не завишу от погоды*. Однако В. Познер не выявляет открытого отношения к очевидному алогизму, выражая лишь модальность сомнения по поводу реакции гостьи на погоду посредством ряда отрицательных нечленимых предложений, имеющих позицию своеобразных вставок говорящего лица в речи собеседницы:

– *Нет? Не-а. Совсем нет? Нет.*

Они не требуют ответа и не имеют намерения уличить собеседницу в явном противоречии, а лишь выражают удивление по поводу ровного отношения гостьи к непогоде, как будто ей и не принадлежала предикативная

оценка «Тяжеловато». Ведущий пока ставит в теме погоды точку – как покажет дальнейшее развитие беседы, она окажется многоточием:

– Здорово. Многие завянут. Ну хорошо.

Между оценкой независимости от погоды гостя, с одной стороны, и зависимости от нее большинства – с другой, отношения уступительности, позволяющие правильно воспринять последнее предложение реплики. Оно подводит итог диалогического единства, выраженный словом категории состояния *хорошо* с частицей *ну* со значением допустимости и некоторой неуверенности в том, что гостя была абсолютно искренна.

3.3.2. Цитация слов собеседницы и ее кинематографической героини как способ получения информации

В. Познер проявляет поистине мужской такт в беседе с острой на язык женщиной-коллегой. Он отказывается от словесной пикировки с коллегой, которая могла бы сделать беседу захватывающей, а меняет не принесшую успеха тему разговора, предпринимая новые тактические шаги, чтобы придать беседе откровенный характер. Поводом для этого становится цитация когда-либо сказанных собеседницей слов, так или иначе обнаруживающих ее основные жизненные принципы:

В. Познер: *Как-то вы сказали такое, что "давать интервью – тяжелая необходимость" и что это почти бессмысленно.*

Р. Литвинова: *Да. Если я себя за что-то осуждаю, то, конечно, за эти иногда интервью. Но к вам-то – это же можно.*

Вопрос интервьюера, как видим, прагматически безупречен: он деликатно, тактично, ненавязчиво пытается узнать, на что лично он может рассчитывать. Гостя имплицитно продуктивность их разговора тем, что дает оценку личности ведущего, подчеркивая его такт, осведомленность, избранность. Лестные слова, как обычно, остаются без признательной реакции автора передачи:

В. Познер: *Ну ладно, а почему бессмысленно-то?*

Нечленимое предложение *ладно* («пусть будет так» [БАС, 6, 27]) в сочетании с частицей *ну* выражает условное значение допустимости: «допустим (положим), что так» [БАС, 7, 1441]. Реакция на абсолютно справедливые слова Р. Литвиновой, редко дающей такую высокую оценку коллегам, вряд ли кого-то оставило бы равнодушным. Но В. Познер возвращает диалогическое единство к началу, с упорной настойчивостью включая в повтор вопроса слово «бессмысленно», но уже не в функции сказуемого двусоставного предложения, а в роли безличного предиката – слова категории состояния. В таком употреблении оценка приобретает более емкую семантику, не только характеризуя интервью, в которых приходилось участвовать Р. Литвиновой, но и трансформируясь на многое другое, что может быть отнесено гостьей к бессмысленности. Видимо, такая, оказавшаяся слишком широкой оценка дала возможность собеседнице осознать неуместность деструктивно-отрицательной позиции в отношении к журналистам, поэтому она все-таки находит мотивацию бесед с ними, честно указывая на их коммерческую необходимость:

– *Все-таки, надо ему [фильму – К.Л.] помогать как-то в прокате.*

Актриса признается, что фильму (речь идет о «Последней сказке Риты») надо помогать, что дает возможность зрителю лучше понять цену успеха элитарного кино. В. Познер поддерживает эту реплику, замечая, что успел посмотреть фильм Р. Литвиновой, но на слова благодарности («Спасибо большое») реагирует неизменно скупой, нечленимым предложением: *Ну уж...* В нем *уж* [БАС, 16, 373] в сочетании с *ну* актуализирует значение: *не стоит благодарности*. На признательность актрисы по поводу того, что ее фильм «поддержали <...> рублем», ведущий отвечает столь же лаконично, нечленимой репликой: «Да».

Все языковые ресурсы диалога направлены В. Познером на раскрытие внутреннего мира собеседницы. И, конечно, авторское кино – прекрасный повод для доверительного разговора людей, тонко понимающих значимость искусства для самовыражения тех, кто его делает. Разговор приобретает

захватывающий характер, открывая телезрителю главные ценности притягательно красивой, стильной и при этом не по-женски умной и волевой Р. Литвиновой. После кратких, лишь поддерживающих беседу реплик, следует развернутая триада, состоящая из синтаксически параллельных, бессоюзных по построению предикаций. Они завершаются придаточной частью следствия со значением вывода, итога, идентификации:

Да. Вы – режиссер фильма, вы – сценарист фильма, вы играете главную роль, так что можно, действительно, сказать, что это ваша картина. Насколько это может быть картина одного человека, это ваша картина.

Повтор предиката изъяснительной части ССК *ваша картина* в главной части следующего предложения прагматически точно подводит собеседницу к выводу о том, что фильм не может не отражать ее взглядов на основные мировоззренческие вопросы, поскольку является ее детищем. Она отвечает полным согласием, замечая, что в работе над картиной у нее «был соратник Земфира». На что следует краткая, лишь подтверждающая знание этой информации реплика В. Познера:

– Правильно. У меня такой вопрос. Вы в этом фильме играете медсестру Таню Неубивко, которая, на самом деле, является смертью.

В. Познер отказывается эксплуатировать тему творческого альянса «Литвинова – Земфира», хотя, конечно, знает не всегда здоровый интерес, который проявляют к нему СМИ, угождающие обывателю. В дальнейшем выстраивании реплики он как будто торопится уйти от возникшей темы, вербально изложив свое собственное коммуникативное намерение и реализовав его.

Неожиданный, прямой, стремящийся получить любые сведения о собеседнике даже самого высокого ранга, не щадящий его в постановке вопросов, основывающихся на самых сомнительных источниках, В. Познер совсем иначе выстраивает свое речевое поведение интервьюера с женщиной, тонко балансируя между *дозволено и не дозволено*. И эта галантность не мешает, а помогает В. Познеру реализовать профессиональные задачи. Он

прагматически успешно ведет собеседницу к откровенному разговору, исключая вероломное вторжение в ее внутренний мир, пользуясь наиболее верным приемом дать возможность актрисе высказаться, оставаясь в привычной для нее теме авторского кино.

И Р. Литвинова, обычно скрывающаяся за своими парадоксальными афоризмами, начинает делиться сокровенными мыслями. В. Познер терпеливо ждет знака со стороны собеседницы, после которого можно задать ей вопрос. Им становится предложение («То есть каждый может себе навоображать, и это, кстати, сбудется»), в котором присутствует местоименный субъект *каждый* со значением «один из всех, взятый отдельно; всякий, любой из себе подобных» [БАС, 5, 651].

В. Познер: *Вы как-то сказали так, что вы смерти не боитесь, вы боитесь бессмертия. Это как понимать?*

Эту парадоксальную фразу собеседница оценит как просто «красивую», тем самым поставив точку и возведя барьер на пути дальнейшего развития этой темы (ей комфортней говорить о своих кинематографических персонажах, чем о себе). В. Познер повторяет вопрос, но ставит его лишь к первой части афоризма:

Вы и в самом деле, во-первых, не боитесь?

В результате как будто без внимания остается эпатажная часть суждения собеседницы о *боязни бессмертия*. Намеренно разрушая «красивую фразу», В. Познер реализует (что подтвердится в ходе диалога) два прагматических момента. Во-первых, деликатно выразить сомнение в ее *боязни бессмертия* фигурой умолчания в адрес этих слов, во-вторых, способ продлить разговор на заданную им тему и все-таки получить нужную информацию, не прибегая к императивному тону. В результате, не имея никакого собственного интереса к проблеме смерти, к тому же мало соответствующей жанру телевизионной беседы с красивой женщиной, он все же продвигает беседу в направлении получения результата.

Его вопрос оказывается семантическим мостиком для выяснения значимости употребленной собеседницей лексемы “бессмертие”, которая мотивируется ею как отсутствие страха смерти, детской верой в бессмертие – нефизическое небытие, а нечто другое, мистическое, что не принимает В. Познер. Зная об этом, она адресует В. Познеру вопрос-утверждение: «Но вы же атеист?» Ответ лаконичен и четок: «Я – да».

В структурно-семантическом строении реплики подчеркнута принципиальная позиция, даже некое противопоставление себя всем, в том числе и ей, у кого иное отношение к религии. Здесь можно было бы опустить позицию субъекта в виде дейксиса говорящего лица (она ясна), но именно местоимение позволяет индивидуализировать мнение, представить его продуманным и незыблемым, благодаря наличию глубокой паузы перед предикатом, акцентирующей уверенность в своем «да», несмотря ни на какие веяния времени.

В свете этого воспринимается и следующая реплика, подтверждающая предположение о простом и ясном его отношении к физической смерти:

Я абсолютно точно знаю, что есть смерть. Я же, все-таки, биолог к тому же. Я ее не боюсь. Но я понимаю, что это конец для меня.

Параллельные предикации с четырехкратным повтором позиции говорящего лица в сочетании с предикатами «знаю», «биолог», «не боюсь», «понимаю» выражают ту ясность мировоззрения личности, при которой интереса к смерти, как и вообще к вопросам мистики, у него быть не может. На вопрос о душе В. Познер дает ответ атеиста:

Да у меня нет никакой души, и ни у кого нет. На мой взгляд. Но это не важно – я никому не хочу ничего навязывать.

Безличные отрицательные предикации с частным и общим субъектом, исключающие наличие души не только у субъекта речи, но и абсолютно у всех, ему подобных, решительно отвергают какой-либо сакральный смысл обсуждаемого понятия – складывается впечатление, что в постоянно

меняющемся мировоззрении автора (в чем он сам откровенно признается) взгляд на религию оказался единственной неизменностью.

Попытка снять категоричность высказывания посредством двух последующих модальных предложений, одно из которых подчеркивает и без того очевидный источник мнения, а второе – его неважность и нежелание навязывать кому бы то ни было, воспринимается, скорее, как этикетный шаг, обеспечивающий продолжение диалога. Предпринятая речевая тактика вполне оправдана абсолютной уверенностью в том, что собеседница уважает принципы другого человека.

Телезритель получает пример того, как можно и нужно разговаривать людям противоположного пола, да еще и с несовместимыми мировоззренческими позициями. В. Познер признательно, но лаконично реагирует на уважение Р. Литвиновой чувств как *верующих*, так и *неверующих*, торопясь в ситуации вербально зафиксированного взаимопонимания вернуться к оставленной выше теме разговора:

Очень хорошо. Но на самом деле, это была просто красивая фраза, что вы боитесь бессмертия?

Не получив удовлетворяющего его ответа, то есть не сумев реализовать коммуникативную задачу на данном этапе диалога, он не проявляет нетерпения, неудовлетворения ответом, а с завидным спокойствием возобновляет разговор о смерти. Стратегия развития диалога подчинена не столько выяснению отношения собеседницы к самой смерти (это уже небытие, в любом случае не располагающее доказательствами формы), сколько вопросу старости. Обратим внимание на логически и семантически точно подобранное В. Познером слово «переход», позволившее, несмотря на инакомыслие гостьи и ее нежелание анализировать собственное суждение – «красивую фразу», прийти собеседникам к полному пониманию и согласию:

В. Познер: *Если есть переход, то так. А если нет, то все равно так. Тогда смотрите. До этого, почти у всех наступает старость. Некоторые*

умирают молодыми, но, все-таки, чаще в старости. Как вы к старости относитесь?

Р. Литвинова: *Да. Это такое слово, которым мы называем вот туда переход.*

Это пример того, как удачно выбранное из семантической парадигмы слово, примиряющее два мировоззрения и удовлетворяющее обоих, может изменить ход беседы. Найденная точка пересечения свидетельствует и об уверенности ведущего в том, что он и его собеседница все-таки в большей степени единомышленники, что некий здравый взгляд на проблемы жизни и смерти у них преобладает над разделяющим их отношением к религии.

Достижение коммуникативной победы на определенном этапе хода беседы дает автору уверенность в том, что он будет правильно понят, если задаст не очень деликатный по отношению к женщине вопрос о ее отношении к старости. Редупликация слова и связь его с обобщенным субъектом, куда с очевидностью входит и говорящее лицо, позволяет собеседнице понять важность вопроса для ведущего и дать на него искренний, откровенный ответ: «несправедливый это процесс». Пользуясь ключевым словом Р. Литвиновой в ее оценке старости, В. Познер переходит к актуальным вопросам жизни, пытаясь сохранить доверительный характер беседы:

– А разве жизнь справедлива?

Отрицательный ответ собеседницы вполне прогнозируем: «Нет, не справедлива. Это мы, конечно, пытаемся в искусстве восстановить баланс, но в мире, конечно, идет приумножение зла и работает этот закон как-то страшно и неотвратимо. И, наоборот, меня удивляет, что существуют еще люди добрые, порядочные. Вот это вызывает, конечно, скорее удивление, чем это норма». Судя по заинтересованной, подробной реакции на вопрос, Р. Литвинова готова продолжать разговор на заданную тему. Но хронометр ведущего подсказывает, что время перейти к исключительно гендерным вопросам, наиболее интересным в беседе с красивой и талантливой женщиной. Он предлагает прокомментировать слова, которые его поразили: «Мне совсем не

нравятся женские реакции, – говорите вы. – Я не люблю, когда женщины плачут, интригуют, сплетничают. Меня это как-то ломает. И мне это непонятно».

Оставляя без внимания ответ Р. Литвиновой, мотивирующий цитату тем, что отмеченное в ней поведение женщины мешает процессу работы, – он задает следующий вопрос, пытаясь обнаружить исключительно женскую суть гостыи:

С вами такого не бывает?

Прямой отрицательный ответ дает ему основание привести еще одно ее изречение, с отрицательной характеристикой мужчин – «слабым полом», в сравнении с которым женщины признаются «интересней». По эмоционально-модальному ответу Р. Литвиновой видно, что она взволнована, оставляя право называться мужчинами только за людьми поколения В. Познера. Тонко подведя собеседницу к тому, что она несколько противоречива в гендерных характеристиках, В. Познер в очередной раз не акцентирует внимания на ее алогизме и вознаграждается если не ясностью ответа по поводу того, кто лучше – мужчины или женщины, то, по крайней мере, инициированным ею разговором о любви. Его реакция свидетельствует о готовности обсуждать тему, в частности, рассмотреть три варианта проявления чувства и их соотношения: *страсть, влюбленность, любовь*. На вопрос ведущего о моногамии следует ответ: «Да. Мне кажется, это [моногамия – К.Л.] сохраняет твою энергию». Он провоцирует некоторое удивление В. Познера: «Но вы же дважды были замужем, правильно?». Реакция Р. Литвиновой на него вполне предсказуема: «Ну, вот... "Дважды замужем". То есть мы будем про личную жизнь говорить?». В незамедлительно последовавшем извинении В. Познера «Нет, я больше не буду. Но просто моногамность...» первую часть можно охарактеризовать как этикетную, звучащую по-детски наивно, но точно с точки зрения речевой тактики: детям прощается все. Его простодушные слова способствовали успешному продолжению беседы без всякой оглядки на показавшийся гостыи нескромный вопрос, который относился, по ее мнению,

к той сфере жизни, которая никого не могла касаться. Но В. Познер читит и своего телезрителя, понимая, что его программу смотрят миллионы людей, среди которых есть и те, кому интересна информация о семейном положении его гости. Не погружаясь в мир пошлых сюжетов, которыми пестрит телевидение, с удовольствием копающееся в частной жизни, интервьюер, будто обмолвившись, прося извинения за бестактность, находит все-таки возможность сообщить о том, что Р. Литвинова дважды была замужем.

В. Познер получает максимальный информативный результат в беседе с загадочной, интригующе неожиданной, состоявшейся в профессии женщиной. Его речевое поведение в общении с ней показывает, что мало быть журналистом с мировым именем, виртуозно владеющим жанром интервью, – необходимо быть настоящим мужчиной.

Выводы по третьей главе

Устная речь В. Познера имеет свои особенности, отражающие факт присутствия реальных собеседников, позиция которых по отношению к говорящему лицу непосредственна. Если для писателя и в публицистическом тексте главной коммуникативной задачей является установление контакта с читателем, то в устных формах речи такая целевая установка становится основополагающей.

Одной из задач лектора является создание живой атмосферы, иллюзии спонтанной речи (она иногда создается даже речевыми заминками), мотивирующей активность слушателей. Он отдает себе отчет в том, что аудитория многообразна: 1) безучастная, пассивная 3) потенциально активная, внутренне реагирующая на информацию, 4) активная, непосредственно участвующая в речемыслительной деятельности. Всеми языковыми средствами говорящее лицо решает задачу привлечения к содержанию речи максимального количества активных слушателей. Этому служит свободное выражение чувств посредством нетривиальных слов, эксплицирующих чувства по отношению к собравшимся. Установив эмоциональный контакт, он

переходит к передаче своих мыслей, максимально точно оформляя их в тщательно выбранные из парадигм синтаксические конструкции, создающих впечатление не воспроизводимой, а производимой речи, включающей собеседников как ее активных участников: четкость в местоименном распределении функций коммуникантов, антецедент, вопросительное предложение.

Интервью предполагает активную коммуникативную позицию интервьюируемого и нацелено на получение максимума информации от него, поэтому прагматический эффект достигается говорящим лицом посредством четко разработанной системы вопросов, учитывающей варианты ответов собеседника.

Отличительным языковым свойством интервью В. Познера является сочетание в нем, с одной стороны, тщательной продуманности, а с другой – спонтанности, которая достигается глубокими знаниями о собеседнике, такими, которые позволяют прогнозировать любые версии его ответа.

Рассмотренные интервью показали, что языковая стратегия ведущего строится с учетом основных для реализации коммуникативного процесса индивидуальных свойств собеседника: социальный статус, профессиональные свойства, возраст, гендерные особенности.

Интервью с высокопоставленным лицом отличается максимальным лаконизмом реплик В. Познера, создающего, тем не менее, такие прагматически выверенные антиномии, благодаря которым он получает максимально информативный результат.

Прагматический эффект речи В. Познера с Р. Литвиновой детерминирован учетом гендерных особенностей собеседников. Всегда готовый воспользоваться речевыми просчетами собеседника, он не прибегает к языковым капканам в разговоре с женщиной-актрисой, давая понять, что без ее разрешения не сделает ни малейшей попытки нарушить ее личное пространство. Создается впечатление, что он бережно охраняет собеседницу от собственного же острого слова: не замечает исключительно женских

алогизмов, не ловит собеседницу на слове, не задает вопросов в лоб, а ищет и находит такие объединяющие их представления о мироустройстве, которые позволяют идейно сблизиться и на этой основе реализовать коммуникативные амбиции обоих. Одним из главных методов получения интервьюером информацию стала реакция гостя на цитацию В. Познером высказанных ею и ее кинематографической героиней мысли. Его интервью с актрисой, режиссером и ведущей пример того, как мужчина должен разговаривать с женщиной, если он ставит цель добиться прагматического эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ языкового феномена В. Познера показал, что именно синтаксис формируют его неповторимый стиль, так как на коммуникативном уровне, во-первых, осуществляется связь «процесса мышления и процесса коммуникации», во-вторых, реализуются «индивидуальные особенности речи». [Голубева, 2012, 195]. Доминирующая роль синтаксиса очевидна как в книге «Прощание с иллюзиями», так и во всех жанрах устных выступлений, причем авторские предпочтения в выстраивании языковой стратегии совпадают во всех формах речи.

Монологическая письменная, монологическая устная и диалогическая устная речь В. Познера и всех единиц ее членения представляет собой оптимально выстроенную систему, находящуюся в полной гармонии с некоммуникативными единицами языка, которые ее заполняют. Организация письменной и устной речи, основывающаяся на единстве структуры и ее лексико-семантического содержания, дает возможность слову максимально успешно реализовать тот смысловой потенциал, который соответствует коммуникативным задачам автора.

В работе дан анализ доминирующим синтаксическим построениям в речи В. Познера, которые достигают необходимого прагматического эффекта.

Статистические данные выборок из книги «Прощание с иллюзиями» показали, что, как и соответствует публицистике, самый многочисленный класс предикативных единиц (58,6%) представлен сложными предложениями. Самая высокая частотность среди них СПП (64, 2%) с их четко выраженной иерархией предикативных частей и точной экспликацией семантических отношений между ними. Велика частотность многочленных сложноподчиненных предложений (34%) в сравнении с БСП (9,7%) и ССК (22,7%), что объяснимо наличием у них единой темы при полипредикативности придаточных частей, которые устремлены к главной части, распространяя ее, способствуя развернутому выражению содержания всего целого.

Предположение, что разновидности публицистического стиля книги должны иметь конструктивные различия, отражено в процентном соотношении различных синтаксических единиц. Например, в книге среди других компонентов, осложняющих предложение, высока частотность вставок (30,4%) и самый высокий их процент находим в автобиографической разновидности публицистики – 38%.

Зависимость частотности тех или иных синтаксических единиц от характера текста (темы выборки) свидетельствует о высоком речевом мастерстве автора и его умении решать прагматические задачи в многожанровом произведении.

Среди способов убеждения высока роль вопроса. В монологический текст автор включает диалог с самим собой или с потенциальным собеседником. Вопросительные предложения в нем решают не столько задачу функциональную, сколько прагматическую. Они не только заостряют обсуждаемую проблему, но и создают некую иллюзию постоянного присутствия оппонента. Автор эксплицирует свой ход мыслей, вовлекая в него потенциальных собеседников, как оппонентов, так и единомышленников. Особая роль в установлении связи с читателем принадлежит риторическим вопросам. Их выразительность может усиливаться парцелляцией наиболее значимых частей предложения и параллелизмом их построения в границах одного сложного целого.

Еще более значима роль вопросительных предложений в устной речи, требующей непосредственного контакта с собеседниками.

Вопросительные предложения могут выполнять особую функцию подчеркивания темы обсуждения, привлечения внимания к ней слушателей, предоставления им возможности выбрать свою версию, пока не прозвучит ответ говорящего лица. Для устной речи В. Познера тоже типична риторика, которая включает в мыслительный процесс слушателей, завершаясь, как правило, ответом, принадлежащим исключительно говорящему лицу.

В письменной и устной речи В. Познера велика значимость внутренних антиномий, которые формируются в границах стилистической и (или) семантической несовместимости единиц членения одной коммуникативной единицы или за счет развернутых тропов: антитезы и оксюморона. Результаты достижения прагматического эффекта восстанавливают сложную систему языковой стратегии журналиста, элитарной языковой личности, коммуникативно-мобильной, имеющей на вооружении бесконечный ряд вариантов для доказательства своей мысли. Во всех жанрах речи В. Познер использует стилистические антиномии, чередуя разговорный стиль с логически выверенной, четко выстроенной книжно-устной публицистической речью. Стратегические намерения говорящего, связанные с понижением речи, становятся понятными в тезаурусе манеры публициста так вести разговор, чтобы получать информативный результат. Кроме того, смешение разных стилей придает и письменной, и устной речи особую живость.

Из сложных синтаксических конструкций для письменной речи характерны присоединительные конструкции, позволяющие автору подвести итог, сделать вывод, дать логическое обоснование, высказать гипотезу по отношению к содержанию предыдущей части. Они имеют широкий набор вариантов: гипотактическое и паратактическое присоединение; синкретичное по способу связи присоединение, совмещающее признаки вставки, паратаксиса и гипотаксиса; самостоятельные присоединительные предложения.

В. Познер общепринятые стереотипы речевого поведения, не только не скрывая своих чувств перед потенциальными и реальными собеседниками, но и объясняя их. Он подходит с разумной степенью свободы не только к выражению мыслей, но и эмоций.

Для устной речи типичны контактоустанавливающие сложноподчиненные предложения с условными придаточными частями в препозиции, задача которых сформулировать гипотезу и привлечь к ней внимание собеседника для ее совместного обсуждения. Такие конструкции

позволяют автору просчитать различные варианты решения вопроса, встать на точку зрения оппонента, упреждая его возможные возражения.

Для книги и устных жанров характерна дифференцированная и прагматически четко направленная репрезентация субъекта речи. Формы его выражения соотносят необходимость формального присутствия говорящего лица и других участников коммуникативной ситуации с целью решения тех или иных прагматических задач. Редупликация позиции говорящего лица посредством личного местоимения первого лица единственного числа подчеркивает его личную причастность к высказываемой мысли. Экспрессия таких построений усиливается параллелизмом и лексической анафорой.

В установлении контактоустанавливающей функции широко используются прямые и переносные значения местоимений. Например, повтор предметно-личного местоимения третьего лица множественного числа имеет не только первичное значение лица, не участвующего в акте общения, но и шире – лица равнодушного, безразличного, способного лишь наблюдать со стороны и вести себя так, как будто все происходит не с ним.

Выбор вариантов субъектных форм в письменной и устной речи определяется сменой общего, известного и частного, неизвестного. Журналист может выступать от себя и своих непосредственных собеседников или разделять мнение с обобщенно-собирательным лицом. Местоимение «я» употребляется всегда, когда мысль с очевидностью принадлежит исключительно говорящему лицу. Его экспликация, входя в четкую оппозицию со всеми другими формами личных местоимений, способствует установлению контакта с собеседниками, усиливая их роль в процессе коммуникации.

Публицистический текст «Прощания с иллюзиями» содержит воспоминания о множестве лиц, раритетных явлений, событий, фактов и т.д., которые включаются в повествование посредством дефинитивных конструкций. Выбор их структуры и семантики максимально детерминирован различным характером соотношения с автором и читателем этих собственные

имен – известных, малоизвестных и неизвестных; личных и предметных; близких людей, коллег и государственных деятелей. Сопоставление синтаксических конструкций со значением названия дает представление о том, с какой языковой точностью, тактом и, где оправдано, с юмором автор именуется как мировой истеблишмент, так и свое близкое окружение и милые сердцу подробности, хранящиеся только в его собственной эмоциональной памяти.

Включению широкого ассоциативного фона, пересечению различных времен, стран, государственных деятелей служит также вставка. Благодаря своей структурной и семантической мобильности, она придает письменной и устной речи живость, позволяет компрессировать информацию об огромной эпохе – иногда не одной. Вставка способствует компрессии объемной информации, допускает осложнение в виде дополнительной парантезы и модально-эмоциональных компонентов. Выразительным может быть соположение в предложении двух вставок, отличающихся параллелизмом построения, усиленным антитезой. В письменном публицистическом тексте вставочное построение является результатом стилистической обработки, преследующей цель усиления выразительности и соответственно прагматичности, содействующей адекватности восприятия авторской мысли. В устных жанрах речи В. Познера вставка реже всего служит формой передачи спонтанно возникших мыслей говорящего лица. Чаще всего она выполняет контактоустанавливающую функцию, репрезентирует специфику речевой модели говорящего, передает его модально-эмоциональные отступления, является формой создания особой экспрессии, особенно когда речь идет об авторских прогнозах демократического развития в России, в которых автор старается избежать безнадежности, но не в силах скрыть иронию.

Для В. Познера характерна максимальная коммуникативная адаптация, детерминированная предполагаемой оценкой собеседников. Вооруженный максимумом возможных знаний о них, журналист выстраивает такую языковую стратегию, которая отличается четкостью и одновременно

вариативностью, то есть максимальной гибкостью тщательно продуманной системы коммуникативных средств, строго ориентированных на прагматический и информативный результат.

Знание нескольких языков и культур, позволяет В. Познеру обращаться с одним и тем же словом к многонациональной аудитории, что требует глубоких знаний типологии и специфики конкретных языков, а также социальных условий, национального менталитета, психологии восприятия информации, специфики речевого поведения, взаимоотношений их носителей. Публицист решает эту задачу, обнаруживая знания общечеловеческих и национальных особенностей тех, к кому он обращается, балансируя между главными предпочтениями и ожиданиями своих потенциальных и реальных собеседников, не всегда понимающих друга. Все это делает речь В. Познера универсальной и в то же время четко адресованной с точки зрения прагматического эффекта, достигаемого в книге «Прощание с иллюзиями», и в устных жанрах речи, где этот эффект непосредственно очевиден.

Цель речи В. Познера-журналиста – воздействие на адресата, аудиторию. Он, как профессионал своего дела, прекрасно понимает, что главная ценность той информации, которой он оперирует, не в ее содержании, а в том, как она организуется и оценивается автором, то есть в ее языковом представлении. Суть работы журналиста, как, впрочем, и представителей других сфер, связанных с профессиональным использованием языка, заключается в том, что новая информация создается на основе выбора из имеющегося информационного поля с последующим структурированием выбранного контента в новое информационное целое. Вопрос о том, может ли журналист прямо, непосредственно выражать свое отношение (или отношение того ресурса, на который журналист работает) к той информации, проводником которой он является, – один из самых сложных и неоднозначных. Самим выбором и формой представления может быть выражено не только отношение к тем фактам, которые описываются, но и к адресанту речи. В. Познер – актуальный пример языковой личности,

аккумулирующий актуальные изменения в использовании языка для создания прагматической информации: ранее жестко регламентированные стили сейчас в известной мере допускают разговорные, эмоциональные элементы. Есть мнение, что журналисты используют эти элементы по причине снижения их общего уровня грамотности и культуры. На самом деле это те качественные изменения в вербальном поведении, которые были необходимы в условиях развития свободы и конкуренции, появления новых форм, инновационных способов взаимодействия со зрителем на телевидении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамьянц Г.З. К диалогической телекоммуникации: От воздействия к взаимодействию. – М.: ИС РАН. – 1999. – 136 с.
2. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
3. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1984. – 212 с.
4. Алексанова С.А. Синкретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения: Автореф. .... дис. д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 46 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка – М.: Флинта: Наука. 2009. – 288 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
8. Артемьева Ю. В. Акты референции в телевизионном дискурсе: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Тверь, 2000. – 15 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Введение / Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
10. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки проблемы и категории прагматики / Новое в лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М: Прогресс, 1985. – 500 с.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

13. Архипов И. К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Известия РГПУ им. А. И. Герцена N 4 (7). – СПб: РГПУ. – 2004. – С. 75 – 85.
14. Атарова К. Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. СЛЯ. – 1980. – № 4. – С. 33 – 46.
15. Багиров Э.Г., Борецкий Р.А., Юровский А.Я. Основы телевизионной тележурналистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 240 с.
16. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. – Саратов: Наука, 2014. – 216 с.
17. Батырева Л.П. Речевой портрет провинциала (на материале частной переписки 1940–1945 гг. палехского крестьянина А.Н. Савельева). – Шуя: ФГБОУ ВПО "ШГПУ", 2011. – 175 с.
18. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 544 с.
19. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159 – 206.
20. Белошапкин А.Н. Стилистические особенности пресс-релиза в контексте современного публицистического дискурса (на примере пресс-релизов ГУ МЧС России по Хакасии) // Филологические науки. – 2013. – № 9. – 42-46 с.
21. Беляева М.А. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов. – 2002. – 191 с.
22. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
23. Бирюкова Е.О. Индивидуальный речевой портрет говорящего в телевизионном дискурсе. // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – № 31. – С. 29 – 33
24. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
25. Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 67– 95.

- 26.Брайт У. Введение: параметры социолингвистики / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 34 – 41.
- 27.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Этимология. – М.: Комкнига, 2013. – 288 С.
- 28.Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – М., 2010. – 36 с.
- 29.Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: УРСС, 1993. – 528 с.
- 30.Варнавских Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 16 с.
- 31.Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 48 с.
- 32.Гаврилова М.В. Некоторые черты речевого портрета президента России Д.А. Медведева // Вестник Тверского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 4 – 10.
33. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
- 34.Гамперц Джон Дж. Типы языковых обществ / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 182 – 198.
- 35.Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. – М.: ЛКИ, 2007. – 88 с.
- 36.Гловинская М.Я., Галанова Е.И. и др. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
- 37.Голубева И.В., Левоненко О.А. Фрагмент речевого портрета Б.Л. Пастернака (на материале общей характеристики синтаксического строя речи) / Концепт и культура: материалы III межд. науч. конф., посв. проф. Н.В. Феоктистовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 413 – 424.

38.Голубева, И.В. Устный роман Лилианны Лунгиной «Подстрочник» как материал для создания речевого портрета / *European Social Science Journal*. – 2012. – № 4. – С. 195 – 201.

39.Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы). – Таганрог, 2001. – 265 с.

40.Голубева И.В., Фатеев А.Е. Качественно-количественный анализ конструкций экспрессивного синтаксиса в поэзии, прозе и мемуаристике В. Набокова / *Девятые Поливановские чтения: Сб. статей по материалам докладов и сообщений конференции в 3-х частях. Часть II. Общие вопросы языкознания. История языка и диалектология. Слово в тексте*. – Смоленск: СмолГУ, 2009. – С. 174 –187.

41.Гольдин В.Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / *Вопросы стилистики*. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 9–19.

42.Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

43.Делл Х. Хаймс. Этнография речи / *Новое в лингвистике. VII. Социолингвистика*. – М.: Прогресс, 1975. – С. 42 – 95.

44.Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения / *Семантика языковых единиц. Доклады V Международной конференции. Т. II*. – М.,1996. – С.130 – 136.

45.Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта, 2008. – 203 с.

46.Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. *Общая риторика*. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.

47.Дутов И.В. Гендерные особенности функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности: межкультурный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2014. – 24 с.

48. Журавлев А.П. Диалог с компьютером. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 208 с.
49. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 383 с.
50. Запольская Н.Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистич. рефлексии. – М.: Индрик, 2003. – 238 с.
51. Звонарева Ю.В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2013. – 26 с.
52. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
53. Иванчикова Е.И. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте / Русский язык. Проблемы художественной речи. – М.: Наука, 1981. – С. 92 – 110
54. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 398 с.
55. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки / Речь. Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2000. – С. 63-69.
56. Инфантова Г.Г. Язык. Речь. Личность. – Ростов-на-Дону: Легион, 2008. – 502 с.
57. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
58. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
59. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 232 С.
60. Караулов Ю.Н. 1987. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

61. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3 – 8
62. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия. – РАН., 1997. – 703 с.
63. Карданова К.С. Языковая картина мира: мифы и реальность // РЯШ. – 2010. – №9. – С. 61– 65; №10. – С. 56 – 61.
64. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Научный мир, 2005. – 493 с.
65. Китайгородская М.В. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1995. – 114 с.
66. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 184 с.
67. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. третье, испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
68. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН. Серия литературы и языка. – М., 1994. – № 2. – С.3 – 15.
69. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX-XXI вв.): Автореф. ... дис. д-ра пед. наук. – Томск, 2013. – 39 с.
70. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975.–С. 96 –167.
71. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
72. Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 171 с.
73. Леденев Ю.Ю. Явления изофункциональности в синтаксисе языка. – Ставрополь: СГУ, 2001. – 168 с.

74. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень, ТГУ, 1999. – 187 с.
75. Макдэвид-мл. Р.И. Диалектные и социальные различия в городском обществе / Новое в лингвистике. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 363–381.
76. Малычева Н.В. К вопросу о типологии текстовых категорий / Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2002. – С. 135-144.
77. Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: Дис.... канд. филол. наук. – Краснодар, 2003. – 148 с.
78. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
79. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица ("портрета") говорящего: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1993. – 32 с.
80. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Попыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. – 992 с.
81. Мельчук И.А. Словообразование и конверсия / Русский язык в модели «смысл текст». – М.; Вена: Языки русской культуры, 1995. – С. 505 – 512.
82. Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах / Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, Арго, 1996. – С. 7 – 13.
83. Негрышев А.А. Речевое воздействие в новостях / Inter-Cultural-Net: Международный (электронный) научно-практический журнал. – Владимир, 2008. – Вып. 7.
84. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112 – 116.
85. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития

русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М., 1991. – С. 73 – 75

86.Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика. – Минск, БГУ, 2009. –183 с.

87.Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. – М.: Флинта, 2013. – 254 с.

88.Олешков М.Ю. Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Под ред. М.Ю. Олешкова. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – 496 с.

89.Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. – Нижний Тагил: Уральский государственный педагогический университет, 2006. – 342 с.

90.Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» / Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1964. – С.187 – 199.

91.Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. – М.: РУДН, 2004. – 323 с.

92.Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... докт. филол. наук. – Саратов. – 2005. – 325 с.

93.Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Иностранная литература, 1960. – 501 с.

94.Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

95.Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 615 с.

96.Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж: Воронежский университет, 1973. – 220 с.

97.Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

98.Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 400 с.

99.Рузин И.Г. Философские аспекты лингвистического исследования / ВМУ. М., 1993. – № 3 – С. 46 – 55

100. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982, Т. II – 710 с.
101. Русская грамматика. – Прага: Академия наук, 1979, Т. II. – 1094 с.
102. Рысина И.М. К вопросу о содержании термина “языковая личность” / Русский язык и активные процессы в современной речи. – Ставрополь, 2003. – С. 186 – 191.
103. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: Дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1999. – 421 с.
104. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
105. Скобликова Е.С. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
106. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: Томский ун-т, 1981. – 255 с.
107. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 323 с.
108. Солганик Г.Я. Очерки функционального синтаксиса. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
109. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 1999. – 432 с.
110. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: КО, 2001. – 227 с.
111. Стернин И.А. К теории речевых культур носителя языка/ Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С.22-29.
112. Столнейкер Я.С. Прагматика / Новое в лингвистике, Вып. XVI, Лингвистическая прагматика. – М: Прогресс, 1985. – 500 с.
113. Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: Дис. ... канд. педагогич. наук. – Воронеж, 2005. – 271 с.

114. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. – М.: Флинта, 2012. –196 с.
115. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис, Российский государственный гуманитарный университет – <http://www.brusov.am/docs/library/testelec.htm>, 2001. – 797 с.
116. Томарева И.Г. Лингводидактический аспект формирования речевой культуры менеджера: Автореф. дис. ... канд. педагогич. наук. – М., 2006. – 16 с.
117. Урванцев К.Г. Жанры современной теле- и радиорекламы (риторический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук.. – Волгоград, 2006. – 191 с.
118. Ухова Л. В. Речевые средства реализации авторского намерения в жанре телеинтервью: Дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2001. – 353 с.
119. Фесенко О.П. От языковой личности к речевому портрету, или еще раз о терминологическом разнообразии в лингвистике / Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы международной научно-практической конференции. – Омск: Омская юридическая академия, 2013. – С. 157 – 163.
120. Хаймс Делл Х. Два типа лингвистической относительности / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 229 – 299.
121. Харитоновна Е.В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденции к экономичности и к дистинктности (на материале современной прессы): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 266 с.
122. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 441–472.
123. Чале З. И. Дихотомия устных и письменных форм языка в лингвокультуре XI – XX вв. (на материале русского и немецкого языков): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. – 26 с.

124. Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 1992. – 166 с.
125. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». – Таганрог, Таганрогский гос. пед. ин-т, 2008.– 136 с.
126. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности. Автореф. ... дис. д-ра пед. Наук. – Тверь, 2012. – 56 с.
127. Чурилина Л.Н. «Языковая личность в художественном тексте». – М., 2011. – 240 с.
128. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
129. Ширина Е. В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2007. – 288 с.
130. Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012.
131. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке / Звегинцев В.А. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях, ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1964. – С.116-121.
1. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
  2. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
  3. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. –150 с.
  4. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения / Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1964. – С. 127 – 135.

5. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М.: Эдиториал, УРСС, 2003. – 296 с.
6. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М., Прогресс, 1975. – С. 336 – 362.
7. Юдина, М.В. Референциальный контекст и синтаксическое наведение как факторы, влияющие на разрешение синтаксической неоднозначности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 26 с.
8. Barker C., Galasiński D. Cultural Studies and Discourse Analysis: A Dialogue on Language and Identity. – London: Sage Publications Ltd, 2001. – 208 pages.

Справочная литература

1. Розенталь, Д. Э. Справочник по пунктуации. – М.: Книга, 1984. – 272 с
2. Словарь в 20 т. – Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. – М.: Русский язык, 1991– 1993.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. М. – Л.: АН СССР, 1950-1956.
4. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка/ под ред. А. И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 544 с.
5. ТСОШ – С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1994. – 998 с.
6. Тихонов, А. Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. – М.: Цитадель, 1996, 704 с.

Языковой материал.

1. Познер, В.В. Прощание с иллюзиями. – М.: Астрель 2012. – 480 с.
2. Открытая лекция о журналистике в России в Мультимедийном пресс-центре РИА: <http://pozneronline.ru/2013/05/4880/>.

3. Интервью в телевизионной программе «Познер» с Д. Медведевым:
http://www.1tv.ru/projects_edition/si5756/fi16171 и с Р. Литвиновой:
http://www.1tv.ru/projects_edition/si5756/fi18881.